

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ**

ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

**РОССИЯ
И
МУСУЛЬМАНСКИЙ МИР**

2011 – 10 (232)

Научно-информационный бюллетень

Издается с 1992 года

**Москва
2011**

*Центр гуманитарных
научно-информационных исследований*

Редакционная коллегия:

Л.В. Скворцов – д-р филос. наук, шеф-редактор, *А.Г. Бельский* – канд. ист. наук, автор проекта, научный консультант, *Е.Л. Дмитриева* – главный редактор, *О.П. Бибикина* – канд. ист. наук, первый зам. главного редактора, *Д.Б. Малышева* – д-р полит. наук, *А.В. Малащенко* – д-р ист. наук, *А.Ш. Ниязи* – канд. ист. наук, зам. главного редактора, *В.Г. Садур* – канд. ист. наук, *Д.Е. Фурман* – д-р ист. наук, *В.Н. Сченснович* – отв. за выпуск.

Россия и мусульманский мир: Научно-информационный бюллетень / РАН. ИНИОН. Центр гуманит. науч.-информ. исслед. – М., 2011. – № 10 (232). – 168 с.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Дмитрий Ефременко.</i> Россия в зоне турбулентности	4
<i>Альбина Михалёва.</i> Региональное измерение исламской идентичности в России. (На примере Пермского края)	20
<i>Замир Думанов.</i> Северный Кавказ: От сепаратизма к радикальному исламу	25
<i>Алексей Малащенко.</i> Реальности и стереотипы восприятия ислама на Северном Кавказе.....	29
<i>Парвин Дарабади.</i> Каспийский регион в международно- геополитической системе начала XXI века	38
<i>Кенан Аллахвердиев.</i> Этнополитическая безопасность Азербайджана в начале XXI века: Основные сценарии	54
<i>Андрей Казанцев.</i> Многовекторность внешней политики и геополитическая неопределенность республик Центральной Азии	65
<i>Елена Ионова.</i> Итоги президентских выборов в Казахстане	82
<i>Жылдыз Урманбетова.</i> Киргизстан: Взгляд в настоящее и будущее.....	88
<i>Е. Борисова.</i> Таджикистан – Узбекистан: Борьба за водные ресурсы.....	98
<i>Дина Малышева.</i> Центральная Азия в контексте афганской ситуации	108
<i>Анатолий Ливен.</i> Понять Пакистан: Почему простые рецепты там не работают.....	118
<i>И. Иванова.</i> Турция и события на Ближнем Востоке.....	133
Социальный взрыв на Арабском Востоке.....	141
<i>О. Меренкова.</i> Влияние национального и конфессионального аспекта идентификации бенгальцев на формирование независимого государства Бангладеш	151
<i>Андрей Бакланов.</i> Бен Ладен – явление в современной политике.....	154
<i>Шамиль Биккулов.</i> Ислам и Запад	162

**КОНФЛИКТУ ЦИВИЛИЗАЦИЙ – НЕТ!
ДИАЛОГУ И КУЛЬТУРНОМУ ОБМЕНУ
МЕЖДУ ЦИВИЛИЗАЦИЯМИ – ДА!**

Дмитрий Ефременко,
доктор политических наук (ИНИОН РАН)
РОССИЯ В ЗОНЕ ТУРБУЛЕНТНОСТИ

Второе десятилетие XXI в. началось в мировой политике с трагедии маленького человека в провинциальном тунисском городке Сиди-Бузид – самосожжения молодого торговца, который не вынес оскорбления, нанесенного ему местной чиновницей. В других обстоятельствах это событие, вероятно, осталось бы лишь темой пересудов в лавках и кафе тамошней медины, но на сей раз оно в считанные недели превратилось в ураган, охвативший весь Арабский Восток. И хотя предпосылки обрушения режимов Бен Али и Мубарака, гражданской войны и операции международных коалиционных сил в Ливии являются системными, именно крошечный камешек столкнул лавину фундаментальных изменений в одном из ключевых регионов планеты.

Революционные потрясения в странах Арабского Востока уже стали предметом политического анализа, причем сторонники тех или иных подходов спешат увидеть в этих событиях подтверждение своих идей либо повод для их корректировки. Очень многое определяется тем, как описывать международную ситуацию в целом – как процесс нелинейный, многовариантный и не имеющий заранее предрешенного результата в духе «конца истории» Ф. Фукуямы, либо как общее следование за цивилизационным авангардом, который, разумеется, знает, куда идет. Происходящее уместнее описывать в терминах не «волн демократизации», а политической турбулентности. Малые события порождают цепную реакцию массового, низового протеста, за которым организованные политические силы – от партий и движений в самих арабских странах до зарубежных государств, международных организаций и военно-политических блоков – вынуждены следовать,

пытаясь направить его в нужное русло. И с куда большим основанием нынешние катаклизмы могут быть интерпретированы как предвестники вступления мирового сообщества в область неизведанного, где его, возможно, ожидает еще более сильная встряска.

Наиболее значительный вклад в разработку идеи турбулентности в мировой политике внес Д. Розенау. Свою основную работу по этой теме он опубликовал в самом начале событий, обваливших Берлинскую стену, а вскоре – и Советский Союз. Идя по пути радикализации теорий взаимозависимости, Розенау писал о вступлении мира в эру «постмеждународной» политики, когда глобальные политические процессы начинают определяться разнонаправленными действиями немыслимого прежде множества коллективных акторов, руководствующихся разными целями и использующих для их достижения новейшие технические возможности. Результатом становится длительная хаотизация международных процессов, сохраняющаяся и даже нарастающая в условиях, когда продолжают функционировать стабильные структуры политического управления. При этом турбулентность превращается в неотъемлемый атрибут мировой динамики, указывающий не только на потрясения, сопровождающие те или иные «штатные» сдвиги в основных переменных составляющих локальных или глобальных процессов, но и на изменения, опрокидывающие все устоявшиеся правила, модели и закономерности.

С тех пор прошло два десятилетия. Тем не менее мир явно остается во власти все того же потока, мощь и продолжительность которого заставляют задуматься о фундаментальном характере глобальных изменений. За эти 20 лет были периоды относительно затишья, но их мимолетность показывала, что источники турбулентности не только не иссякают (как ожидали многие после окончания «холодной войны»), а множатся, возникая порой и там, где никто не ждал их появления.

Похоже, что сегодня мы имеем дело с новым качеством турбулентности, обусловленным двумя взаимосвязанными процессами. Один из них – глобализация. Другой – поствестернизация – еще только утверждается в мировом социально-научном дискурсе. Его не надо смешивать с девестернизацией. Речь идет о том, что, опираясь на полутысячелетний опыт доминирования Запада, учитывая и перерабатывая его, мировая цивилизация будет далее развиваться совсем не как глобальный Запад. Причем конкретные параметры новой фазы цивилизационного развития еще до конца не ясны, а то, что мы наблюдаем сейчас, – это длительный и турбу-

лентный переход, «междущарствие модерна», тревожное преддверие новой эры.

Основные характеристики турбулентности XXI в. (начавшегося, впрочем, в 1991 г., по истечении «короткого двадцатого века», по выражению Э. Хобсбаума) связаны не только с завершением эпохи доминирования Запада, но и с глобальностью мировых процессов. Речь теперь идет не просто об усиливающейся тенденции к взаимозависимости и транснационализации, но о таком качественном состоянии, когда мир-система, обретя единство, оказалась закрытой, замкнутой, не имеющей внешней периферии. Новое качество состоит в том, что турбулентность происходит в системе, лишенной возможностей внешней экспансии и, следовательно, снижения внутреннего давления.

Разумеется, внутри замкнутой глобальной системы сохранилось еще довольно много внутренних переборок и перегородок, остаточных рудиментов разделенного на части мира, в котором при необходимости всегда можно было найти новые пространства для хозяйственного освоения, оттока «избыточного» населения или хотя бы для загрязнения отходами индустриальной деятельности. Сохранение подобных рудиментов суверенитета и партикулярности само по себе создает перепады внутреннего давления и, следовательно, турбулентные потоки. И здесь уже многое зависит от того, насколько устойчивы эти унаследованные от Вестфальской эпохи перегородки: или это всего лишь бесполезные руины, или же старомодные, но еще относительно надежные укрепления, способные служить защитой от вихревых потоков средней мощности. Во всяком случае, в поисках причин современной турбулентности следует очень серьезно отнестись к асимметрии суверенитетов в системе международных отношений и увеличивающемуся разнообразию существующих типов государственности.

Экономические факторы, как и в прежние эпохи, играют определяющую роль в обеспечении стабильности или дестабилизации социальных систем и политических режимов. Однако в «замкнутом» мире движение потоков капитала менее чем когда-либо соответствует идеальным представлениям о «естественном регуляторе» экономических процессов. Напротив, мгновенные перетоки капитала, нередко обусловленные спекулятивной игрой или конъюнктурными обстоятельствами, в считанные дни могут поставить процветавшие нации на грань экономического коллапса и социального взрыва. При этом сокращающиеся возможности пространственной экспансии капитала, прежде всего финансового, компен-

сируются лихорадочным стремлением к экспансии во времени, т.е. к различным формам «жизни взаимности», «надуванию пузырей» во всех областях экономики и финансов, где это только возможно – от сырья и недвижимости до сектора высоких технологий. На протяжении первого десятилетия XXI в. большинство из этих пузырей последовательно лопались. И сегодня последним рубежом экспансии капитала во времени становится надувание пузыря государственного долга. В случае США – крупнейшей в мире экономики и страны – эмитента мировой валюты – оно чревато глобальным коллапсом, размеры которого могут значительно превзойти масштабы кризиса 2008–2009 гг. Но турбулентности способны провоцировать и меры экономического оздоровления, которые будут означать значительное сокращение расходов в государственном и частном секторах Соединенных Штатов, что приведет к схлопыванию потребительского спроса в глобальном масштабе и сделает реальной угрозой новой рецессии мировой экономики.

Турбулентность в международной политике в настоящее время как никогда прежде связана и с тем, что можно назвать турбулентностью естественной, – возрастающей уязвимостью социотехнических систем перед природными катаклизмами, часть из которых, по всей видимости, обусловлена антропогенным воздействием на климат планеты и критически важные для равновесия глобальной окружающей среды экосистемы. Множатся свидетельства того, что через природные аномалии и катастрофы биосфера все чаще предопределяет поведение человека и социальных общностей. К числу прямых следствий этих процессов относятся повсеместное обострение проблемы продовольственной безопасности, растущее неравенство в доступе к пресной воде, все менее контролируемые миграционные потоки и появление очагов социальной нестабильности даже в прежде «благополучных» обществах. Однако и в тех случаях, когда положительная обратная связь между масштабом природных катастроф и антропогенным воздействием отсутствует, можно все чаще наблюдать феномен, когда природная катастрофа с большим количеством разрушений и человеческих жертв в одной из частей планеты порождает комплексные и долгосрочные последствия. Один из последних трагических примеров – землетрясение и цунами в Японии, спровоцировавшие самую серьезную после Чернобыля аварию на объекте атомной энергетики. Это событие будет иметь долгосрочные последствия для мировой энергетической политики, по сути дела, еще более

сужая и без того ограниченный набор возможностей в решении энергетических проблем человечества.

На этом фоне положение России противоречиво, поскольку она уже значительно интегрирована в глобальные процессы, но вовлеченность не является тотальной, и часть потоков мировой турбулентности обходит нас стороной. Разумеется, не все. Расчеты российских сопративителей на особое положение «тихой гавани» были, как известно, с легкостью опрокинуты кризисным штормом 2008 г. Но все же с потоками менее сильными пока вполне успешно справляются старомодные бастионы суверенного государства, а некоторые из более сильных ветров затрагивают нас, скорее, по касательной.

После распада СССР нынешнее поколение россиян чуть раньше других народов ведущих стран успело накопить свой собственный опыт выживания в эру «великих потрясений», и адаптивные способности в этом отношении у нас развиты лучше. Более того, во многом благодаря достаточно высокой степени внешнеполитической маневренности России в хаотизирующемся мире удалось достичь по-своему уникального состояния, когда отношения с большинством стран являются хорошими или удовлетворительными. Даже в экономическом отношении ниша крупнейшего поставщика энергоносителей оказалась более надежной, чем почетные позиции флагмана экономики знаний. Вероятнее всего, это состояние ситуативно, преходяще, оно подобно штилю внутри «глаза тайфуна». Но пока России удается уместиться внутри этой зоны – нам в самом деле, как заметил недавно С. Караганов, «везет». Вопрос, однако, состоит в том, как долго Россия сможет оставаться в достаточно выигрышном положении при продолжающемся усилении турбулентности.

Здесь есть по меньшей мере две составляющие.

Во-первых, способность и далее умело вести лайнер российской внешней политики через зону турбулентности, опираясь на представления о мире, адекватные современным глобальным процессам.

Во-вторых, и это главное, – не допустить того, чтобы Россия сама превратилась в новый мощный источник мировой дестабилизации. Именно последнее обстоятельство является определяющим в дискуссии о возможной эволюции российской внешней политики после думских выборов 2011 г. и президентских выборов 2012 г.

В первые три года существования путинско-медведевского дуумвирата внешняя политика в основном оставалась вне сферы реальных или мнимых противоречий между соправителями. Мюнхенская программа-минимум – длительная приостановка продвижения НАТО на постсоветском пространстве – была выполнена еще в 2008 г. Вслед за этим при сохранении прежних ориентиров Москве было необходимо продемонстрировать снижение накала полемики, готовность к диалогу и выстраиванию партнерских отношений с Западом в контексте совместных усилий по преодолению последствий глобального экономического кризиса. Президент Дмитрий Медведев эффективно решал эти задачи, которые, несомненно, были частью совместной стратегии дуумвиров.

На этом фоне неожиданностью стал всплеск заочной полемики между Владимиром Путиным и Дмитрием Медведевым по поводу резолюции ООН № 1973, открывшей путь военной операции против режима Каддафи. Любопытно, что полемика вспыхнула уже после того, как Кремль принял решение (скорее все-таки принципиально согласованное) не накладывать вето на эту резолюцию. Причем это явно было решение, основанное на расчете выгод и издержек ситуации, когда Москва не препятствует Западу втянуться в очередную войну в исламском мире. Разница, очевидно, заключалась в том, что Путин сразу после начала авиаударов по ливийским военным объектам не чувствовал себя связанным какими-либо обязательствами перед новой коалицией и использовал стандартный оборот антизападной риторики, тогда как Медведев выступил с оправданием если не действий Запада, то, во всяком случае, принятой резолюции.

В потоке суждений и комментариев экспертов, стремившихся в очередной раз увидеть признаки бесповоротного раскола тандема, мало кто обратил внимание, что президент России аргументировал свою позицию с использованием терминологии гуманитарного интервенционизма. Ранее подобная линия аргументаций использовалась во время пятидневной войны в августе 2008 г. Но в целом идеи гуманитарного интервенционизма явно не относились к числу популярных в России внешнеполитических дискурсов. И прежде чем задаться вопросом о его перспективах, стоит подумать о том, почему, кроме политического реализма, у нас явно отсутствуют устойчивые течения или школы внешнеполитической мысли, сопоставимые с либеральным вильсонизмом или популистским джексонизмом в США? Нельзя ведь сказать, что подобные идеи у нас вовсе не звучат. Напротив,

российское экспертное сообщество вполне в состоянии предлагать эти идеи *a la carte*, или по крайней мере транслировать их от внешних источников генерации. Однако помимо предложения необходимо спрос.

Но каковы же источники и механизмы формирования такого спроса? Те или иные направления внешнеполитической мысли будут устойчивыми, только если они связаны со стабильными и влиятельными группами интересов, а сами эти интересы выражены в соответствующих идеологемах. Понятно, что из-за разрывов исторической преемственности в XX в. у нас нет прямых соответствий течениям масштаба джексоновства или вильсонизма. Могли бы они появиться, если бы не эти разрывы? Несомненно, да. Ведь уже в установочном для русского консерватизма тексте – карамзинской «Записке о древней и новой России» – историософская аргументация в пользу самодержавной «вертикали власти» спроецирована на вполне конкретные обстоятельства европейской политики после Тильзитского мира. Но если идеи Карамзина относительно природы российской власти отчасти применимы и к внутриполитической ситуации в начале XXI в., то его оценки турбулентной эпохи Французской революции и Наполеоновских войн будут поучительными для тех кто пытается сориентироваться в бурлящем мире поствестернизации

Сложнее будет с «опрокидыванием» в современность внешнеполитических идей дореволюционных либералов. Скорее, случайностью выглядит аналогия между империалистическими устремлениями кадетского лидера П. Милюкова и чубайсовской идеей «либеральной империи», которая в свое время вызвала непродолжительную оживленную полемику, но серьезного концептуального развития так и не получила.

Устойчивость и востребованность внешнеполитических идей напрямую определяются интересами влиятельных сил и артикуляцией этих интересов в публичном пространстве. В постсоветскую эпоху появились принципиально новые группы интересов, которые на протяжении 1990-х годов вполне успешно осваивали публичное пространство. Воссоздание вертикали власти не означало устранения групп интересов – напротив, происходила их дальнейшая консолидация. Однако формы артикуляции и механизмы согласования различных интересов и разрешения конфликтов существенно изменились, будучи в период путинского президентства тесно привязанными к власти. Пожалуй, наилучшим образом специфику этой ситуации описывает предложенная

Ю. Пивоваровым метафора «властной плазмы», способной объединять даже несовместимые друг с другом кластеры российской элиты на основе специфического регулирования отношений «власть–собственность». Именно в этой аморфной субстанции разрешаются и возникают вновь конфликты между основными группами интересов. «Властная плазма» служит питательной средой для дальнейшего структурирования и дифференциации групп интересов, часть из которых имеет уже вполне определенные геоэкономические и геополитические предпочтения (постсоветское пространство, Европейский союз, США, Китай и страны АТР). Впрочем, эти предпочтения артикулированы пока довольно невнятно.

Политические дискуссии предвыборного года, распространившиеся и на сферу российской внешней политики, свидетельствуют о том что «властная плазма» как механизм политико-экономического управления, «разруливания» конфликтов перестает устраивать многие влиятельные силы, равно как и массовые группы, на которые эти силы хотели бы или могли бы опереться. Сама ситуация реконфигурации власти и начала первого «длинного» (шестилетнего) президентства означает не только завершение промежуточного периода тандемократии, но и возможность эмансипации основных групп интересов. Если «после дуумвирата» они заявят о себе, перейдя из состояния «властной плазмы» к полноценному существованию в публичном политическом пространстве, то, по всей вероятности, будет запущен и процесс формирования устойчивых внешнеполитических доктрин. Доктрин, опирающихся не на предпочтения отдельных экспертов, а на формируемый стабильными структурами, укорененными в российском обществе.

Основой процесса являются как общие макросоциальные изменения, связанные с укреплением российского среднего класса и формированием его идентичности, так и с дальнейшей трансформацией структуры элитарных групп. По всей видимости, в ближайшие годы средний класс, как и другие крупные социальные группы, еще не будет в состоянии сформировать четкий запрос на то или иное направление внешней политики. Скорее, запрос останется размытым и внутренне противоречивым, в чем-то отдаленно напоминающим весьма эклектичные внешнеполитические устремления тех широких слоев американского общества, на которые опираются сегодня оппоненты президента Обамы, в том числе пассионарии из «партии чаепития». В Америке, однако, элитарные

группы способны артикулировать запросы широких слоев, сопрягать их с интересами бизнеса, военно-промышленного комплекса, различных меньшинств и т.д. Группы российской элиты, погруженные во «властную плазму», варятся в собственном соку, не испытывая (до последнего времени) сильной потребности во взаимодействии с массовыми группами. В конечном счете речь идет о качестве нынешней российской элиты, о степени ее укорененности в современном обществе и об осознании ответственности перед этим обществом.

Российский городской средний класс, или «новые сердитые», как метко назвал его представителей А. Дадаев, информационно и технологически уже вполне интегрирован в глобализированный мир, но это не значит, что при жестком критицизме в отношении собственной власти и элиты он заведомо будет генерировать прозападный и промодернизационный запросы. Скорее это будет установка на то, чтобы отношения России с внешним миром начали реально работать на его, среднего класса, интересы. Но представители критически настроенного среднего класса в числе первых откажутся поддержать политику, которая при всех декларациях открытости Западу и стремления к модернизации будет реально работать лишь в интересах нескольких элитарных групп.

Не исключено, что в среднесрочной перспективе появятся основания говорить о формировании широких коалиций в поддержку стабильности или обновления, коалиций, отражающих и массовые запросы, и интересы тех или иных групп элиты. Формирование таких коалиций могло бы стать основой трансформации социально-политического порядка, преодоления нынешней модели «властной плазмы». Одним из множественных последствий появления таких коалиций, по всей видимости, станет и «укоренение» в российском публичном пространстве различных школ внешнеполитической мысли. Вопрос состоит в том, будут ли эти изменения ускорены электоральными кампаниями 2011–2012 гг. или же окажутся сопряжены с другими, возможно, тревожными событиями эпохи «после дуумвирата».

От того, какой будет новая конфигурация власти после выборов в 2011 и 2012 гг., зависит не столько радикальное изменение российского внешнеполитического курса (довольно маловероятное), сколько то, станет ли Россия новым источником глобальной турбулентности. И здесь обнаруживается, что менее важен результат, конкретная персона на вершине властного Олимпа, нежели сам процесс выборов, их способность (или неспособность) обеспе-

чить легитимность следующего президентства. Потребность в новой полноценной легитимности вызвана уже тем, что модель «властной плазмы» утрачивает эффективность, переставая отвечать нуждам ряда влиятельных групп и массовым социальным запросам.

Следует подчеркнуть, что это должна быть легитимность в глазах граждан России (критерии ОБСЕ или других наднациональных институций, дающих оценки электоральным процедурам, являются в данном случае не более чем субсидиарными). А она не сводится лишь к чистоте процедуры выборов, но складывается также из соответствия политики избранного президента массовым ожиданиям. В этом смысле легитимность президентства Б. Ельцина обеспечивалась не только победой в реальной конкурентной борьбе на выборах 12 июня 1991 г., но прежде всего огромным потенциалом надежд, которые возлагали на него самые разные слои населения. Выборы 1996 г. едва ли укрепили эту легитимность, но изначального запаса надежд хватило на все 1990-е годы. В случае Путина наибольшую роль в легитимации власти сыграли не конкурентные выборы, но соответствие изменившемуся социальному запросу. Легитимность дуумвирата Путин–Медведев была инерционной, продолжающей легитимность путинского президентства.

Основная проблема нынешних выборов состоит именно в необходимости получения новой легитимности, и сейчас все большее количество представителей самых разных политических взглядов сходятся в том, что наилучшим инструментом решения этой задачи могут быть выборы, выигранные в реальной конкурентной борьбе. В нынешних условиях одержать победу с использованием административного ресурса способен любой располагающий им кандидат. Но такая победа практически не создаст новому президенту легитимности. На эксплуатацию остатков прежнего доверия мог бы в лучшем случае рассчитывать Владимир Путин, опираясь на патерналистски ориентированный электорат, но предложив ему некий новый социальный контракт в духе обновленного политического консерватизма или модифицированного солидаризма. Ну а если при полном использовании всех административных рычагов победа будет обеспечена кандидату, декларирующему либеральные ценности, то с высокой степенью вероятности можно ожидать либо полной делегитимации нового президентства (со всеми последствиями, известными по послед-

ним годам горбачёвского правления), либо радикального поворота, означающего отказ от принципа «свобода лучше, чем несвобода».

Альтернативные свободные выборы – совсем не панацея; использование этого инструмента в условиях «вегетарианского», по выражению И. Крастева, авторитаризма способно привести и к непредсказуемым последствиям. Но сегодня в российской политике необходим «гамбургский счет», нужно понять реальное соотношение сил и интересов (в том числе внешнеполитических), а не пытаться усыплять себя разговорами о безальтернативности модернизации либо о непреходящей ценности политической стабильности. Обеспечение представительства сил самой разной направленности, реально присутствующих в обществе, но не существующих в официальном политическом ландшафте, является средством предупреждения внутренней турбулентности.

Между тем признаки утраты контроля и проявлений делегитимации явно обозначились уже в конце 2010 г., когда стало ясно, что на арену общественной и политической жизни выходит новая внесистемная сила. Акция болельщиков «Спартака» на Манежной площади 11 декабря 2010 г. стала симптомом нарастания внутренней политической турбулентности, продемонстрировав спонтанность, потенциал массового участия, быстроту мобилизации, неподконтрольность легально действующим политическим силам и растерянность властей. Особенно тревожным показателем неблагополучия явилась направленность протестного потенциала. Москвичи наблюдали не просто выплеск ксенофобских настроений, в основе которого лежит примитивное деление на «своих» и «чужих», но готовность провести это деление по карте страны, отгородиться (а то и осуществить сецессию) от части территории российского государства. «Национал-изоляционизм» – так можно назвать это направление, если оно получит серьезное идеологическое обоснование, – представляет собой исключительно опасную утопию, попытка осуществления которой автоматически превратит Россию в одну из основных зон мировой турбулентности.

Протест, прорвавшийся на поверхность в конце прошлого года, сразу же обнажил то, что ни для кого не было секретом, – структурную и конструктивную уязвимость нынешнего Российского государства. Обрушение Советского Союза не могло не привести к появлению опасных трещин и в государственной конструкции Российской Федерации. На протяжении 1990-х годов центральная власть стремилась не допустить, чтобы эти трещины расширились до критического уровня. В следующем десятилетии

как будто удалось большее: трещины замазали и подштукатурили. Теперь штукатурка начала осыпаться, и сотрясение даже средней силы способно эти трещины вновь расширить. В таких обстоятельствах конкурентные выборы как наиболее эффективный способ легитимации власти и обеспечения представительства основных групп интересов могли бы стать средством укрепления государственности, нахождения разумного баланса между стабильностью и модернизацией, упрочения позиций России в турбулентном мире.

Внешнеполитические опции после 2012 года

Внутренняя уязвимость государственной конструкции и внешняя турбулентность – вот рамочные условия следующего президентства. Любые усилия по разработке российской внешнеполитической стратегии во втором десятилетии XXI в. окажутся тщетными, если завершение периода дуумвирата будет способствовать нарастанию тенденций внутренней дестабилизации, напряжения в межэтнических и федеративных отношениях и превращению России в новый источник глобальных потрясений. То, как Россия преодолеет рубеж 2012 г., станет определяющим и с точки зрения эффективности ее внешней политики.

Очевидно, что избранный президент (неважно, кто персонально им окажется) должен иметь новый полноценный мандат, а не пытаться закрепиться у власти, эксплуатируя остатки прежней легитимности. Разумеется, укреплению новой легитимности будут способствовать и ключевые внутривнутриполитические мероприятия начального периода следующего президентства. И если консолидация власти пройдет успешно, не вызывая нарастания социального недовольства и политической напряженности, то вновь избранный президент, очевидно, захочет обладать максимально полным набором инструментов внешнеполитической деятельности.

В этом смысле едва ли оправданно идти на самоограничение политического маневра, следуя какой-либо нормативной доктрине. Глобальную турбулентность после произнесения присяги российского президента никто не отменит. Скорее, напротив, следует ожидать новых потрясений, вызванных прежде всего мировой экономической динамикой, а именно тем, что ни одну из основных причин кризиса 2008–2009 гг. устранить не удалось, болезнь загнана внутрь. Наверняка и процессы поствестернизации породят немало новых шквальных порывов.

Если фундаментальную неопределенность «междоусобия модерна» и глобальную турбулентность рассматривать как Zeitdiagnose (диагноз времени) начала XXI в., то для российской внешней политики это означает необходимость решения трех взаимосвязанных задач:

- предотвращать либо минимизировать дестабилизирующее воздействие глобальной турбулентности на внутривнутриполитические процессы;

- насколько возможно использовать глобальную турбулентность в российских интересах;

- добиваться полноценного участия России в определении будущих правил игры – нового мирового порядка, который рано или поздно придет на смену «междоусобию модерна».

Первые две задачи представляют собой попытку продлить «момент везения», подольше удержаться внутри «глаза тайфуна». Их решение потребует сохранения максимальной степени внешнеполитической маневренности, открытости к конструктивному взаимодействию со всеми влиятельными акторами мировой политики и недопущения поспешного встраивания в ту или иную жесткую конфигурацию военно-политических союзов и интеграционных механизмов, где Россия окажется на положении ведомого.

Усиление конкурентной борьбы между США и Китаем за глобальное лидерство станет, очевидно, одним из основных трендов предстоящего десятилетия. Объективно Россия обладает потенциалом, способным обеспечить стратегический перевес одной из сторон. Однако Москве здесь есть чему поучиться у того же Пекина, который в последние два десятилетия «холодной войны» пребывал в сходном положении. Избранная Мао Цзэдуном и его наследниками тактика «обезьяны, наблюдающей за схваткой двух тигров», оказалась выигрышной, причем торжествующая обезьяна так и не присоединилась ни к одному из участников схватки. В нынешних обстоятельствах Россия может максимизировать выгоды, не присоединяясь ни к одному из соперников, но стремясь выстроить партнерские отношения с каждым из них.

К настоящему моменту, несмотря на серьезные достижения политики перезагрузки, российско-американские отношения так и не приблизились к уровню отношений между Москвой и Пекином. Основная трудность состоит здесь в неспособности Москвы и Вашингтона согласовать принципиально новую повестку двусторонних отношений, отвечающую современным реалиям. В результате к концу (первого?) президентского срока Барака Обамы в повестку

двусторонних отношений может быть включена проблема противоречивой обороны, которая, по всей видимости, выявит пределы российско-американской перезагрузки, а то и вовсе ее похоронит. Вместе с тем возвышение Китая рано или поздно заставит Москву и Вашингтон выработать новый формат взаимодействия, причем имя и партийно-политическая принадлежность будущих лидеров России и США едва ли значительно повлияют на этот процесс.

Существенное изменение формата российско-американских отношений также будет связано с возможностью полноценного участия России в определении рамочных условий и институциональных механизмов нового международного порядка. Однако поиск в этом направлении не может вестись только по линии Москва – Вашингтон. В кратко- и среднесрочной перспективе речь идет о возможности совместных действий ключевых международных игроков для обеспечения относительной управляемости на фоне накопления конфликтного потенциала в ряде важных регионов планеты, турбулентности на товарных и финансовых рынках, новых миграционных волн, растущей активности различных сетевых сообществ, деградации окружающей среды, техногенных катастроф и т.д.

Процесс поиска новой модели глобального управления является многосторонним и конкурентным, и в этом смысле он также может продуцировать турбулентность. В последние годы мы стали свидетелями лихорадочного поиска тех механизмов глобального управления, которые окажутся достаточно работоспособными в условиях экономического кризиса. Мы видели и попытки оживить институты Вашингтонского консенсуса, и усилия сформировать более представительный клуб ведущих мировых экономик (G20), и новые структуры многостороннего сотрудничества (БРИКС). Очевидно, что в интересах России активное участие в большинстве возможных конфигураций, ориентированных на формирование новой системы глобального управления. Исключением могут быть те политические структуры, участие в которых ведет к прямому вовлечению России в региональные конфликты либо в соперничество за мировое лидерство на стороне одного из основных претендентов.

Многовекторность российской дипломатии, скорее всего, сохранится после выборов 2012 г. Даже если внешнеполитическая деятельность будет жестко подчинена задачам модернизации, понимаемой преимущественно в инструментальном смысле, все равно потребуются и быстрое реагирование на турбулентность, и го-

товность к ситуативным коалициям, и использование различных доктринальных установок, позволяющих обосновать те или иные действия, оправданные в соответствующих обстоятельствах. Следовательно, идеи и риторику гуманитарного интервенционизма также желательно сохранять в арсенале на случай, когда придется предпринимать соответствующие действия на постсоветском пространстве (а вероятность подобного поворота событий, к сожалению, сбрасывать со счетов нельзя). Но было бы, конечно, странно, если именно эти идеи станут краеугольным камнем внешнеполитической философии нового президентства.

По всей видимости, России в период первого «длинного» президентства следует быть готовой к возникновению угрожающей турбулентности на постсоветском пространстве либо в непосредственной близости от него. Прежде всего, нельзя исключать возможность дестабилизации положения в Центральной Азии, что может быть связано как с массовыми социальными протестами и межэтническими столкновениями, так и с естественной сменой поколений политических лидеров (уже произошедшей в Туркменистане и приближающейся в остальных странах региона). Даже если сам регион в эти годы сохранит видимую стабильность, постоянным источником турбулентности останется Афганистан, где после ликвидации Усамы бен Ладена могут быть реализованы различные сценарии, позволяющие значительно сократить или вовсе завершить западное военное присутствие.

Крайне опасна для Москвы была бы и расконсервация таких региональных конфликтов, как карабахский и приднестровский. Возобновление открытого противоборства их участников привело бы если не к прямому вовлечению России, то, во всяком случае, к серьезному нарушению хрупкого равновесия на всем постсоветском пространстве и к открытому вмешательству отдельных стран Запада либо его военно-политических институтов в дела СНГ.

Одним из несомненных политических достижений периода дуумвирата стало формирование Таможенного союза и создание фундамента для Единого экономического пространства России, Белоруссии и Казахстана. В настоящее время, однако, ситуация остается недостаточно устойчивой, и связано это как с экономическими, так и с политическими причинами, прежде всего, с проблемой стабильности режима Александра Лукашенко. Очевидно, что закрепление этих успехов России на постсоветском пространстве станет важной задачей следующего президентства, неизбежно

сопряженной с попытками стабилизирующего воздействия на положение в странах – участницах Таможенного союза и ЕЭП.

Позитивные изменения в российско-украинских отношениях после избрания президентом Украины В. Януковича относятся к числу наиболее ярких событий 2010 г. Но есть опасность растратить этот потенциал – если Москва и Киев будут ориентироваться на существующие шаблоны межгосударственных связей на постсоветском пространстве. «Бегство от Москвы» – альфа и омега политики прежней украинской власти – оказалось прорывом не в Европу, а в геополитический тупик. Но и резкие движения в противоположном направлении не сулят Киеву больших дивидендов, особенно если опираться они будут на существующие институциональные формы сотрудничества постсоветских государств. России следовало бы помочь нынешней украинской власти в определении особого места Украины в Большой Европе, где она могла бы играть действительно активную и уникальную роль, к которой с равным уважением будут относиться и в Москве, и в Брюсселе, и в Вашингтоне. В стратегическом плане стабильность и перспективы развития постсоветского пространства напрямую будут зависеть от нахождения новой формулы российско-украинского партнерства.

* * *

Роль России в мире «междоцарствия модерна» будет в первую очередь определяться тем, удастся ли ей избежать внутренней дестабилизации. Если внутренняя стабильность сохранится, активность Москвы на международной арене станет возрастать независимо от имени человека, который в 2012 г. принесет в Большом Кремлевском дворце президентскую присягу. Вместе с тем внутривнутриполитическая эволюция будет способствовать постепенному формированию спроса со стороны основных групп интересов на те или иные доктрины, которые станут оказывать большее влияние на российскую внешнюю политику. Иначе говоря, в среднесрочной перспективе внешняя политика России уже не будет выражением консенсуса «властной плазмы» по поводу отношений с внешним миром, но начнет отражать более эксплицированные интересы влиятельных групп, как массовых, так и элитарных. Вместе с тем мировая турбулентность и коллизии эры поствестернизации внесут свои, возможно, очень серьезные, коррективы и в повсе-

дневную внешнеполитическую деятельность, и в теоретическое осмысление ее основных задач.

*«Россия в глобальной политике»,
М., 2011 г., № 3, май–июнь, с. 8–22.*

Альбина Михалёва,
кандидат политических наук,
Институт философии и права УрО РАН (г. Пермь)
**РЕГИОНАЛЬНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ИСЛАМСКОЙ
ИДЕНТИЧНОСТИ В РОССИИ
(На примере Пермского края)**

Проблема соотношения исламского и регионального в сознании мусульман изначально содержит определенное противоречие – исламская идентичность в доктринальном контексте реализуется на транснациональном уровне и не должна иметь региональных измерений. С другой стороны, религия как неотъемлемая часть менталитета неизбежно реагирует на происходящие в социуме изменения. История ислама демонстрирует возможность подобной адаптации доктринальных норм к конкретным региональным условиям в зависимости от конфессиональной, этнической, географической и даже социально-политической составляющей. Яркими примерами подобной регионализации на национальном и наднациональном уровне могут служить такие бренды, как «евроислам» (в российской (Р. Хакимов) и западной интерпретации (Б. Тиби)), «турецкий ислам» (М. Айдинп), «русский ислам» (С. Градировский), получившие свое продолжение на государственном уровне.

Чтобы оценить роль регионального компонента в сознании мусульман, необходимо обратиться к анализу процессов, протекающих на низовом, локальном уровне, которые могут быть раскрыты через субъектное измерение исламской идентичности. При этом религиозная идентичность понимается как психологическая категория, составная часть социальной идентичности личности, и проявляется в осознании своей принадлежности к определенной конфессиональной общности. Эмпирической основой исследования послужили результаты опросов (2002, 2007–2008) и интервью (2007–2008, 2010), проведенных автором в Пермском крае за последние восемь лет. Модель государственно-исламских взаимоотношений в данном регионе можно охарактеризовать как взаимно

дистанцированную со слабо активными местными исламскими лидерами. Аналогичные характеристики справедливы для значительной группы немусульманских регионов, что позволяет рассчитывать на определенную универсальность выводов для данной группы регионов.

Ислам как маркер идентичности определенной части российского населения становится заметным явлением в 1990-е годы с активизацией так называемых «возрожденческих» процессов. В Пермской области в 2002 г. о своей религиозности заявили 76,7% опрошенных татар и башкир. Эти данные демонстрируют одну из особенностей религиозного сознания, в том и числе и исламского, а именно – способность быстрой регенерации казалось бы утраченных ценностей: «Она (вера), наверное, была заложена генетически, принадлежность к исламу – воспитанием». Наблюдаемый феномен вполне объясним с точки зрения психологии меньшинства и латентности религиозных представлений в советский период. Даже непрaktикующие мусульмане на вопрос о возможности смены веры безапелляционно утверждают: «Есть я мусульманка и останусь и умру мусульманкой, и другую веру я не приму».

Для самих верующих «быть мусульманином» означает соблюдать определенные нравственные принципы, обряды, ощущать сопричастность к общему историческому прошлому (в ракурсе этнической истории), соответствовать внешнему виду и определенным чертам характера и психологии. В то же самое время структурное содержание исламской идентичности среди верующих сильно размыто, а уровень осведомленности в исламском вероучении оставляет желать лучшего. Лишь 37,9% опрошенных знакомы с основными положениями веры.

По-прежнему немалую роль в самоидентификации верующих играет этнический фактор: «Хотя мы считаем себя мусульманами-татарами, но трех слов, начинающихся на “м” – мулла, мусульманин, мечеть, – мы не знали».

Исламская идентичность, как и любая другая, не статичное явление, и она в свою очередь подвержена изменениям. Трансформация религиозных норм и поведенческих моделей в сознании верующих особо заметна в сфере семейных, гендерных, межконфессиональных отношений. По словам имама одной из деревень Пермского края, при проведении обряда бракосочетания по исламской традиции (никаха): «...один обед до перерыва проходит без спиртного, я прощаюсь с ними, ухожу, потом, наверное, выносят

спиртное, подают. Ну, у нас сейчас население и молодежь очень увлекается спиртным, и работы там нет, и женщины есть, – вот это отрицательная сторона. Люди лучше сейчас поддаются спиртному, чем религии».

Мусульманская идентичность опрошенных не всегда нацелена на выполнение предписанной религиозной практики, с правилами и ритуалами которой некоторые из респондентов не знакомы, хотя подчеркивают их бесспорную значимость и авторитет: «Ну, вообще-то я считаю себя верующим человеком, но, может быть, не так достаточно, как надо было бы, т.е. соблюдая все нормы исламские. Я не соблюдаю из-за своего здоровья, но в душе я всегда верю» (жен., Пермь, 2008). Субъективное обоснование верующими несоблюдения обрядовых норм доказывает пластичность протекаемых в их сознании процессов. На деле предписанный пятикратный намаз регулярно соблюдают 38,5% опрошенных, что выше среднестатистических общероссийских показателей (10%). Периодически это делают 36,5% мусульман (31% по России). Остальные верующие (25%) не молятся, поэтому справедливо говорить об их номинальной, а не фактической религиозности.

Вместе с тем не стоит недооценивать значимость исламского фактора: все же 87,7% опрошенных мусульман Пермского края в 2007 г. указали на значимость религии в их жизни. Другое дело, что религии все чаще отводится смыслообразующая функция: на первый план ставится значимость эмоционально-религиозного опыта; религиозная практика секуляризируется, сокращается число практикуемых обрядов.

Условия, которые оказывают влияние на актуализацию исламской идентичности в сознании отдельных граждан, в каждом конкретном случае различны: необходимо учитывать особенности социализации, субъективные жизненные обстоятельства верующих, их теоретическую фундированность, психологическую комфортность проживания в том или ином регионе и т.д. Однако можно назвать и общее условие – наличие религиозного окружения (супруги, родственники, друзья). По-прежнему важным каналом трансляции, поддержания и передачи исламских ценностей остается институт семьи.

Актуализации религиозности способствует и внешний фактор – статус религиозного меньшинства и вытекающие из этого следствия; так, дискуссии в средствах массовой информации о сущности ислама, его совместимости с демократическими систе-

мами, о его «воинствующем характере» неизбежно ведут к усилению самоидентификации в мусульманской среде.

Помимо условий, способствующих активизации религиозного сознания, можно назвать и основные причины обращения респондентов к вере – это духовные искания и психологическая мотивация личности. В подобных ситуациях религия выполняет идентификационную и компенсаторную функции. Несмотря на внешнюю гомогенность регионального поля при экстраспективном наблюдении, исламская идентичность включает достаточно широкий диапазон социально возможных практик.

Примеров индивидуальной актуализации региональной исламской идентичности («пермские мусульмане») среди информантов практически не встречается. Как показывает анализ интернет-публикаций и СМИ, она продуцируется либо лидерами мусульманских общин, либо региональными СМИ, что лишним раз подтверждает возможность конструирования региональной религиозной идентичности в зависимости от целей и ситуативного контекста.

Согласно данным проведенных опросов, обнаружилось, что значительная часть (34,4%) респондентов-мусульман испытывают проблемы с локальным структурированием своей идентичности. Остальная масса идентифицирует себя в рамках России: либо на уровне прихода (19,4%), либо на уровне области (14%), либо государства (11,3%). Свою связь с миром ощущает лишь 21% мусульман. Региональный компонент идентичности актуализирует чуть меньше половины опрошенных (44,7%). Однако все верующие связывают свое будущее исключительно с Россией: «Я россиянин. Россия моя родина по воле Всевышнего. Мы ведь не выбираем свою родину, не выбираем эпоху. Аллаху виднее... Любой мусульманин должен быть защитником своей родины». Исламская идентичность респондентов реализуется в поликонфессиональном социуме. Опрошенные привыкли ощущать себя частью сложного мира со множеством идентификационных и культурных образцов, что является гарантией свободного отправления их религиозных убеждений. Верующие преодолевают двойной вызов: в культурном поле в рамках этноконфессионального меньшинства и в современном региональном обществе, где они пытаются найти собственное место. При этом мусульманское бытие и современность не являются контртезисами. В то же время исламское региональное поле не может предложить им привлекательных перспектив для самореализации. Допуская частичное совмещение различных

социокультурных нормативных и ценностных систем, опрошенные ощущают себя живущими как минимум в двух мирах. Балансируя между различными культурными требованиями, респонденты пересматривают свое субъективное отношение к культурным образцам. Социальные практики предшествующих поколений не вполне отвечают современным профессиональным и религиозным требованиям, а потому верующие вырабатывают свои стратегии преодоления вызова, в том числе за счет сокращения религиозной обрядности.

Мусульмане, принявшие участие в опросе, неоднократно пережили негативный опыт по отношению к своей инаковости: «Когда мы начали уже платок одевать, нас “кришнаитками” обзывали, то еще как-то, вот». Однако опрошенные не разделяют радикальных настроений и силовых методов решения проблем. «Как Вы относитесь к терактам? Они могут стать решением проблем?» – «Это ужасно. Это глупость. Я тут сама испытала это. Я в этом году ездила на дачу. Содрала здесь лоб и одела платок. Лицо у меня загорело летом. Ну у меня обыкновенная черная одежда, платок, сарафан какой-то, почему-то одела длинный. И вот я зашла в автобус. Во-первых, от меня все отсели, кондуктор ко мне не подошел, я даже деньги не заплатила. Потом я зашла на главпочтамт платить за телефон деньги. Сразу вышли два охранника, встали рядом со мной. Ну, я как заплатила, они со мной вышли и посмотрели, куда я пошла. Я ощутила сама на себе, что это такое. Это, конечно, не решение проблемы, это глупость».

Большая часть мусульман живет и строит свои планы относительно будущего в поликонфессиональной среде. Все это не позволяет рассматривать ислам и носителей исламской идентичности в российских поликонфессиональных регионах в качестве угрозы существующей системе. С другой стороны, нельзя не отрицать, что в силу гетерогенности мусульманской уммы, достаточно широкого диапазона социально возможных практик под исламской идентичностью могут скрываться также и экстремистские силы.

Вопрос о специфике исламской идентичности в отдельных регионах напрямую связан с проблемой соотношении доктринального и регионального ислама. Учитывая исторический процесс взаимопроникновения местной и исламской культур, терминологически корректнее говорить не о региональных разновидностях ислама («русский», «турецкий» и т.д.), а о региональных формах его бытования. Религиозное сознание мусульман Пермского края подвержено трансформационным процессам. Мы наблюдаем раз-

ывание религиозной традиции, которая между тем не утрачивает своей значимости. Исламская идентичность информантов прочно переплетена с позитивной российской идентичностью. Процесс регионализации сознания верующих более заметен в этническом поле, что не может не влиять на ее конфессиональную составляющую. При этом слабость регионального аспекта исламской идентичности не означает невозможности ее конструирования для определенных общественно-политических целей.

«Идентичность как предмет политического анализа», М., 2011 г., с. 252–256.

Замир Думанов,
политолог (Кабардино-Балкарский НЦ РАН)
**СЕВЕРНЫЙ КAVKAZ: ОТ СЕПАРАТИЗМА
К РАДИКАЛЬНОМУ ИСЛАМУ**

В настоящее время на Северном Кавказе (СК) наблюдается затяжной этнополитический кризис, который сильно сдерживает развитие региона и делает его чрезвычайно уязвимым. Многие проблемы определились еще в советские времена (переселение целых народов, перекраивание границ, неравномерное распределение производств), но значительная их часть актуализировалась в «переходный период» (спад промышленного производства, достигавший в некоторых республиках 90%, разрушение этнически сложившегося «разделения труда», массовая безработица). В результате демократизация и либерализация, не будучи подкреплены экономически, стали выливаться в межэтнические и межконфессиональные конфликты и противоречия, самыми яркими из которых стали «чеченский кризис» и осетино-ингушский конфликт 1992 г.

Сегодня валовый региональный продукт (ВРП) на СК в пересчете на душу населения существенно ниже, чем в целом по РФ. Так, в Кабардино-Балкарии (КБ) накануне террористической атаки в Нальчике 13 октября 2005 г. уровень безработицы оценивался в 27% экономически активного населения (при этом возраст каждого третьего безработного был 16–29 лет!). В результате республики СК относятся к группе либо малообеспеченных, либо бедных регионов. При этом роль теневой экономики в регионе велика, как нигде в России.

По данным экспертов, почти каждый третий житель так или иначе занят в сфере теневой экономики, а в Северной Осетии, Ингушетии, Чечне, Дагестане эти показатели достигают 80%, при среднероссийских 20–25%. Нельзя в этой связи не упомянуть и о коррупции, разъедающей все уровни региональной власти. Так, опрос, проведенный в декабре 2008 г., показал, что 77% опрошенных жителей Нальчика лично сталкивались с проявлениями коррупции в различных социальных институтах и сферах жизни; при этом 75% уверены в том, что масштабы коррупции в республике в ближайшие несколько лет либо не изменятся, либо возрастут. Естественно, такая уязвимость в сфере экономической безопасности использовалась различными экстремистскими силами. В начале 1990-х годов на первом месте были сепаратисты и этнонационалисты, выдвигавшие проекты отделения не только от России, но и от республик, в состав которых были включены представители той или иной этнической группы (например, проект создания Лезгистана на землях, населенных лезгинами в Азербайджане и в Дагестане). В Карачаево-Черкесии только в 1991 г. было провозглашено пять республик, включая и две казачьи. В Кабардино-Балкарии в 1991–1992 гг. интенсивно шел процесс раздела республики по этническому принципу (с организацией референдума и «межевания земель»). Действовала и Конфедерация горских народов Кавказа, которая несла на знаменах идеи «общего кавказского дома» без участия российских «архитекторов».

Но наиболее ярким примером этносепаратизма была Чечня, которая в общей сложности в течение шести лет существовала вне правового и социально-политического пространства России. Однако даже этот конфликт не был в чистом виде этнополитическим. Так, в составе разогнанного Дж. Дудаевым 6 сентября 1991 г. Верховного Совета республики были и сторонники сохранения Чечено-Ингушетии в составе России, а противостояние Москвы и Грозного было только одним конфликтом из множества: между Грозным и Надтеречным районом, куда Дудаев хотел назначить своего префекта; между республиканской властью и мэрией столицы Чечни; между светскими националистами и религиозными радикалами; между сторонниками суфийского ислама и салафитами и т.д. И все они использовали друг против друга силу. Это происходило на фоне существования многочисленных чеченских общин за пределами республики внутри РФ и активного этнического бизнеса, а большинство чеченцев даже в ходе военных действий предпочитали уезжать в Россию, а не в дальнее зарубежье.

Пик популярности этнического национализма пришелся на первую половину 1990-х годов. Это объясняется тем, что, во-первых, распад любого надэтнического образования сопровождается и обостряется поиском «корней», обретением новой идентичности; во-вторых, северокавказские республики в составе РФ в течение 70 лет входили в состав СССР, с одной стороны, проводившего политику государственного атеизма, а с другой – способствовавшего правовой институционализации этничности. Поэтому исламские «радикалы», появившиеся в начале 1990-х годов на СК, стремились сочетать религиозную риторику с этнонационализмом. Однако в дальнейшем этнонационализм (и этносепаратизм) утратил популярность, поскольку в условиях этнической пестроты СК этнонационализм (и сепаратизм) чреват конфликтами. Этнонационализм не смог разрешить и ряд насущных проблем этноэлит (в частности, надежды на территориальную реабилитацию), и они, забыв обещания, данные «своим народам», занялись приватизацией власти и собственности.

Большое влияние на спад популярности этнического национализма и сепаратизма оказал и провалившийся государственный эксперимент «Ичкерия». В де-факто независимой Чечне не удалось построить государство, сравнимое хотя бы с Абхазией или Нагорным Карабахом. Более того, «вольная Ичкерия» вела себя по отношению к соседям столь агрессивно, что Россия для них была меньшим злом по сравнению с Чечней. Таким образом, сегодня можно констатировать, что этнонационализм в условиях СК потерпел историческое поражение, возможно, временное, особенно при неправильной политике федерального центра.

Поэтому сегодня радикальные протестные движения против федеральной или республиканской власти используют не этнонационалистический (или сепаратистский), а исламистский язык (так как надежды на то, что Запад предпочтет продолжение распада «империи зла», не оправдались и взоры вчерашних националистов обратились на Восток). Так, если в лозунгах «ичкерийцев» антизападничество не присутствовало, то Д. Умаров назвал врагом «истинных мусульман» не только РФ, но и западный мир, а вместо упраздненной им «Республики Ичкерия» провозгласил Кавказский Эмират. «Свобода Чечни» уступила место лозунгам «исламской солидарности».

В результате в середине 1990-х годов на СК сложилась радикально-исламистская среда, в которой для региона был сформирован проект так называемого «чистого ислама». Его идеологи

умело использовали психологические методы воздействия (апелляция к неуспешным слоям населения, лишенным возможностей карьерного роста, получения качественного образования). В условиях массовой безработицы, прежде всего, среди молодежи, такая пропаганда находит поддержку. И все это формировалось в условиях отсутствия внятной стратегии социального, экономического, политического развития Северного Кавказа. Как результат, началось распространение радикального ислама не только на Чечню, Дагестан, Ингушетию, но и на республики, где традиционно религиозность населения была ниже. Отсюда и трагические события в столице КБР Нальчике 13 октября 2005 г. В то же время было бы большой ошибкой считать все протестное движение на СК исламистским. В республиках существует и светская оппозиция, чья критика в большей степени направлена против республиканских властей. Это очень разные по политическому происхождению и взглядам люди, объединенные неприятием региональной власти, а в Дагестане – это даже активисты целого ряда общероссийских партий. И хотя в 2007–2008 гг. их сила и влияние были серьезно ослаблены, они присутствуют и сегодня.

Нельзя совершенно игнорировать и «внутриаппаратную оппозицию» во всех субъектах региона, которая не выступает с публичными лозунгами и не ведет открытых дебатов, но роль в кадровой политике, принятии управленческих решений нельзя недооценивать. Таким образом, сегодня на СК не этносепаратизм, а радикальный исламизм является главным вызовом безопасности государства и общества. И это политическое течение питается такими пороками и федеральной и региональной власти, как nepoтизм, закрытость, коррупционность, неумение и нежелание вести диалог с оппонентами.

Наряду с перечисленными проблемами на Юге России отчетливо проявились и внешние угрозы безопасности – к СК привлечено внимание не только традиционных стратегических соперников России в регионе (прежде всего Турции и Ирана), но и международных террористических организаций, движений религиозно-экстремистского толка. Следовательно, многие угрозы и вызовы безопасности на СК (конфликты, социальные взрывы, миграционные процессы и т.п.) при неблагоприятном развитии событий способны дестабилизировать ситуацию в общероссийском масштабе, распространить свое негативное воздействие за пределы региона. Однако эта ситуация не является необратимой.

Сегодня региональная и национальная политика РФ должна быть политикой иного качества и уровня, в основе которой должны лежать следующие принципы.

1. Признание как федеральной, так и региональной властями затяжного этнополитического кризиса системообразующим элементом региональных социально-политических процессов.

2. Главным критерием эффективности принимаемых решений должно стать их стабилизирующее воздействие на этнополитическую сферу.

3. Отказ от попыток ускоренного решения ситуации и готовность к длительной и кропотливой работе по ее преодолению.

4. Работа с причинами, а не следствиями; переход от реактивной к превентивной и проективной политике в этнополитической сфере.

5. Отход от «заигрывания» с этнополитическими элитами; повышение ответственности этнополитических элит за положение дел в субъектах РФ.

6. Аргументированное разоблачение СМИ, органами власти шовинизма, национализма, политического экстремизма и сепаратизма.

«Фундаментальные проблемы пространственного развития Юга России: Междисциплинарный синтез», Р. на/Д., 2010 г., с. 98–101.

Алексей Малашенко,
доктор исторических наук
**РЕАЛЬНОСТИ И СТЕРЕОТИПЫ
ВОСПРИЯТИЯ ИСЛАМА
НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ**

О значении ислама для политической обстановки на российском Кавказе написано множество книг и статей. Большинство из них идеологизировано и политизировано, что в нынешней обстановке неизбежно, но мешает адекватному пониманию роли религии в регионе. Некоторые авторы опасаются высказывать свое мнение, предпочитая излагать его в частных беседах. Таким образом, можно говорить о первой реальности – сознательном искажении истинного положения дел с исламом. При всем том не вызывает разногласий вторая реальность: на Северном Кавказе (СК)

религия и политика неразделимы, здесь политизирован весь ислам, все его разновидности – салафизм, тарикатизм, ислам мазхабов.

Реальность третья заключается в том, что в регионе на протяжении двух десятилетий существует оппозиция, в своей идеологии опирающаяся на постулаты ислама, действующая в рамках «исламского призыва». Несмотря на то что наличие этой оппозиции ни у кого не вызывает сомнения, она официально не рассматривается как политическая сила. Федеральная власть, а зачастую и некоторые главы местных субъектов предпочитают именовать эту категорию «бандитами» и «ваххабитами», сознательно или по неведению помещая эти определения через запятую. Таким образом, формируется стереотип № 1 – «исламская оппозиция есть бандиты».

Стремление власти так трактовать исламскую оппозицию объяснимо ее желанием свести политические сложности к заурядным криминальным разборкам: в этом случае силовые методы применяются, дескать, против уголовников, что заведомо оправдывает любые действия. Политический момент, таким образом, выводится за скобки, а с власти, как местной, так и федеральной, пусть частично, но снимается ответственность за положение в регионе.

Стереотип № 1 порождает стереотип № 2, суть которого в том, что оппозицию можно победить военным путем. А ведь весь мировой опыт последних десятилетий свидетельствует, что избавиться от религиозной оппозиции, опираясь исключительно на силовые методы, невозможно. Даже находясь под непрерывным давлением и терпя неудачи, исламисты сохраняют огромный запас политической, человеческой энергии, остаются пружинкой, способной решительно распрямиться, дестабилизируя внутреннюю обстановку. Такова четвертая реальность.

С другой стороны, есть и пятая реальность, которая состоит в том, что исламская оппозиция не есть некое в чистом виде «классическое» религиозно-политическое движение. Это конгломерат, в котором задействованы также и паразитирующие на исламе криминальные структуры. И можно в известной степени понять представителей силовых структур, которые далеко не всегда представляют, кто в данный момент им противостоит с калашниковым в руках – честный религиозный фанатик или выходец из уголовного мира, отстаивающий свои меркантильные интересы. (Хотя, конечно, за годы междоусобицы в регионе правоохранительные органы были обязаны научиться тому, как различать сво-

их оппонентов и каким образом действовать против каждого из них.)

Шестой реальностью и одновременно стереотипом № 3 являются северокавказские ваххабиты. Само применение к кавказским оппозиционерам такой дефиниции выглядит условно. К возникшему еще в XVIII в. ваххабизму они имеют весьма приблизительное отношение. Их также называют и салафитами, и фундаменталистами, и исламистами, и джихадистами. Суть не в терминах, но в программных установках оппозиционеров. А их главная цель достаточно очевидна: заставить общество жить по законам шариата, создать на российском Кавказе исламский анклав, т.е. некое подобие исламского государства. Они выдвигают исламскую альтернативу как единственную, которая может разрешить все социально-политические проблемы региона, восстановить социальную справедливость, вернуть утраченную связь между обществом и властью (уже исламской).

Находящихся в оппозиции сторонников исламской альтернативы можно подразделить на две группы. Первая продолжает бороться за отделение региона от России и создание исламского государства (что-то вроде виртуального «кавказского имарата»). Вторая – за образование шариатской территории в пределах России. В чистом виде сепаратизм на Кавказе себя изжил. Позиции же тех, кто поддерживает шариатизацию в пределах РФ, выглядят внушительнее. Можно бесконечно долго спорить о возможности воплощения в жизнь идеи исламской альтернативы. Но ее поддерживают не только исламские оппозиционеры. В нее верит значительная, лояльная власти часть кавказских мусульман, уставшая от постоянного напряжения, от коррупции властей, наконец, от безысходности собственной жизни. К исламу как к пути выхода из кризиса обращаются все чаще. На СК, особенно в трех его восточных республиках – Дагестане, Чечне, Ингушетии, происходит исламизация общества, что становится седьмой реальностью. Хотя и не в столь сильной степени, она затронула и Кабардино-Балкарию, менее заметна – на западе Кавказа. Адыгея, Карачаево-Черкесия, мусульманская Осетия всегда были не столь исламизированы и предрасположены к религиозному радикализму. Однако и на западе региона исламский фактор ощущается все острее. К тому же сказывается активность ислама у соседей.

Здесь необходимо отметить еще одно, на наш взгляд, существенное обстоятельство. Исламизация происходит параллельно с «реконструкцией» (термин рабочий, и потому не совсем коррект-

ный) кавказской этнокультурной традиции, квинтэссенцией выражения которой является адат. Многие кавказоведы считают его истинной, примордиальной традицией, оппонирующей пришедшему на Кавказ позже шариату. Это мнение в значительной степени справедливо, оно опирается на историю народов Кавказа, на их зачастую сильное сопротивление исламизации. Примеры борьбы именем ислама против кавказских обычаев известны со времен Средневековья. Это противостояние ярко проявилось в XVIII–XIX вв. на востоке СК – на территории Дагестана и Чечни. В конце XX–XXI вв. обе идентичности – собственно исламская и этнокультурная – в каком-то смысле задействованы в одном направлении – во имя восстановления порядка. Обе традиции переплетены друг с другом, они все более выступают как фактор регулирования отношений в обществе. Исламизация является частью общей традиционализации местного социума, которая вызвана целым рядом обстоятельств: слабостью или отсутствием современного экономического сектора, упадком образования, миграцией русского населения, а также квалифицированных кадров из местных этносов. Наконец, причина традиционализации – это упоминавшееся выше бессилие и бездействие федерального законодательства, что и компенсируется реставрацией обычая.

Восьмой реальностью следует признать изменения, произошедшие в отношениях между традиционным (кавказским) и салафитским исламом. В последние 20 лет они были крайне напряженными, и между обоими направлениями велась борьба, в которой традиционалисты (тарикатисты, сторонники мазхабов) выступали заодно с властью. В последние годы, несмотря на сохраняющиеся противоречия между традиционалистами и салафитами, выявились точки их соприкосновения. И те и другие выступают за исламизацию общества; и те и другие полагают, что выход из кризиса возможен лишь на пути ислама. И традиционалисты и салафиты придерживаются мнения, что сегодня главным врагом ислама является Запад, глобализация. Они солидаризируются с зарубежными радикалами – палестинским ХАМАСом, Ираном, в скрытых формах – и с афганскими экстремистами.

Девятая реальность: в Чечне, в меньшей степени в Дагестане и Ингушетии ретрадиционализация и исламизация поощряются, а иногда и иницируются светской властью. Это особенно характерно для Чечни, где президент Рамзан Кадыров использует ислам для укрепления своей власти и консолидации вокруг себя общества. Такой подход имеет свои плюсы и свои издержки. Полностью

отвергать его или наоборот абсолютизировать будет поспешным. С одной стороны, «перехват» властью традиции у оппозиционных, экстремистских сил может способствовать росту ее авторитета у мусульман. Вопрос, однако, в том, насколько светская власть и ее союзники из числа лояльного духовенства способны успешно конкурировать с искушенными проповедниками и активистами из числа радикалов.

Исламизация общества может способствовать его расколу, поскольку далеко не все жители Кавказа готовы ее поддержать. Среди сторонников немало молодежи, тогда как значительная часть старшего и среднего поколений, воспитанных в советский период, относится к религии индифферентно и даже настороженно, опасаясь крайних форм ее проявления. Наконец, нельзя игнорировать и то обстоятельство, что с этими пуританскими нравами далеко не всегда согласуется собственно кавказский менталитет и местные поведенческие нормы. Традиционализация, так или иначе, становится откатом назад, возникает проблема, насколько она сочетаема с официально провозглашенным в стране курсом на модернизацию.

Десятая реальность такова, что традиционализация северокавказского общества дистанцирует его от российской «ойкумены». Абсолютизация собственной ценностной системы и нормативов поведения при отсутствии четко артикулированной парадигмы общероссийских гражданских ценностей превращает СК в некое «внутреннее зарубежье». Одиннадцатая реальность – поддержка исламских радикалов их зарубежными единомышленниками. Наиболее ощутимой она была в 1990-е. Проникновение на мусульманские территории России исламского фундаментализма явилось неизбежным следствием обрушения существовавшего во времена СССР «железного занавеса». Это открыло путь для внешнего влияния не только с Запада, но также и с мусульманского Юга, с Ближнего Востока, Персидского залива, Афганистана. На Кавказе обосновался ряд влиятельных международных исламских организаций, в том числе экстремистского толка. Новая исламская идеология оказалась привлекательной, особенно для молодежи, испытывавшей разочарование в прошлом страны и не видевшей позитивных перспектив в будущем. Именно в то время сложился стереотип № 4, будто именно внешний фактор – главная, если вообще не единственная, причина возникновения радикализма в регионе. Этот давно ставший составной частью российской официальной идеологии и пропаганды миф тиражируется политиками и

чиновниками самых разных рангов. Основной же причиной радикализации ислама остаются внутренние обстоятельства. Во второй половине «нулевых годов» нынешнего века влияние на кавказский ислам извне резко уменьшилось. Этому способствовало известное разочарование местных мусульман в зарубежных миссионерах, считавших кавказский ислам несоответствующим ортодоксальной традиции, неуважительно отзывавшихся о местных нравах. Между «новым» (именуемым иногда «арабским») исламом и исламом кавказским сохраняется заметная дистанция. Кроме того, деятельность некоторых международных организаций запрещена Российским государством на том основании, что они дестабилизировали обстановку и способствовали росту экстремизма. Закончилась война в Чечне.

Двенадцатая реальность – отсутствие у федерального центра стратегического видения ситуация в регионе, его неспособность предложить эффективную программу для выхода из кризиса, в частности, предотвращения дальнейшей политизации и радикализации ислама. Создание нового федерального округа, назначение его руководителем менеджера в ранге вице-премьера свидетельствует не только о значении, которое федеральная власть придает Кавказскому региону, но также является признанием неудачи ее предыдущей политики. Зато среди политических и религиозных деятелей, как в регионе, так и в Москве, утвердился стереотип № 5, в соответствии с которым «дерадикализация» ислама, ослабление тяги мусульман к салафизму и ваххабизму возможны с помощью совершенствования исламского образования. Кстати, этот стереотип распространен в Европе, в США. Однако хорошо известно и то, что высокий уровень религиозного образования, глубокое знание ислама присущи также и многим радикалам. Представлять их «невеждами» – глубокое заблуждение.

Качественное религиозное образование знакомит со всеми направлениями в исламе. Молодой человек, который всерьез занимается богословием, мусульманской юриспруденцией, мусульманской культурой, имеет больше возможностей для своего личного выбора в исламе. И нет никаких гарантий, что он отдаст предпочтение именно той интерпретации ислама, которая кажется удобной властям и которая будет обязательно отличаться от радикальной. Исламская образовательная система в России еще только формируется. Российское мусульманство не располагает достаточным количеством профессионально подготовленных преподавателей и проповедников для обучения и одновременно воспита-

ния религиозной молодежи. Хорошо известно, что многие «официальные имамы» страшатся открытых публичных дискуссий со своими оппонентами, поскольку последние знают ислам и к тому же владеют навыками публичных выступлений.

Реальность тринадцатая. Джихад, который мы наблюдаем на СК, не есть исключение. Джихад – часть ислама, составляющая исламского мировоззрения, а не только сиюминутное проявление «исламского призыва» (да'ва исламийя). У него несколько интерпретаций, главная из которых: всякое усилие, совершаемое во имя ислама, – борьба за распространение ислама, за его защиту, за его продвижение, т.е. за исламизацию. Малый джихад, или газават, вооруженная борьба не есть нечто самостоятельное, но прежде всего часть большого джихада. Противопоставлять большой джихад малому не имеет смысла. Крайние проявления джихада нельзя устранить с помощью решения наиболее острых социальных вопросов, например безработицы, которая на том же российском Кавказе считается главной причиной поддержки молодежью исламского сопротивления. Конечно, в благоприятных социально-экономических условиях джихад окажется более ориентирован на решение мирных проблем, однако он все равно не утратит дух миссионерства.

Исламская оппозиция на СК действует в контексте международного джихада, совершающегося по всему мусульманскому миру. Общее с Кавказом можно обнаружить в Судане, Алжире, Пакистане, Йемене. Исламизм нельзя «устранить» при помощи демократизации. Исламисты способны использовать демократические инструменты, о чем свидетельствует опыт Ирана, Палестины, Судана, Египта, Пакистана, Марокко и т.д. Исламизм сохраняет активность и влияние при авторитарных режимах – в Узбекистане, Саудовской Аравии, Киргизии, Таджикистане.

И последняя реальность. Она слишком очевидна, чтобы ее не замечать, зато и слишком неприятна для тех, кто ищет прямолинейных подходов к разрешению кавказских проблем. Ислам, как религия, как идеология, как регулятор общественных отношений, многогранен, включает в себе конгломерат самых разных, порой противоречивых, установок. Как и в любой религии, в исламе всегда присутствовали радикальные тенденции, ему не чужд дух экспансии, причем не только идейной, но и политической. Ислам нужно воспринимать таким, какой он есть, с учетом его местных кавказских особенностей, а также воздействия на него иных, пространственных в других регионах трактовок. Изолироваться от

внешнего влияния просто-напросто невозможно. В связи с этим следует упомянуть последний (но не по значению) стереотип, в соответствии с которым можно-де создать некий «удобный» для власти «послушный» ислам.

«Исламский вопрос», как и вообще проблема традиции на российском Кавказе, неизбежно встанет перед главой нового образованного в 2010 г. Северо-Кавказского федерального округа Александром Хлопониним. Призванный на Кавказ из Красноярского края как успешный менеджер, способный решать самые запутанные экономические проблемы, он отдает себе отчет о всей сложности ситуации в регионе, в том числе понимает, что «не единой экономикой» ему придется заниматься. «Северный Кавказ, – по выражению председателя Комитета по экономическому развитию, торговле, инвестициям и собственности Госдумы Ставропольского края Бориса Оболенца, – это вообще другая цивилизация». Одной из причин назначения Хлопонина на эту непростую должность эксперты называют отсутствие у него «кавказских корней», иначе говоря, он не вовлечен внутрь кавказских отношений между кланами, группами интересов, ему никогда не приходилось иметь дело с исламской междоусобицей. Главе нового федерального округа предстоит разобраться и сформировать свое понимание ислама и выработать такой подход, при котором использование ислама как обоюдоострого средства политической борьбы не оказалось бы препятствием на пути задуманных экономических и социальных преобразований. При формировании своего подхода Хлопонин, конечно же, будет опираться на мнения силовиков, считающих, что единственным средством общения с «неформальным» исламом является силовой нажим. Естественно, он не может не учитывать предлагаемое федеральной властью определение исламской оппозиции как «бандитов». Вместе с тем, будучи прагматиком, он не может не понимать, насколько неоднородны силы, выступающие под лозунгами ислама. Доведут до его сведения и то, что многие влиятельные политики в Дагестане, Кабардино-Балкарии не склонны абсолютизировать силовые методы и в принципе согласны с необходимостью диалога (разумеется, не с «непримиримыми»).

Думается, что Хлопонин будет прислушиваться к этому мнению. Кроме того, ему целесообразно включить в свою команду независимых экспертов, как кавказских, так и «внешних», способных представить объективный, неидеологизированный и неполициализированный анализ ситуации. Экономический прагматизм дол-

жен подкрепляться прагматизмом в оценке политической ситуации. Так или иначе, но успех его менеджерских замыслов зависит, в том числе, и от того, насколько ему удастся отойти от упоминавшихся выше стереотипов. Частным, но вместе с тем показательным доказательством надежд, связанных с приходом А. Хлопонина, становится реакция на его назначение со стороны именно исламистской оппозиции, тех, кто ее поддерживает или просто ей симпатизирует. Иными словами, продолжит ли она действовать столь же активно, как и в предыдущий год, или почувствует, что в обществе в связи с новым назначенцем появились некоторые ожидания и потому ее акции могут вызвать только раздражение людей и привести к падению авторитета? Или, напротив, фрустрация останется прежней, и радикалы, воспользовавшись этим, продолжают свою деятельность? Очевидно, А. Хлопонину для успешности своей миссии важно, с одной стороны, заставить поверить себе колеблющуюся, протестную часть мусульман, но с другой – изолировать экстремистов от общества. А для этого необходимы быстрые видимые успехи. Одним из них может стать сдерживание агрессивности радикалов с помощью установления постоянного (не обязательно публичного) контакта между ними и новой администрацией. Скорее всего, это будет выглядеть не как слабость, но как своего рода мудрость нового руководства.

Не отрицая необходимость борьбы, в том числе вооруженной, с экстремизмом и терроризмом, важно понимать, что экстремистами люди становятся не в одночасье. Они проходят непростой путь от «исламских диссидентов», оппозиционеров, с которыми можно и нужно вести диалог, тем самым предотвращая их дальнейшее движение в сторону экстремизма. Такой диалог нельзя превращать в идейно-политическую кампанию, он должен вестись постоянно, я бы даже сказал, вечно, ибо без него достичь стабилизации, создать и поддерживать нормальную обстановку на российском СК невозможно.

*«Государственная служба»,
М., 2010 г., март-апрель, с. 76–79.*

Парвин Дарабади,
доктор исторических наук
(Бакинский государственный университет,
Азербайджан)
**КАСПИЙСКИЙ РЕГИОН
В МЕЖДУНАРОДНО-ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ
СИСТЕМЕ НАЧАЛА ХХІ ВЕКА**

В последовавший после распада Советского Союза в конце 1991 г. период начался процесс постепенного превращения Каспийского региона в серьезный геополитический и геоэкономический фактор. Регион стал восприниматься не как замкнутый и статичный, а в динамике глобального геополитического взаимодействия. В то же время он является лишь одним из узлов напряженности в системе современных геополитических процессов.

Важнейшим внешним фактором, оказывающим влияние на Каспийский регион, является значительное расширение в начале XXI в. круга стран, имеющих здесь свои геополитические и геоэкономические интересы. Совокупность географического положения и растущего значения каспийских энергетических ресурсов привела к росту стратегической важности Кавказа и Каспия для мировой, в том числе и европейской, безопасности. Не случайно Х. Солана, отмечая важность Кавказа для Европы, еще в 1997 г., выступая в Баку, подчеркивал, что «Европа не будет полностью безопасной, пока страны Кавказа будут оставаться за пределами европейской (системы) безопасности»:

Наряду с традиционными «геополитическими игроками»: Россией, США, Великобританией, Турцией и Ираном – все большую политико-экономическую активность здесь проявляют Франция, Германия, Китай, Япония, Пакистан, Саудовская Аравия, Израиль, ряд других стран, что, в свою очередь, значительно усложняет ситуацию в регионе. Их взаимоотношения, наряду с прочим, определяются и интересами контроля над региональными топливно-энергетическими ресурсами и средствами их транспортировки. Находясь в центре геополитического разлома постсоветского пространства, Каспийский регион начиная с 1990-х годов стал неотъемлемой частью новой «Большой игры» в мире, ведущейся по классическим правилам геополитики.

С заключением в Баку 20 сентября 1994 г. «Контракта века» на разработку каспийских нефтяных месторождений Азербайджана активизировался процесс вовлечения кавказских и прикаспий-

ских стран в разыгрываемую в регионе мировыми и региональными державами «геополитическую игру» на «каспийской шахматной доске», в роли главных игроков выступили Россия и Запад. Для России чрезвычайно важную стратегическую роль на Кавказе традиционно играла и продолжает играть Армения, которая является ее традиционным «форпостом» в этом регионе. К тому же эта страна служит для России основной базой противостояния проникновению НАТО и Турции в этот регион. По мнению некоторых российских экспертов, она «обречена быть вечным союзником России», а «в геополитическом коде Армении доминирует традиционный российский вектор».

Грузия как единственная кавказская страна, имеющая выход к Черному морю, также имеет стратегическое значение в отношениях России и Запада. По территории этой страны проходят транскавказские транспортные линии – железнодорожные и автомобильные, к которым за последние годы прибавились магистральные нефтегазовые трубопроводы. Грузия, в особенности после «революции роз» 2003 г., открыто придерживается прозападной ориентации, а ее пребывание в СНГ и до осени 2008 г. носило скорее символический характер.

После распада СССР осетины и абхазы были использованы Россией с целью заставить Грузию уступить давлению Москвы и отказаться от намерений вступить в НАТО. В России ясно осознавали, что Грузия, видящая свое будущее в единстве с Западом, является важным звеном в цепи, по которой западное влияние распространяется через Турцию и Азербайджан в Центральную Азию. Неслучайно, что именно по отношению к Грузии Россия применяла наиболее жесткую политику. Вначале это было введение визового режима, торгового эмбарго, «случайные» бомбардировки приграничных районов и пр. В условиях, когда присоединение Грузии к НАТО стало реальной перспективой, в августе 2008 г. Россия применила прямые военно-силовые методы, приведшие в конце концов к отторжению от Грузии Абхазии и Южной Осетии и выходу страны осенью того же года из СНГ.

Эта акция позволила РФ:

– во-первых, расширить сферу своего влияния на Черном море;

– во-вторых, Россия провела запретную черту, указывающую пределы для расширения НАТО на Восток на «кавказском направлении»;

– в-третьих, эти события продемонстрировали слабость позиций Запада на Кавказе, выявив разногласия как среди европейских стран, так и между «Старой Европой» и Соединенными Штатами, которые ограничились, в основном, разного рода «резолуциями об озабоченности» и весьма неэффективными дипломатическими демаршами;

– в-четвертых, другие стремящиеся в НАТО постсоветские государства получили недвусмысленный жесткий сигнал о том, что их настойчивые стремления в Альянс могут закончиться войной с последующим расчленением их территорий.

С другой стороны, августовский кризис 2008 г. объективно открыл новые возможности для активизации на Кавказе Турции, которая выступила с инициативой создания системы региональной безопасности («Платформы мира и стабильности на Кавказе»), включающей в себя пять кавказских стран: Турцию, Россию, Азербайджан, Грузию и Армению, и приступила к налаживанию прерванных в 1993 г. отношений с Арменией. Все это свидетельствует о том, что Турция явно намерена использовать кризис на Кавказе для укрепления собственного влияния в регионе и своего статуса как регионального центра силы. Россия же, учитывая сложившуюся на Кавказе ситуацию, склонна поддержать инициативы Турции о создании «Платформы мира и стабильности на Кавказе» с условием участия в этом проекте Ирана, что позволило бы значительно ограничить влияние США и Евросоюза в этом регионе.

Попытки усилить свое влияние в Каспийском регионе предпринимает и Иран – региональная держава континентального типа, антиамериканская, антиатлантическая геополитически активная страна, чьи интересы в регионе во многом совпадают с интересами России. Учитывая, что территория Ирана является одним из геополитически ключевых звеньев для новых независимых государств Кавказа и Центральной Азии, полностью исключить Тегеран из участия в каспийских проектах Западу вряд ли удастся. Именно Иран, наряду с Арменией, является основным стратегическим союзником России, противостоящим продвижению НАТО на Восток.

Прежде всего, для Тегерана важно не допустить усиления влияния прозападных сил, способных лишить Иран доступа к важному со стратегической и экономической точек зрения региону. В свою очередь, расширение влияния на Кавказе и в Центральной Азии позволит Ирану укрепить свой статус региональной державы, что заставит тот же Запад считаться с позицией этой страны на

международной арене. Основную же ставку в «каспийском направлении» своей внешней политики Тегеран делает на Россию как реальную силу, противодействующую натиску Запада в этот регион.

Принципиально поддерживая развитие международного сотрудничества во всем Каспийском регионе, в том числе в освоении его энергетических и биологических ресурсов, иранская сторона твердо выступает против какого-либо военного присутствия здесь нерегionalных стран. В то же время собственные интересы Ирана при определенном развитии событий могут способствовать дестабилизации обстановки в Каспийском регионе. В первую очередь речь идет о проблеме статуса Каспийского моря. Первоначально Иран занимал позицию, чрезвычайно близкую к российской: Каспийское море и его ресурсы должны рассматриваться с точки зрения кондоминиума – как общее богатство, без границ и секторов. Однако в дальнейшем руководство Ирана решило воспользоваться результатами развала Советского Союза, начав претендовать на большую, чем прежде, часть при разделе Каспийского моря, т.е. вместо 13% – доля, на которую были согласны большинство прикаспийских стран, – на 20% акватории Каспия.

Между тем, согласно трехстороннему соглашению, заключенному Россией, Казахстаном и Азербайджаном в мае 2003 г., было разделено 64% акватории Каспия в его северной части. Казахстан получил 27%, Россия – 19, Азербайджан – 18, Ирану и Туркменистану оставили 36%, предложив делить их по своему усмотрению.

В целом же проблема окончательного определения международно-правового статуса Каспия из-за особых позиций Ирана и Туркменистана зашла в тупик. Причем в южной части акватории, где расположены перспективные месторождения нефти, неминуемо сталкиваются интересы Ирана, Азербайджана и Туркменистана. Несмотря на то что на протяжении последних двух десятков лет ведутся достаточно интенсивные переговоры между Тегераном, Баку и Ашхабадом, конфликтный потенциал этой проблемы далеко не исчерпан.

Еще одно направление, где интересы Ирана в определенной степени вступают в конфликт с интересами России, – это проблема транспортировки энергоресурсов на мировые рынки. Иран предлагает прикаспийским государствам, прежде всего Казахстану и Туркменистану, направить часть своего экспорта через его территорию. Тегеран готов предоставить для этого готовую инфра-

структуру: порты, причалы, нефтеперерабатывающие заводы в районе Персидского залива. Возможна и другая форма сделки, когда север Ирана снабжался бы энергоресурсами из Каспийского региона, а аналогичный их объем Тегеран продавал бы от лица этих стран на мировом рынке. Реализация подобных предложений объективно снизила бы роль России в регионе. Против подобных планов открыто выступают и США, которые полагают, что Иран стремится в перспективе «воспрепятствовать свободному перемещению энергоресурсов в мире».

Хотя Иран и Россия не располагают большими запасами нефти и газа в своих секторах Каспийского моря, давление со стороны сменявших друг друга администраций Билла Клинтона, Джорджа Буша-младшего и Барака Обамы, которое испытывали за последние десятилетия и продолжают испытывать обе страны, в значительной степени способствовало сближению их позиций по ряду кардинальных вопросов, затрагивающих в целом Каспийский регион, например по вопросу о необходимости не допустить здесь доминирование Запада.

Стремление же Ирана осуществить свою ядерную программу способно спровоцировать неадекватную реакцию Запада, прежде всего США и Израиля, что может кардинально изменить всю военно-политическую ситуацию на Большом Ближнем Востоке с далеко идущими геополитическими последствиями как для Ирана, так и для России, не говоря уже о других прикаспийских странах.

Среди важных геополитических игроков, определяющих будущее Большого Среднего Востока и непосредственно влияющих на геополитические сдвиги на постсоветском пространстве, в особенности на Кавказе, выделяется Турция. После разрушения советского геополитического пространства в 1991 г. Турция получила реальный шанс максимально использовать новую конфигурацию на Кавказе и в Центральной Азии для усиления здесь своего геополитического влияния. В создавшейся в регионе геополитической ситуации Турция использовала собственное особое геостратегическое положение государства, «находящегося и в Европе, и в Азии», связи с евро-атлантическими военно-политическими структурами и идеологию весьма европеизированной, модернистской, но в то же время традиционно мусульманской страны. В наступившем столетии Турция предпринимает попытки корректировать свою внешнюю политику на «кавказско-каспийском направлении», взяв курс на укрепление отношений с Россией и Ираном, в частности в энергетической сфере. Вместе с

тем, в целом, Турция, как и Иран, в настоящее время не обладает достаточными военно-политическими и экономическими возможностями, чтобы обеспечить себе доминирование в Каспийском регионе, вытеснив оттуда Россию и Запад.

Повышение интереса Китая к Каспийскому региону за последние два десятилетия продиктовано прежде всего тем, что Пекин явно опасается установления геополитического контроля США над регионом и приближения зоны американского влияния к своим границам. Во-вторых, в условиях резкого роста китайского импорта нефти и нефтепродуктов за последние годы Пекин стремится «застолбить», по крайней мере, хоть какой-то доступ к запасам нефти и газа Каспия на будущее в рамках общей задачи обеспечения своей энергетической безопасности. В целом, у Китая в этом регионе есть фундаментальные геоэкономические и геополитические интересы, в связи с чем его активность с течением времени будет только усиливаться, особенно в восточной части региона. Это связано, прежде всего, с перспективами китайско-казахстанского и китайско-туркменского сотрудничества, в результате чего Китай рассчитывает существенно расширить сырьевую базу для развития собственного топливно-энергетического сектора. Однако выход США в Центральную Азию может поставить под вопрос реализацию этого вектора китайской политики, что делает возможным возобновление интереса КНР к российским энергетическим ресурсам. Неслучайно в наступившем столетии Китай делает главный упор на активизацию сотрудничества с Россией и центральноазиатскими государствами как в двустороннем формате, так и в рамках ШОС.

За последние два десятка лет Каспийский регион приобрел для Запада, в особенности для США, огромное геополитическое значение. Уже в середине 1990-х годов Соединенные Штаты, не имея возможности активно вмешиваться в ситуацию на постсоветском пространстве, определили для себя трех фаворитов: Украину, Азербайджан и Казахстан, определив для себя геополитическую задачу – поставить предел распространению российского влияния на трех ключевых направлениях: на Балканы (Украина), на Кавказ (Азербайджан) и в Центральную Азию (Казахстан). В октябре 1998 г. Азербайджан, Грузия, Армения, Украина, Беларусь и Молдова были включены в зону ответственности Европейского командования ВС Соединенных Штатов – ЕВКОМ. В 1999 г. Пентагон, признавая возрастающее геостратегическое значение Каспийского региона, передал американские военные подразделения в

Центральной Азии из подчинения Тихоокеанского командования в распоряжение Объединенного Центрального командования. Это решение было охарактеризовано американским аналитиком Майклом Клером как «редкостный пример изменения военной географии». В ходе начавшейся 7 октября 2001 г. антитеррористической операции «Несокрушимая свобода», во время которой был оккупирован Афганистан, Пентагон начал использовать ряд военных баз и аэродромов в Узбекистане, Казахстане, Киргизстане и Таджикистане, разместив на некоторых из них свои воинские контингенты. Интенсифицировались также военные контакты США с кавказскими странами.

США видят в нефти Каспия дополнительный источник энергии, которую можно будет использовать в случае, если поставки из стран Персидского залива окажутся под угрозой. Помимо этого американские интересы в Центральной Азии и в регионе Каспийского моря во многом определяются стремлением сохранить влияние на своих союзников, т.е. на Объединенную Европу и Японию. США заинтересованы дистанцировать центральноазиатские страны от России и, в конечном счете, даже вывести их из зоны российского влияния, ослабив ее потенциальные возможности вновь бросить когда-либо геополитический вызов Соединенным Штатам.

Возрастающее влияние США в Центральной Азии, особенно после событий 11 сентября 2001 г. и начала антитеррористической войны в Афганистане, безусловно, дало Вашингтону геополитическое преимущество в отношении Китая, Ирана, Юго-Западной и Южной Азии, не говоря уже о России. В русле своей стратегии в Евразии Вашингтон, используя фактор так называемого «исламского фундаментализма и экстремизма», стремится «пристегнуть» Центральную Азию к «географическому поясу», который составляют Турция, Саудовская Аравия и Пакистан. Однако без подключения к этому процессу стран Каспийского региона, и прежде всего Азербайджана, Казахстана и Туркменистана, выполнение данной геостратегической задачи выглядит весьма проблематичным.

В отличие от США страны Евросоюза в Каспийском регионе имеют преимущественно экономические интересы. Главной целью европейской политики здесь является обеспечение собственной энергетической безопасности в XXI в. Новые поставщики нефти и газа в лице Азербайджана, Казахстана и Туркменистана могут значительно уменьшить зависимость Европы от ближневосточной и

российской нефти. Второй основной целью ведущих стран Евросоюза в этом регионе является сохранение и развитие собственной нефтедобывающей отрасли за счет работы своих нефтяных компаний на более богатых месторождениях за пределами своих стран. Как известно, после очередного расширения Евросоюза на Восток в 2004 г. все три государства Кавказа вошли в группу из 17 стран, подготовивших и подписавших углубленные программы сотрудничества с этой европейской структурой. В октябре 2006 г. Евросоюз подписал с ними обновленные Соглашения о партнерстве и сотрудничестве в рамках Европейской политики соседства (ЕПС). Программа действий Европейской политики соседства для каждой из кавказских стран была составлена с учетом их интересов.

Тем временем события последних лет вокруг Каспия не могут не вызывать серьезной обеспокоенности России. Это связано, в основном, с двумя факторами. С одной стороны, Россия в 1990-х годах не в полной мере осознавала, в чем конкретно заключаются ее интересы на этой части постсоветского пространства, что и дало возможность Западу беспрепятственно войти и закрепиться в ряде стран Каспийского региона. С другой же стороны, значительное ослабление экономического потенциала России в этот период не позволяло ей в полной мере отстаивать свои геополитические и геоэкономические интересы в этом регионе. Фактически границы с Кавказом отошли к рубежу начала XIX в., а с Центральной Азией – середины того же столетия, что в конце концов привело к сжатию геополитического пространства в этих регионах и уменьшению роли России как основного геополитического центра на Каспии.

В ельцинский период «разброда и шатаний» во внутренних и иностранных делах «каспийская политика» России отличалась непоследовательностью и фрагментарностью, она игнорировала специфические особенности как региона в целом, так и конкретных прикаспийских государств. К тому же, увязнув в 1990-х годах в войне в Чечне, которая являлась важным звеном перекачки каспийской нефти на экспорт – на ее территории стыковались нефтепроводы из Азербайджана и Казахстана, Москва значительно усложнила свои позиции на Северном Кавказе.

Связь событий в Чечне с борьбой за трубопроводы со всей очевидностью проявилась в конце 1994 г., когда Москва начала здесь активные боевые действия, переросшие затем в новую кавказскую войну. Все это в конце концов поставило Россию перед реальной угрозой потери своих геополитических позиций в регионе со всеми вытекающими из этого геостратегическими последст-

виями. В целом же в этот период «у России не было синтезированной, ориентированной на будущее, общенациональной позиции в отношении Каспия».

Лишь после прихода к власти в России В. Путина внешнеполитические шаги российской дипломатии приобрели прагматичность и последовательность. Причем во внешнеполитической доктрине РФ появилась новая тенденция – придерживаться концепции гибких коалиций, т.е. не входить в долгосрочные союзы ни с одним государством, делая ставку в основном на налаживание стабильных двух- и многосторонних отношений с государствами постсоветского пространства, согласно своим конкретным геополитическим и геоэкономическим целям и задачам.

Стремление России нормализовать отношения со всеми прикаспийскими государствами было наглядно продемонстрировано в ходе официальных визитов президентов В. Путина и Д. Медведева в прикаспийские страны, когда был подписан ряд важных межгосударственных политических и экономических соглашений. Приход к власти администрации В. Путина ознаменовался усилением позиций РФ на Каспии. В этот период Россия более активно вовлекается в конкурентную борьбу за ресурсы региона.

Безусловно, одной из важнейших проблем, затрагивающей как настоящее, так и будущее Каспийского региона, является проблема демилитаризации Каспия. Курс же на наращивание всеми пятью прикаспийскими государствами своей военно-морской мощи является дестабилизирующим фактором и чреват непредсказуемыми последствиями. Между тем российская сторона на саммите по проблемам каспийской нефти и газа, состоявшемся в Лондоне 22–23 марта 2001 г., открыто заявила, что предметом особой ее озабоченности является угроза этому региону со стороны международного терроризма и религиозного экстремизма, а также региональных и локальных конфликтов, что оправдывает и требует разностороннего присутствия России в этом регионе, включая и военное. Первые же годы наступившего столетия ознаменовались активизацией под благовидным поводом «борьбы с международным терроризмом» усилий США и НАТО по установлению военно-политического контроля над важнейшими в геостратегическом отношении регионами мира. Одним из основных явился американский геостратегический план «Большой Ближний Восток», включающий в себя Северную Африку, Ближний Восток, Средний Восток, Кавказ и Центральную Азию.

В 2003 г., в период разработки плана военной акции против Ирана, в недрах Пентагона был разработан также план по созданию сил специального назначения под названием «Каспийская стража» и военных баз, призванных обеспечить безопасность в Каспийском бассейне. Основной задачей этих сил должно было стать быстрое реагирование на возникновение чрезвычайных ситуаций, включая угрозы нападения террористов на нефтяные объекты.

Намерение США обозначить в ближайшие годы свое военное присутствие на Каспии вызывает однозначно негативную реакцию Москвы и Тегерана, так как это ставит под угрозу оборонные интересы России и Ирана в этом регионе. Между тем Россия в том же 2003 г. выступила с инициативой формирования пятисторонней Каспийской военно-морской группы оперативного взаимодействия («Касфор») – по образцу «Блэксифор» на Черном море. Группа «Касфор» должна была представлять собой оперативную военную группировку в составе всех флотов прикаспийских стран. Однако этот проект не получил поддержки ряда прибрежных государств. В целом, хотя по Каспию и сложилась конфликтная ситуация, она пока еще не имеет кризисного измерения. Однако разворачивающееся вокруг Каспийского региона напряженное геополитическое соперничество между формирующимися новыми геостратегическими центрами создает весьма реальные перспективы превращения региона в XXI в. в решающий «театр военных действий».

В геополитической борьбе в Центральной Евразии решается судьба нового миропорядка и контроля над Черноморско–Кавказско–Каспийским геополитическим пространством, Центральной Азией и Большим Ближним Востоком со всеми вытекающими из этого геостратегическими преимуществами. З. Бжезинский достаточно откровенно излагает геостратегические и геоэкономические задачи Запада по отношению к богатейшим нефтегазодобывающим районам, включающим Персидский залив, Иран и Каспийский регион: «А коль скоро надежный доступ к энергоносителям по разумным ценам жизненно важен для трех наиболее, динамичных в экономическом отношении регионов – Северной Америки, Европы и Восточной Азии, стратегическое господство над этой зоной, пусть даже замаскированное соглашениями о сотрудничестве, было бы определяющим с точки зрения мировой гегемонии преимуществом». В целом, США явно заинтересованы не только в разработке природных ресурсов Каспийского

региона, но и в недопущении доминирования РФ на данном геополитическом пространстве. Первоочередной интерес США состоит в том, чтобы не дать России приобрести здесь стабильные позиции. Вашингтон заинтересован прежде всего в том, чтобы обеспечить ситуацию, при которой ни одна держава не контролировала бы данное геополитическое пространство, а Запад имел бы к нему беспрепятственный финансово-экономический доступ. В то же время вариант с полным исключением России из региона не предусматривается, так как это послужит серьезным фактором нестабильности в регионе с далеко идущими военно-политическими последствиями.

В свою очередь, с военно-стратегической точки зрения масштабное и исключительное военное присутствие США в Персидском заливе, Ираке и Афганистане открывает перед американцами, по мнению З. Бжезинского, «широчайшие возможности единолично принимать нужные политические решения». Что же касается Ирана с его 70-миллионным населением, «величественной имперской историей и чувством национальной самооценности», – трудно представить, «чтобы Соединенным Штатам удалось в одиночку принудить Иран к радикальной переориентации». Вашингтон активно использует в связи с антитеррористическими операциями в Афганистане и Ираке международную конъюнктуру для расширения своего прямого и косвенного (через структуры НАТО) присутствия на постсоветском пространстве. По сути, начата реализация геополитической стратегии «Анаконда», вполне оправдавшей себя в отношении СССР в период «холодной войны». С другой стороны, в наступившем столетии все более реальные черты приобретает процесс формирования Западом гигантской геополитической дуги Балтика–Черноморье–Каспий с последующим выходом на просторы Центральной Азии.

С проникновением глобальных экономических акторов в Каспийский регион он не утратил значения в мировой геоэкономике. Наоборот, сегодня можно констатировать растущую интенсивность глобальных воздействий, направленных на включение региона с его огромными природными ресурсами в масштабные геоэкономические проекты. Процессы, происходившие на рубеже XX–XXI вв., и всевозрастающая роль энергоресурсов в мировой политике неизбежно привели к пересмотру ряда традиционных взглядов на регионы, входящие в Ближний и Средний Восток. В книге «Энергетический суперкубок», изданной Центром Никсона, регион, простирающийся от устья Волги до Омана, охарактери-

зован как стратегический «энергетический эллипс». Он представляет собой продолжение нефтяных месторождений Ирана и всего Ближнего Востока и содержит 2/3 разведанных залежей нефти и более 40% доказанных мировых запасов природного газа. В этой связи, как в геополитическом, так и в геоэкономическом плане, Каспийский бассейн и Персидский залив рассматриваются как единая конструкция.

Итак, наличие больших запасов нефти и газа является важнейшим геоэкономическим фактором, влияющим на расклад геополитических сил в Каспийском регионе. По оценке ряда российских экспертов, при наличии мировых запасов нефти в 150 млрд. т на долю этого региона приходится свыше 25 млрд. т. В то же время другие российские аналитики считают, что на долю бассейна Каспийского моря приходится всего 15–20 млрд. т, т.е. не более 10% мировых запасов нефти, тогда как на Россию – 6–10%, а на страны Ближнего Востока – 60%. По мнению стран ОПЕК, запасы Каспийского бассейна не превышают 23 млрд. т.

По оценкам же западных экспертов, сырье из Каспийского моря может иметь большое значение для Европы как альтернатива арабской нефти, когда уменьшится добыча из Северного моря. По некоторым данным, только Казахстан, Азербайджан и Туркменистан владеют более чем 100 млрд. баррелей нефти, что делает Каспийский регион третьим по величине нефтяным резервуаром в мире после Персидского залива и Сибири. В свою очередь, Министерство энергетики США считает, что бассейн Каспийского моря располагает крупнейшими неразработанными запасами углеводородов в мире. Разведанные запасы составляют от 17 до 3 млрд. баррелей нефти и около 232 трлн. куб. футов природного газа. Потенциальные же запасы могут составить около 200 млрд. баррелей нефти и до 350 трлн. куб. футов природного газа.

Что касается запасов нефти в отдельных прикаспийских странах, то, по оценкам независимых экспертов, доказанные запасы нефти в Азербайджане составляли на первый квартал 2007 г. 7 млрд. баррелей, Казахстана – 30 млрд. баррелей, Туркменистана – 600 млн. баррелей, Ирана – свыше 136 млрд. баррелей, в то время как запасы нефти в Саудовской Аравии – свыше 262 млрд. баррелей. Важным геоэкономическим фактором является и то, что Каспийский регион может стать одним из основных поставщиков газа в Европу. По оценкам экспертов «Бритиш петролеум», на долю Туркменистана, Казахстана и Азербайджана приходится в общей сложности 5,85 трлн. м³. Потенциал государств Каспийского ре-

гиона подтверждается объемами их запасов природного газа – 35–40 трлн. м³, или 26% мировых запасов, что почти в три раза больше суммарных подтвержденных запасов Алжира, Египта, Нигерии и Ливии.

Для обеспечения же полного использования потенциала Каспийского региона и создания всей инфраструктуры, необходимой для добычи и транспортировки нефти и газа на мировые рынки, по оценкам экспертов, необходимо инвестировать приблизительно 200 млрд. долл.

Все эти факторы превращают Каспийский регион в один из основных центров экономического влияния на планете. Как отмечает С. Блэнк, «главными игроками в конкурентной борьбе за добычу и экспорт энергоресурсов Центральной Азии и бассейн Каспийского моря остаются компании США и России. Однако в последние годы с ними все чаще соперничают китайские и индийские корпорации». В целом американские специалисты не исключают, что со временем нефтедобывающие прикаспийские государства – Азербайджан, Казахстан и Туркменистан – сообща могли бы составить серьезную конкуренцию странам ОПЕК. Как заявлял еще в середине 1990-х годов Д. Бейкер, в XXI в. «каспийская нефть может иметь такое же значение для индустриального мира, какое сегодня имеет нефть Персидского залива». Под влиянием глобализации усилилось политическое и коммерческое противоборство за контроль над энергетическими ресурсами Каспийского региона. Бесспорно, наиболее влиятельными игроками здесь, наряду с Россией, стали и мировые центры силы в лице США, Евросоюза, Китая, стран Большого Среднего Востока.

С геоэкономической точки зрения участие в разработке нефтегазовых ресурсов Каспия, в определении маршрутов их транспортировки на мировые рынки, в решении проблем делимитации его морского пространства привлекает особое внимание и обусловливает как скрытую, так и открытую конкурентную борьбу не только между прибрежными странами, но и между ведущими державами, а также некоторыми региональными государствами.

Благодаря своему географическому положению Кавказ постепенно превращается в связующий узел, через который будет проходить трансконтинентальная система коммуникаций, в частности планируемый трубопровод «Набукко» и ряд других. В целом же проекты эффективной системы трансевразийских коммуникаций не представляются возможными в обход Кавказа. Наличие больших запасов энергоносителей крайне актуализирует

создание эффективной системы коммуникаций для транспортировки углеводородов Каспийского региона на мировые рынки.

Формирование в обозримом будущем геоэкономических конструкций по горизонтальному направлению на запад: Каспий – Черное море – Средиземноморье – Атлантика, и на восток: Каспий – Китай – Азиатско-Тихоокеанский регион, а также по вертикали на юг: Каспий – Персидский залив и Каспий – Индийский океан, в сочетании с уже функционирующими нефте- и газокommunikационными магистралями и реализуемыми проектами Баку–Супса, Баку–Новороссийск, Тенгиз–Новороссийск, Корпедже, Курдкуй, Баку–Джейхан и др. может способствовать полномасштабному выходу энергоресурсов Каспийского региона на мировые рынки и интеграции экономик прикаспийских государств в новую глобализующуюся экономическую систему планеты.

Подписание «Контракта века» осенью 1994 г. дало старт ощутимым изменениям в геополитической ситуации на Кавказе, да и частично во всем Каспийском регионе. Актуализировалась проблема выбора маршрута транспортировки каспийской нефти на мировые рынки. Считая это «одним из острейших геополитических вопросов для России», представители российской военной элиты не скрывали своего опасения, что «в его решении важную роль будут играть британо-американские нефтяные компании, которые медленно, но верно стремятся установить транснациональный контроль над природными ресурсами Каспия». С российской точки зрения геополитическая выгода Запада в суперпроекте «Контракт века», приведшем к строительству основного нефтепровода Баку–Тбилиси–Джейхан, заключалась в том, что, во-первых, Запад экономически укрепитя в этих геополитически очень чувствительных для России зонах; во-вторых, он будет способствовать горизонтальной консолидации государств Центральной Азии и Кавказа вокруг новых коммуникационных артерий, ориентированных друг на друга, лишая при этом Россию контроля над товаропотоками; в-третьих, он через инвестиции будет способствовать укреплению хрупкой государственности образовавшихся на постсоветском пространстве независимых стран, и, наконец, в-четвертых, им будет создан мощный экономический и военно-политический союз в качестве противовеса России.

К этому следует добавить, что существование других вариантов направлений трубопроводов из Каспийского региона на мировые рынки: Россия–Казахстан–Туркменистан–Иран–Афганистан–Пакистан–Индийский океан и Западный Казахстан–

Синьцзян-Уйгурский автономный район КНР, безусловно, будет способствовать более активному вовлечению в каспийскую «геополитическую игру» новых акторов, в частности Китая, Пакистана, Японии и др., откроет перспективу выхода каспийской нефти и газа на рынки Азиатско-Тихоокеанского региона. Реализация проекта Баку–Тбилиси–Джейхан, открытие которого состоялось 25 мая 2005 г., имело двойное геополитическое и геоэкономическое значение. Во-первых, был обеспечен доступ через Грузию и Турцию азербайджанской, а в перспективе и всей каспийской нефти на западные рынки; во-вторых, были ослаблены позиции России в Каспийском регионе.

Как бы в ответ на «геоэкономический вызов» Запада Россия весной 2007 г. предприняла энергичные шаги по диверсификации газопроводов в восточном секторе Каспия. В мае того же года в ходе шестидневной поездки Президента РФ В. Путина в Казахстан и Туркменистан состоялось подписание договора о строительстве Прикаспийского газопровода в «российском направлении». Это явилось ответом России на попытки США и Евросоюза вывести из орбиты Москвы прикаспийские страны Центральной Азии путем строительства газопроводов в обход российской территории. Западные страны, в свою очередь, выступили с инициативой строительства Транскаспиского газопровода по дну Каспия с дальнейшим подключением Туркменистана к проектируемой в ближайшей перспективе газопроводной системе «Набукко».

В целом, надо отметить, что монополизация транспортировки каспийской нефти и газа позволяет держать под контролем всю геополитическую обстановку в Каспийском регионе. В этой связи одной из основных геоэкономических задач Запада в этом регионе является обеспечение американским и западноевропейским компаниям беспрепятственного доступа к нефтегазовым месторождениям Каспия и Центральной Азии. Это позволит уменьшить зависимость Запада от ближневосточной нефти и снизит мировые цены на энергоресурсы.

Что касается Европейского союза, эта организация рассматривает Каспийский регион как не только стратегически важный источник энергоносителей, но и своеобразный плацдарм, обеспечивающий непосредственный выход к ресурсам Центральной Азии, Ирана. Проекты транспортного коридора Европа – Кавказ – Азия и межгосударственной транспортировки нефти и газа в Европу в наибольшей степени соответствуют европейскому взгляду на развитие этого региона. Более того, система трубопроводов

здесь может быть использована как значительная составляющая стратегии «расширения Европы».

В 1990-х годах США и объединенная Европа особое внимание придавали созданию евразийского транспортного коридора Восток–Запад. В частности, в 1995 г. ЕС предложил рассмотреть практическую целесообразность транспортного маршрута «Венеция»: юг Италии–Поти–Батуми–Тбилиси–Ереван–Баку–Туркменбаши–Бишкек, который во многом повторяет древний Великий шелковый путь. В свою очередь, международный транспортный коридор Север–Юг, открытый официальным протоколом в середине 2002 г. в Санкт-Петербурге, призван соединить север России и Европы через Каспийский бассейн со странами Персидского залива, Индией и Пакистаном. По оценкам российских экспертов, перевозка грузов по этому маршруту в три раза короче, чем по Суэцкому каналу, и на 30–40% дешевле. Значительная активизация Китая, по сути являющегося второй экономикой мира, в Каспийском регионе вызвана его острой потребностью в энергетических ресурсах, прежде всего нефти и газе. В самой Поднебесной стратегия обеспечения энергоносителями реализуется через проект строительства «Великой китайской трубы» – масштабной транспортной газовой инфраструктуры, призванной обеспечить импорт голубого топлива из России, Казахстана и Туркменистана.

* * *

В условиях формирования нового мирового порядка, когда талассократический Запад в лице своего безусловного лидера США получил реальные возможности одержать тотальную геополитическую победу над теллурократическим Востоком, на передний план выдвинулась основная геостратегическая цель атлантистов – не допустить, чтобы одна только Россия доминировала в Центральной Евразии, в том числе и в богатом энергоресурсами Каспийском регионе. Это и способствовало превращению региона в один из важнейших, наряду с Балканами и Ближним Востоком, геополитических центров на рубеже XX–XXI вв., интенсификации на его пространствах соперничества не только между Россией и США (НАТО), но и региональными державами – Турцией и Ираном.

Касаясь актуализировавшейся за последнее десятилетие проблемы транспортировки каспийских энергоресурсов на мировые рынки, следует отметить, что как в мировой истории, так и в

современности «география, которую имеет в виду геополитическая мысль, – это не физическая география суши и моря; это география коммуникаций международной торговли и международной войны. На всемирных перекрестках, как свидетельствует история, торговые коммуникации при необходимости приобретают военно-стратегическое значение. Пути торговли становятся путями войны». В этом смысле в наступившем столетии нефтегазопроводы и транспортные коммуникации, протянувшиеся от Каспия во всех четырех направлениях, в особенности в западном и в восточном, в силу своего неоспоримого стратегического значения представляют собой особый вид «геополитического и геоэкономического оружия».

В целом, обостряющееся геостратегическое соперничество за один из важнейших «геополитических и геоэкономических призов» XXI в. – Каспийский регион может привести к изменению всей традиционной конфигурации геополитического ландшафта Большого Ближнего Востока.

«Кавказ и глобализация», Баку, Азербайджан, Швеция, 2010 г., т. 4, вып. 1–2, с. 7–21.

Кенан Аллахвердиев,
кандидат философских наук, Академия
государственного управления
при Президенте АР (Азербайджан)
ЭТНОПОЛИТИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ
АЗЕРБАЙДЖАНА В НАЧАЛЕ XXI ВЕКА:
ОСНОВНЫЕ СЦЕНАРИИ

Как известно, при разработке политического прогноза, внутривнутриполитического или международного, самым сложным является соблюдение определенных принципов (альтернативность, верифицируемость, объективность и др.), на основании которых, собственно говоря, только и могут быть обоснованы возможные направления развития событий. Наиболее распространенным видом политического прогноза можно считать метод построения сценариев. Данный метод основан на выявлении в политических объектах и процессах таких критических точек, воздействие на которые может привести к кардинальным и необратимым качественным изменениям. Для этого прежде всего следует выявить ключевые

факторы так называемого прогнозного фона. В данном случае к их числу, по нашему мнению, относятся следующие факторы.

Во-первых, фактор геополитики Кавказа. Несмотря на многочисленные исследования по этой проблеме, надо отметить определенную расплывчатость самого объекта изучения. Дело в том, что никакого «Кавказского региона», в том числе и так называемого «Южного Кавказа», в строгом смысле слова нет. Есть три государства с различными векторами развития, ценностями, политическим менталитетом. Иначе говоря, «Кавказ в целом» выступает не субъектом, а объектом геополитики. И именно поэтому все геополитические изменения здесь происходят не в результате скоординированной деятельности государств этого региона, а вследствие неприкрытого давления глобальных и региональных держав. Однако при этом возникает еще одна проблема – неясность, непоследовательность политики самих этих государств по отношению к региону и, в частности, к Азербайджану. К примеру, не будет большим преувеличением утверждать, что приоритеты в кавказской политике России и США пока еще не расставлены.

Во-вторых, фактор востребованности в регионе успешной модели национального развития, в которую органично входила бы гармонизация этнических, общенациональных и региональных интересов во всех сферах жизни общества. Как отмечает К.С. Гаджиев, здесь «в сложнейший узел переплетены трудноразрешимые социально-экономические, национально-территориальные, конфессиональные, геополитические и иные интересы. Важно учесть и то, что перед новыми закавказскими государствами, равно как и другими постсоветскими странами, встает кардинальная проблема поиска и разработки новых путей социально-экономического и общественно-политического развития».

Согласно рейтинговым показателям стран по категориям за 2009 г., обнародованным авторитетным журналом «International Living», Азербайджан лидирует по темпам экономического развития среди стран региона и СНГ. Такое возрастание геополитического и геоэкономического веса Азербайджана – показатель направления, по которому в будущем будет развиваться регион.

В-третьих, военно-политический фактор. По мнению многих экспертов, наиболее вероятной точкой «невозврата», способной дестабилизировать геополитическую обстановку не только на Кавказе, но и в Большом Черноморско-Каспийском регионе, и даже на всем Ближнем Востоке, безусловно, был бы полномасштабный крупный военный конфликт. В пессимистических сценариях

на эту тему, даже с указанием конкретного времени, недостатка нет. И хотя все они достаточно вариативны, можно выделить несколько ключевых сюжетных линий:

а) война между США и их союзниками (например, Израилем), с одной стороны, и Ираном – с другой;

б) война России с одним из кавказских государств;

в) война между Арменией и Азербайджаном.

Наиболее вероятный сценарий – война западных стран с Ираном, потенциально обладающим ядерным оружием, – по мнению многих аналитиков, будет иметь страшные последствия, образно названные в СМИ «иранским Армагеддоном». Среди них называют ответные иранские «удары возмездия»; возможные военные действия по всему периметру его границ; «цветные революции» в Тегеране или на севере страны, населенном преимущественно этническими азербайджанцами; распад государства на три части и даже превентивные войны с Турцией и Азербайджаном. Помимо угроз чисто военного характера для этнополитической и всей национальной безопасности Азербайджанской Республики, такое развитие событий чревато неконтролируемым вторжением многомиллионной массы беженцев, стремящихся покинуть зону боевых действий. Какую внутривосточную дестабилизацию в республике может вызвать этот новый «этнополитический фактор», остается лишь догадываться, вспоминая при этом сходные события в Азербайджане в 1988–1992 гг. Тогда из Армении в Азербайджан было вынуждено бежать все азербайджанское население – всего около 200 тыс. человек. Масштабы иранской гуманитарной катастрофы, вне всяких сомнений, могут быть на порядок выше.

Военные действия летом 2008 г. лишили элиты кавказских государств каких бы то ни было иллюзий по поводу возможности военного вмешательства со стороны России в их внутренние дела. Однако сегодня России по многим политическим и экономическим соображениям просто невыгодно использование военных средств для расширения своего влияния: еще одной кавказской войны не выдержит ни российский бюджет, и без того ослабленный мировым кризисом, ни ее международно-политический статус.

Еще одной кризисной точкой, способной взорвать весь регион, является возможность начала военных действий между Арменией и Азербайджаном. Спекуляций на тему «азербайджанского реванша», особенно в армянских СМИ, имеется много, причем в очень широком диапазоне: от указания конкретной даты начала

военных действий и направления ударов до призывов не обращать внимания на предупреждения азербайджанской стороны – дескать, они рассчитаны на внутреннюю аудиторию. К сожалению, приходится признавать, что, несмотря на многолетние посреднические усилия, попытки мирного урегулирования нагорно-карабахского конфликта так и не увенчались успехом, а следовательно, вероятность возобновления военных действий все-таки высока.

Томас де Ваал (британский эксперт по Кавказу), выступая на конференции «Урегулирование карабахского конфликта: Реальное и нереальное», заявил, что риск возобновления боевых действий в зоне карабахского конфликта хоть и невелик, но все же существует. «Последнее возможно, если военные и политики решат использовать купленное в огромных количествах оружие. Азербайджан недоволен статус-кво. Рано или поздно он попытается что-то сделать, чтобы вернуть территории. Режим прекращения огня пока действует, и я не хочу казаться паникером. МГ ОБСЕ не сможет предотвратить возобновление военных действий. Статус-кво удобен, но не может длиться вечно. Официальный Баку склонен к переговорам, хотя и не исключает военного варианта решения конфликта. Но в процесс карабахского урегулирования должны быть вовлечены международные эксперты и организации, так как МГ ОБСЕ не в состоянии действовать самостоятельно. Евросоюз также должен быть более активно вовлечен в процесс, так как в случае обострения конфликта Европа будет вынуждена участвовать в ликвидации последствий». В докладе Национальной разведки США «Ежегодная оценка угроз разведывательным сообществом», опубликованном в январе 2010 г., также подтверждается, что хотя и был достигнут прогресс в налаживании отношений между Турцией и Арменией и это, в свою очередь, повлияло на армяно-азербайджанские отношения в целом и на нагорно-карабахский конфликт в частности, – присутствует вероятность возобновления военных действий между Арменией и Азербайджаном.

На вероятность такого развития событий указывает и президент Ильхам Алиев, отмечая, что хотя Азербайджан и привержен поиску мирного решения конфликта, к сожалению, «он не может полностью исключить военного решения, так как мы имеем полное и основанное на международных законах право восстановить нашу территориальную целостность, которая ни одной страной мира не ставится под сомнение». По мнению Е. Чаусовского, аналитика из американского аналитического центра «Stratfor», «главное, что мешает Азербайджану начать войну, так это то, что Баку

знает, что любой военный конфликт не только вызовет резкую реакцию его традиционных союзников – Турции, Соединенных Штатов и Европы, но, вероятно, также вдохновит военную реакцию России, которая считает Армению военным союзником».

Среди российских экспертов, прогнозирующих возможное поведение великих держав в случае новой войны в Карабахе, следует выделить мнение Г. Трофимчука, согласно которому, если начнется новая война, то Россия займет нейтральную позицию. Другой российский военный эксперт, П. Фельгенгауэр, известный тем, что еще до начала августовской войны 2008 г. говорил о подготовке России к боевым действиям в отношении Грузии, также заявляет о возможном возобновлении войны между Арменией и Азербайджаном.

Указанные факторы, на наш взгляд, могут стать наиболее существенными для понимания перспектив развития этнополитической безопасности Азербайджана и служат основой, позволяющей очертить контуры возможных сценариев этого развития.

Сценарий 1. Федерализация Азербайджанской Республики. На протяжении всего миротворческого процесса вокруг армяно-азербайджанского нагорно-карабахского конфликта наблюдается определенная закономерность: как только появляются более или менее серьезные подвижки в его урегулировании, так сразу же возникают различные вариации на тему о необходимости федерализации Азербайджана. Проблема федеративного устройства по своей природе противоречива, неоднозначна для различных стран и частей мира. Советский опыт государственного строительства, к сожалению, не столько заложил жизнеспособные основы исторической практики федерализма, сколько стал в постсоветский период фундаментом для разжигания межэтнических конфликтов и этносепаратизма. Автономные статусы различных уровней раздавались по совершенно различным критериям, смешение которых приводило к определенным политико-правовым коллизиям.

Как справедливо отмечает российский исследователь проблемы федерализма А.А. Захаров, одной из фундаментальных угроз безопасности и целостности государства является «сочетание этнических начал с территориальными, конституционное закрепление нерасторжимой связи этноса с территорией, на которой он проживает». «Важно отметить, что этот устаревший подход, доставшийся нам в наследство от марксизма, сегодня применяется в основном развивающимися странами (Эфиопия, Нигерия, Индия). Сходным образом организованные восточноевропейские федера-

ции (Советский Союз, Чехословакия, Югославия) уже распались, а единственное новообразование подобного типа – Боснию и Герцеговину – далеко не все исследователи считают жизнеспособным государством».

Именно поэтому в ходе переговорного процесса самым решительным образом отвергается сама идея федеративного устройства Азербайджана. Официальный Баку предлагает к обсуждению в ходе переговоров лишь вопрос о «широкой автономии в рамках азербайджанского унитарного государства». Было ясно, как отмечает Д. Малышева, что, «если азербайджанские власти согласятся на изменение статуса Нагорного Карабаха и пойдут навстречу требованиям карабахских армян, это создаст прецедент для других национальных меньшинств страны – лезгин, курдов, тальшей – и подтолкнет их к действиям, ставящим под угрозу целостность Азербайджана».

Однако усиление динамики переговорного процесса, активизация посреднических миссий, заявления Азербайджана на официальном уровне о готовности предоставить Нагорному Карабаху самый высокий статус автономии, – все это породило среди некоторой части экспертного сообщества не соответствующие действительности представления о грядущей федерализации государства. Изменение административно-территориального устройства страны якобы должно было осуществиться путем объединения всех существующих районов Азербайджана в восемь провинций, которые получат названия по сторонам света (за исключением Нахичеванской и Нагорно-Карабахской).

То, что это не пустые угрозы, видно из многочисленных заявлений так называемых «представителей» национальных меньшинств Азербайджана, которые в 2009 г. занялись активным перекраиванием карты республики. К примеру, некий «выразитель» интересов аварского меньшинства в республике, ни разу ни побывавший в ней, Марко Шахбанов предельно категоричен: «Азербайджан будет состоять из пяти автономий: Армянской автономной республики с центром в Степанакерте, Тальшской автономной республики с центром в Ленкорани, Лезгинской автономной республики с центром в Кусарах и Аварской автономной республики с центром в Закатале. Плюс к этому статус автономной республики сохраняет Нахичевань».

Выводы по сценарию

Позитивные стороны: краткосрочная нейтрализация текущих угроз этнополитической безопасности страны, приближение к европейским стандартам в гуманитарной сфере.

Негативные стороны: в среднесрочном плане (до десяти лет) существует реальная угроза распада страны на этнические сегменты, активизация сепаратистских настроений в этих регионах и расширение возможностей для внешнего вмешательства.

Стратегия сценария: достижение на основе принципа этнического самоопределения так называемого «исторического компромисса», граничащего с прямой изменой коренным национальным интересам азербайджанского народа.

Таким образом, для Азербайджана национально-территориальная федерация – это самая большая угроза его этнополитической безопасности, своего рода промежуточный вариант для ликвидации национальной государственности.

Сценарий 2. Унитаризация Азербайджана. Если федерализация Азербайджана представляет собой внутренний этнополитический сценарий с серьезными геополитическими последствиями для региональной безопасности, то сценарий унитаризации – это приведение государственных границ страны в соответствие с тотальным этническим полем азербайджанского народа. Фактически здесь подразумевается кардинальная ломка существующих межгосударственных границ в духе упомянутой ранее новой «Большой игры». В этом плане с определенной долей условности можно говорить о двух гипотетически существующих проектах нового формата государственности Азербайджана: «большом» (американском) и «малом» (российском).

Для характеристики «большого плана» показательна позиция российского эксперта С. Маркедонова, согласно которой «кажущаяся сегодня фантастической идея “аншлюса” двух Азербайджанов может оказаться политически востребованной. В случае борьбы за “самоопределение” отдельных частей Ирана при азербайджанской поддержке политики США вопрос о Карабахе может приобрести совсем другое звучание. Спорный Карабах в этом случае может стать почетным призом за лояльность глобальной сверхдержаве. Впрочем, чисто теоретически возможен и другой вариант – “обмен” Карабаха на Южный Азербайджан. В этом случае объединение некогда разделенной (в 1820-х годах) единой этнической территории между Ираном и Российской империей затмит утрату этнически и политически чуждого Карабаха». Не

секрет, что в рамках подготовительных мероприятий к потенциальной войне с Ираном «азербайджанская карта» самым тщательным образом анализируется в американских «мозговых центрах» (например, через призму открытия так называемого «северного фронта», о чем в своей работе «The Iran War Theater's "Northern Front": Azerbaijan and the US Sponsored War on Iran» говорит канадский профессор экономики М. Чоссудовски) и штабных учениях, в ходе которых планируется проведение военной операции по отражению иранского нападения на Азербайджан в 2013 г. – в год 200-летия Гюлистанского мира. Надежды на успех этого плана напрямую связаны с численностью иранских азербайджанцев, которая, по оценкам одних специалистов, достигает 16 млн. («CIA – The World Factbook», 2010), по другим оценкам – 40 млн. человек. Точную оценку численности азербайджанцев осложняет тот факт, что иранские источники не приводят детальных данных о национальном составе населения Ирана, и число азербайджанцев, живущих в этой стране, приходится определять по косвенным данным.

Цифры иногда обладают собственной магией. Внезапная реанимация почти забытой в мире темы исторически разделенного азербайджанского народа и на сегодня почти фантастическая возможность внезапного возникновения 30–40-миллионного Азербайджана приводят в бурное возбуждение западных, российских, армянских и других геостратегов: идет активный подсчет всех активов и пассивов этого, по своей сути «заморского проекта». «Возможно, азербайджанский локальный кризис является ключевым в перестройке всего американского “Большого Ближнего Востока” и всей вероятной иранской войны. Иранский Азербайджан – это территория с населением в 2–3 раза большим, чем в независимом Азербайджане. Любые политические трансформации в иранском Азербайджане – усиление националистического движения или, наоборот, его жесткое подавление иранцами в ходе войны не могут не вызвать политического отклика в Баку. С другой стороны, Азербайджан в случае иранской войны становится ключевым элементом военно-транспортного коридора, который свяжет войска США и НАТО в Афганистане и Средней Азии с метрополией». Прямо противоположной точки зрения придерживается азербайджанский эксперт Зардушт Ализаде: «Раздробление по этническим признакам Ирану не грозит, все эти доводы относительно того, что Иран разрушится и Южный Азербайджан объединится с Северным, совершенно беспочвенны и бессмысленны».

Второй геостратегический проект, который по источнику вбрасывания информации условно можно обозначить как российский (озвучен представителями Института стран СНГ), построен на трех положениях: Баку отказывается от вступления в НАТО, Азербайджану возвращаются семь оккупированных районов, и, «если Баку будет соблюдать правила игры и не станет раскачивать лодку на Кавказе, в будущем Москва ему может предложить Марнеульский район Грузии в обмен на Нагорный Карабах». Как говорится, комментарии излишни.

Думается, что при любых возможных зигзагах глобальной и региональной геополитики не следует впадать в крайности и начинать мыслить такими категориями, как «Великий Азербайджан» или «Азербайджан – центр Евразии». Государство сильно не размерами (иначе арабские государства уже давно победили бы Израиль), а тем, насколько проживающие здесь люди ощущают свою сопричастность к нему, т.е., говоря словами Цицерона, объединены между собой согласием в вопросах права и общностью интересов.

Выводы по сценарию

Позитивные стороны: гипотетическая возможность обеспечить фрагментарную или тотальную непрерывность этнического поля азербайджанского народа как единого этносоциального организма.

Негативные стороны: имеется угроза смены модели национального развития со светской на религиозно-фундаменталистскую, нарастания непредсказуемости и гражданских войн в стране.

Стратегия сценария: сводится к «историческому выжиданию», в результате которого Азербайджан неизбежно окажется «пристегнутым» к различным геополитическим комбинациям ведущих мировых игроков, чреватой чередой локальных конфликтов.

Сценарий 3. Интеграция Азербайджана. На сегодняшний день существуют три более или менее четких направления интеграции Азербайджана:

- евро-атлантическая (США, Европа) – Евросоюз, НАТО;
- евразийская (Россия, Китай) – ЕвразЭС, ШОС, ОДКБ;
- тюркско-исламская (Турция, Иран) – ОИК.

Евро-атлантическая интеграция для Азербайджана имеет первостепенное значение. В Концепции национальной безопасности Азербайджанской Республики (параграф 4.1.2.) прямо указы-

ваются на то, что «интеграция в европейские и евро-атлантические политические структуры, структуры безопасности, экономические и другие структуры является стратегической целью Азербайджанской Республики». Однако следует отдавать себе отчет в том, что евроинтеграция наряду с целым рядом несомненных преимуществ несет с собой также и неприемлемые ограничения национального суверенитета азербайджанского государства, в частности: примат права на самоопределение перед принципом неизменности границ; приоритет европейского законодательства перед местным; возможность появления в стране натовских военных баз.

Готовы ли к таким последствиям европейской интеграции азербайджанское государство и общество? И готовы ли европейские структуры к равноправному сотрудничеству с Азербайджаном?

Евразийская интеграция в ряде государств постсоветского пространства рассматривается как неизбежное последствие политико-экономического усиления России и Китая. Уже сегодня СМИ пестрят заголовками о «возрождении СССР» или о том, что «Китай глотает Центральную Азию». А ведь для государства выбор вектора интеграции – это исторический выбор национальной судьбы.

Тюркско-исламская интеграция прежде всего связана с активизацией в последнее время идеей тюркской солидарности и исламского братства. Надо признать, что проводимая сегодня правящими кругами Турции несколько сумбурная политика соединения обоих принципов в сочетании с внешнеполитическим курсом на «нулевой градус проблем» с соседями только порождает новые проблемы. Кризис легитимации власти в Иране также не добавляет оптимизма сторонникам этого направления интеграции в Азербайджане. Более того, становится очевидно, что и Турция и Иран под интеграционными лозунгами стремятся реализовать собственное видение перспектив региона. К примеру, при всех межгосударственных разногласиях Турция и Иран могут попытаться совместно решить свои проблемы с курдским населением за счет Азербайджана. Что из этого выйдет – это уже другой вопрос.

Выводы по сценарию

Позитивные стороны: ускорение социально-экономического развития страны, дополнительные импульсы ее модернизации.

Негативные стороны: усиление угрозы утраты этнокультурной идентичности азербайджанского народа, нарастание этно-

трансформационных процессов, в ходе которых изменяются этническое самосознание и этническая принадлежность людей.

Стратегия сценария: аккультурация государства и общества к заимствованным нормативным ценностям.

Как мы убедились, у каждого из этих основных сценариев есть наряду с позитивными сторонами и негативные аспекты. В качестве альтернативы мы предлагаем еще один сценарий, но уже нормативного типа.

Сценарий 4. Новый регионализм. Как мы уже отмечали, Кавказский регион сегодня остро нуждается в новой успешной модели региональной безопасности и политико-экономического сотрудничества. Известно, что неоднократные инициативы политиков в этой сфере терпели неудачу. Нам представляется, что в них не была заложена модель сотрудничества более высокого типа – модель совместной жизни различных народов, которые можно отнести к особой «кавказской цивилизации». Иначе говоря, нужно не пытаться прицепить свой «национальный вагончик» к «чужому поезду» глобализации (чужому по ментальности, культуре, ценностям), а попытаться сформировать свой собственный состав.

По мнению азербайджанского кавказоведа Э. Исмаилова, «в начале XXI в. принципы, формы и методы нового регионализма на Кавказе должны определяться, главным образом, исходя из совместного использования экономического потенциала стран Центрального Кавказа и Центральной Азии и их транспортно-коммуникационных сетей в системе мирохозяйственных связей. Таким образом, Центральный Кавказ, став органической частью единого целостного Центрально-Евразийского региона, сможет полноценно выполнять свою геоэкономическую функцию, что, в свою очередь, будет способствовать созданию благоприятных условий для динамичного роста экономики и народного благосостояния в странах региона». В принципе, для такого единого кавказского этносоциального организма, по мнению ряда аналитиков, многое уже имеется: «экономическое сердце-мотор» – Азербайджан; кровеносные артерии – система трубопроводов и транскавказских магистралей и т.д. Такое объединение (назовем его условно «Кавказский союз») по понятным причинам не может быть аналогом Евросоюза – скорее по своим функциональным возможностям оно было бы ближе к интеграционным союзам типа МЕРКОСУР или НАФТА. Правда, в отличие от последних одной из важнейших составляющих здесь должно стать формирование так называемого сообщества безопасности, в основе которого ле-

жит принцип взаимного доверия и несилового решения проблем. В данном контексте, как это ни парадоксально, сегодня звучат даже предложения о создании некоей южно-кавказской конфедерации государств, где будет охраняться право собственности на всей ее территории, а границы между государствами будут отменены.

Конечно, данный сценарий сегодня выглядит утопичным, поскольку негативы исторической памяти и география государственных границ на Кавказе еще долго будут влиять на настоящее и будущее населяющих его народов. Не менее «богатыми» негативом были отношения между Францией и Германией, но именно политическая воля элит этих государств легла в основу начавшейся в 1951 г. европейской интеграции. Так что нам представляется продуктивным продолжать фундаментальные и прикладные исследования на тему региональных интеграционных институтов.

* * *

Подведем некоторые итоги сказанному в данной статье. Согласно французскому геополитику Иву Лакосту, как минимум три фактора могут способствовать превращению какой-либо географической зоны в объект межгосударственного соперничества: принадлежность к системе международных обменов; наличие жизненно важных ресурсов; символическое значение некоторых мест. Нам представляется, что характеристика геополитического и геоэкономического положения современного Азербайджана полностью отвечает всем этим параметрам. Именно поэтому рассмотренные выше сценарные интерпретации не только предоставляют теоретические возможности расширить пространство для принятия политических решений, но и помогают в адекватном видении стратегических приоритетов этнополитической безопасности страны.

*«Центральная Азия и Кавказ», Лулео (Швеция),
2010 г., т. 13, вып.2, с. 101–110.*

Андрей Казанцев,

кандидат политических наук

МНГОВЕКТОРНОСТЬ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ И ГЕОПОЛИТИЧЕСКАЯ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТЬ РЕСПУБЛИК ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Центральная Азия как международный регион, включающий пять независимых государств (Казахстан, Киргизстан, Таджики-

стан, Туркменистан и Узбекистан), и, соответственно, специфическая региональная подсистема международных отношений существует с момента распада СССР в 1991 г. Тем не менее этот регион до сих пор характеризуется очень высокой степенью того, что я назвал бы «геополитической неопределенностью» с точки зрения формирования региональной идентичности, определения границ и международных институтов соответствующей региональной подсистемы. Эта неопределенность является одной из важнейших характеристик «новой Большой игры», т.е. геополитического соперничества ключевых мировых акторов за влияние в регионе после распада СССР.

В советский период центральноазиатские республики политически и экономически были отделены от внешнего мира «железным занавесом» и связаны преимущественно с другими республиками, входившими в состав СССР. После его распада достаточно быстро восстановилась традиционная пестрота и многовекторность внешнеполитических и внешнеэкономических интересов государств региона. Как тюркские, так и иранские по происхождению народы, кочевые или оседлые, много столетий живя вдоль одной из ключевых транспортных артерий мира, привыкли к многовекторности внешних ориентаций. Процесс «восстановления старых культурных, исторических, религиозных и коммерческих связей» начался уже в конце горбачёвской перестройки. В результате в настоящее время интересы центральноазиатских государств «разбросаны» не только по разным странам-партнерам, но и по ключевым районам мира (см. табл. 1).

Важно выделить следующие важные тенденции.

1. Все центральноазиатские страны проводят многовекторную политику, ориентированную на сотрудничество с как можно большим количеством партнеров. Как я покажу ниже, это вызывает необходимость членства в многочисленных международных организациях, представляющих разные регионы мира. По характеру внешней политики государства Центральной Азии четко делятся на две группы. В одну входят Казахстан и Киргизстан. Они максимально открыты для интеграции во всех возможных направлениях, охотно участвуют в работе различных международных организаций и всегда выступают за расширение интеграции в их рамках (хотя отнюдь не всегда столь же охотно соблюдают накладываемые этим ограничения). В другую группу входят Узбекистан и Туркменистан. Они предпочитают не уступать полномочия

**Внешиполитические интересы и приоритеты
стран Центральной Азии с 2006 г.**

Страна	Сферы интересов и партнеры	Внешиполитические интересы и приоритеты	Тип внешней политики
1	2	3	4
Казахстан	Экономическая сфера – Россия, Китай, постсоветские государства, США, ЕС. Военно-политическая сфера – Россия, Китай, США	<ol style="list-style-type: none"> 1. Многовекторная политика 2. Общие интеграционные проекты с Россией 3. Общие инвестиционные проекты с Китаем 4. Сотрудничество с американскими и европейскими нефтегазовыми и другими крупными сырьевыми компаниями 5. Военное сотрудничество с НАТО и США (строительство военно-морской базы в Атырау) 	Открытая внешняя политика. Сильный акцент на интеграцию
Узбекистан	Экономическая сфера – Россия, Китай, страны АТР. Военно-политическая сфера – Россия и Китай	<ol style="list-style-type: none"> 1. Трения с США и ЕС по проблемам демократизации. Игра на их геополитической конкуренции с Россией и Китаем 2. Заинтересованность во внешних инвестициях, особенно из АТР, Китая и России 3. Интерес к Китаю и России как странам, выдвигающим минимальные требования к соблюдению прав человека и демократических стандартов 4. Военная база НАТО (Германии) в Термезе 	Элементы изоляционизма. Акцент на двусторонние отношения
Киргизстан	Экономическая сфера – ЕС, Россия, Китай, США, Казахстан. Военно-политическая сфера – Россия, Китай, США	<ol style="list-style-type: none"> 1. Многовекторная политика 2. Заинтересованность в инвестициях со стороны всех возможных внешних партнеров 3. Большие миграционные потоки в Казахстан и Россию 4. Военные базы НАТО (США) и России 	Открытая внешняя политика. Сильный акцент на интеграцию

1	2	3	4
Таджикистан	Экономическая сфера – ЕС, Россия, Китай, США, Казахстан, Иран. Военно-политическая сфера – Россия, Китай, ЕС, США	1. Заинтересованность в инвестициях со стороны всех возможных внешних партнеров 2. Большие миграционные потоки в Россию и Казахстан 3. Военные базы России, НАТО (Франции), есть информация об интересе Индии к открытию военной базы в Айни	Умеренный акцент на интеграцию. Соединение элементов закрытой и открытой внешней политики
Туркменистан	Экономическая сфера – Россия, ЕС, США, Китай, Украина, Иран, Афганистан, Индия, Пакистан, Турция. Военно-политическая сфера – официально признанный ООН нейтральный статус	1. Зависимость в экспорте газа от российской инфраструктуры 2. Многовекторность газовой-экспортной политики 3. Поиск альтернативных маршрутов экспорта газа. Основные заинтересованные стороны – Китай, ЕС и США, Турция, Индия, Пакистан, Иран 4. Использование США базы Мары-2 для доставки грузов в Афганистан	Изоляционизм. Акцент на двусторонние отношения

национальных государств многосторонним международным организациям и, несмотря на членство в них, отдают приоритет двусторонним отношениям. При этом Туркменистан в последние периоды правления Туркменбаши проводил и вовсе ярко выраженную изоляционистскую политику. Ашхабад в силу официального нейтрального статуса никогда не участвовал в центрально-азиатских региональных интеграционных проектах и воздерживался от участия во многих региональных структурах, поддерживаемых внерегиональными державами, таких как Организация Договора о коллективной безопасности (ОДКБ) или Шанхайская организация сотрудничества (ШОС). Таджикистан находится где-то посередине между этими двумя группами государств, хотя в последнее время он эволюционирует скорее в сторону второй модели.

2. В разных областях (экономика, политика) у центрально-азиатских стран имеются разные ключевые партнеры. Однако ни в целом во всех сферах, ни даже в какой-то одной из них невозможно выделить доминирующего внешнего партнера. Их влияние везде сбалансировано, что позволяет центральноазиатским лидерам постоянно «играть» на противоречиях внешних сил. Например, Узбекистан после андижанских событий в своих отношениях с Китаем и Россией использовал их противоречия с США. Туркменистан же стремится «организовать» как можно большую конкуренцию среди потенциальных покупателей своего газа.

3. Постоянно происходит быстрая смена иерархии внешних партнеров. Так, Узбекистан после андижанских событий переориентировался с США в сторону преимущественного взаимодействия с Россией и Китаем. В последние годы эта страна вновь проявляет интерес к сотрудничеству с Западом. Таджикистан по мере консолидации режима Э. Рахмона все больше наращивает многовекторность своей внешней политики, уменьшая «долю» российского влияния. Позиции внешних сил в Туркменистане прямо пропорциональны основным направлениям экспорта газа. Поэтому завершение строительства газопровода в Китай уже в ближайшем будущем приведет к резкому усилению его позиций. В Киргизстане по мере консолидации власти Курманбека Бакиева усиливалось военно-политическое влияние России и Китая и ослабевало влияние Запада. Затем последовал конфликт с Россией по поводу закрытия военной базы США в аэропорту Манас и падения режима Бакиева.

В целом все описанные выше внешнеполитические интересы и приоритеты стран Центральной Азии: а) весьма неопределенны с точки зрения выбора ключевых партнеров и региона мира, на который эти страны ориентируются; б) чрезвычайно нестабильны во времени (т.е. неопределенны и в темпоральном измерении).

Неопределенность растет и за счет того, что центральноазиатские государства крайне заинтересованы в вовлечении в регион разнообразных внешних сил, которые бы позволили им решить комплексные задачи выживания и внутреннего развития. Как отмечает президент Фонда «Наследие Евразии» Е. Яценко, основной интерес центральноазиатских стран – «получение предложения, решающего весь комплекс имеющихся проблем – от экономических до цивилизационных. В свое время принадлежность к Советскому Союзу предлагала именно такое решение: защиту от внешних угроз и подавление экстремизма, доступ к технологиям и

инфраструктуре, интеграцию в союзные и международные хозяйственные связи, гарантии соблюдения интересов местных элит, гуманитарное развитие. Сегодня национальное руководство стран Центральной Азии ищет новый вариант комплексного решения, иной по сравнению с временами СССР».

Парадокс в том, что, нуждаясь во внешнем партнере, который, как это делала Россия в советские времена, сможет решать комплексные проблемы региона, центральноазиатские страны не готовы сделать выбор в пользу одного ключевого партнера, т.е. перейти к одновекторной политике. Поэтому они пытаются «втянуть» в регион как можно больше разнообразных сил.

Многовекторная внешняя политика стран Центральной Азии заключается в готовности сотрудничать с любыми партнерами (Россия, США, Китай, страны ЕС, Турция, исламские государства и т.д.), выражающими желание помочь в решении проблем региона. Однако центральноазиатские политические элиты, войдя во вкус независимости, позволяющей им монопольно распоряжаться ресурсами своих стран, пока не готовы отдать какой-то внешней силе «контрольный пакет». Более того, они зачастую используют сотрудничество с одной из крупных стран как дополнительный аргумент в пользу привлечения к себе интереса ее международных конкурентов.

Такая политика сохраняет геополитическую «размытость» региона. Ведь ключевые партнеры ищутся новыми независимыми государствами во всех возможных географических направлениях. И здесь парадокс заключается в том, что единство региона сохраняется не за счет центростремительных сил, а благодаря равновесию сил центробежных. Центральная Азия существует как отдельный международный регион только потому, что разнонаправленные внешние силы не дают друг другу окончательно растворить его в прилегающих регионах мира.

Многовекторность внешней политики новых независимых государств Центральной Азии не краткосрочное явление. Этому феномену уже почти 20 лет, и при отсутствии серьезных изменений в существующей структуре мировой политики он вряд ли исчезнет за сроки меньшие, чем десятилетия.

Важнейшей особенностью, определяющей характер многовекторной политики государств Центральной Азии, является взаимосвязь их готовности сотрудничать со всеми ключевыми мировыми игроками с распадом региональных интеграционных структур. В результате государства Центральной Азии значитель-

но активнее взаимодействуют с внерегиональными акторами (такими как Россия, Китай, страны ЕС, США, Турция и т.д.), чем друг с другом. Более того, региональные институты и организации оказываются в полной зависимости от помощи внешних спонсоров.

Новым независимым государствам Центральной Азии часто с трудом хватает ресурсов на собственное выживание. У них явно нет средств (военных, экономических, идеолого-символических) еще и на создание структур регионального порядка, которые бы полностью соответствовали их интересам. Даже относительно богатый Казахстан не имеет достаточных возможностей для помощи соседям. В результате государства Центральной Азии оказываются в серьезной зависимости от внешних сил.

Наблюдаемый в Центральной Азии распад региональных интеграционных структур при наличии ярко выраженной взаимозависимости этих государств и осознаваемой всеми необходимостью регионального сотрудничества является парадоксом постсоветской политической жизни. После распада СССР в Центральной Азии существовало множество сменявших друг друга интеграционных организаций. В этом плане регион можно считать лидером на постсоветском пространстве. Даже создание СНГ было во многом инициировано именно центральноазиатскими лидерами. Однако сотрудничество между государствами в рамках этих организаций совершенно не складывалось. Принималось огромное количество документов, которые были обречены на заведомое невыполнение. Любая страна, выдвигавшая проекты кооперации, подозревалась в своекорыстных мотивах, в попытках «обмануть» соседей. Для того чтобы какие-то проекты реализовывались, постоянно нужна была помощь внерегиональных спонсоров (прежде всего США, ЕС, Японии и России).

Понимание неэффективности деятельности региональных организаций вынуждало к постоянным их реформам, сопровождавшимся сменой названия. Однако эти «структурные перетряски» ни к чему не приводили. Следующие организации выполняли интегрирующую роль даже хуже, чем предыдущие.

В 1990 г., накануне развала СССР, в Алма-Ате руководителями республик Средней Азии и Казахстана было принято решение об интегрировании их экономик в рамках обновленного Союза и проведении согласованной хозяйственной политики. 14 августа 1991 г. на ташкентской встрече было подписано Соглашение об организации межреспубликанского Консультативного совета республик Средней Азии и Казахстана. Однако распад Советского

Союза отодвинул эти идеи в сторону. Сразу же после подписания Беловежских соглашений, означавших роспуск СССР, главы центральноазиатских республик собрались в Ашхабаде. Существовало несколько вариантов реагирования на ситуацию: выступить в пользу сохранения СССР, попытаться сформировать в своем регионе альтернативный союз, попросить о вступлении в СНГ. Победил третий вариант. 20 декабря 1991 г. лидеры 11 бывших советских республик подписали в Алма-Ате договор об образовании СНГ.

Разочарование в медленных темпах интеграции внутри СНГ постоянно оживляло идеи центральноазиатской интеграции. Начало новому этапу строительства региональной центральноазиатской организации положило подписание 29 июля 1993 г. в Алма-Ате межправительственного узбекско-казахстанского соглашения о мерах углубления экономической интеграции на 1994–2000 гг. Практически ни одно из мероприятий, предусмотренных этим соглашением, не было реализовано. Однако 16 января 1994 г. к этому документу присоединилась Киргизская Республика. В результате 30 апреля 1994 г. в г. Чолпон-Ата главы трех стран подписали Договор о создании Единого экономического пространства. Так было положено начало Центральноазиатскому союзу (ЦАС), структуры которого строились по образцу СНГ.

Центральноазиатский интеграционный процесс стал распространяться и на сферу безопасности, хотя формально взаимодействие в этой области шло в основном вне институциональных рамок ЦАС. Военно-политическое сотрудничество стран ЦАС было подкреплено подписанием Договора о вечной дружбе между Казахстаном, Киргизстаном и Узбекистаном в январе 1997 г. в Бишкеке. При финансовой и политической поддержке США и других стран НАТО в 1996 г. по образцу Балтбата (коллективных сил балтийских государств) был создан Центральноазиатский батальон (Центразбат). Период активной деятельности батальона пришелся на 1997–1999 годы. Прекращение внешнего финансирования после 1999 г. привело к тому, что Центразбат просто перестал собираться вместе. Последние учения Казахстан провел в 2000 г. в основном своими силами.

Реальная кооперация в военно-политической сфере разворачивалась в сотрудничестве с Россией. Так, в 1996–1997 гг. участники ЦАС взаимодействовали с ней в охране южных границ Таджикистана. Узбекистан и Россия были активно втянуты в конфликт в Таджикистане с самого его начала. При этом именно

поддержка этих стран привела к победе Народного фронта. В дальнейшем это сотрудничество прекратилось из-за серьезных узбекско-российских разногласий по поводу процесса национального примирения в Таджикистане, а потом из-за конфликта между руководством Таджикистана и Узбекистана. ЦАС просуществовал четыре года, с 1994 по 1998-й. Неуспешность интеграции в рамках этого союза наряду со вступлением Таджикистана в процесс регионального сотрудничества привели к его ликвидации. Новая структура была названа Центральноазиатским экономическим сообществом (ЦАЭС). Тем не менее из-за обострения проблем в области безопасности и глобального кризиса развивающихся рынков практические результаты деятельности этой организации были незначительны.

Ситуация в Центральной Азии резко менялась после 11 сентября 2001 г. Американское военное присутствие в регионе привело к активизации идей интеграции Центральной Азии без участия России. Большую роль в этом сыграли заманчивые обещания по оказанию помощи от США, которые получили центральноазиатские страны (например, только Узбекистану, по данным, фигурировавшим в прессе, было обещано до 8 млрд. долл.).

По инициативе президента Узбекистана Ислама Каримова договоренность об очередном преобразовании центральноазиатской интеграционной структуры была достигнута в ходе прошедшего 27–28 декабря 2001 г. Ташкентского саммита президентов Узбекистана, Казахстана, Киргизстана и Таджикистана. Договор об учреждении взамен ЦАЭС Организации «Центрально-Азиатское сотрудничество» (ОЦАС) был подписан 28 февраля 2002 г. в Алма-Ате. Западная помощь странам ОЦАС так и не материализовалась, так как США и их союзники были полностью поглощены ситуацией в Афганистане, а затем в Ираке. Разочарование в возможности помощи Запада неизбежно привело к активизации роли России и Китая. Вопрос о вступлении Российской Федерации в ОЦАС обсуждался уже на саммите организации в Астане в мае 2004 г. 18 октября 2004 г. в ходе Душанбинского саммита было объявлено о предстоящем вступлении России в ОЦАС. Согласно заявлению официального представителя МИД России основные задачи вступления РФ в ОЦАС были связаны с проблематикой безопасности.

Однако дни ОЦАС были сочтены. После «революции тюльпанов» в Киргизстане к власти пришло правительство Курманбека Бакиева, которое первоначально в большей мере, чем ад-

министрация Аскара Акаева, склонялось к сотрудничеству с Россией и Китаем. Решающий удар по центральноазиатской интеграции нанесли события в Андижане. После кровавого подавления антиправительственных выступлений в этом городе руководство Узбекистана было вынуждено почти полностью порвать отношения с США и резко сблизиться с Россией. Узбекистан вступил в Евразийское экономическое сообщество (ЕврАзЭС) и затем в ОДКБ. Возникла ситуация полностью перекреживавшегося членства. В результате 6 октября 2005 г. было решено объединить ОЦАС с ЕврАзЭС. Таким образом, специфическая центральноазиатская интеграционная структура исчезла.

Невозможность центральноазиатских стран сорганизоваться создает «вакуум» внутри региона, который оказывается лишенным собственной структуры регионального порядка. Это, в свою очередь, «притягивает» к нему глобальных игроков и приводит к росту геополитической неопределенности в регионе. Провал всех попыток внутрирегиональной интеграции в сочетании с давними традициями многовекторных международных связей региона Великого шелкового пути привели к тому, что в Центральной Азии активно работает большое количество международных межгосударственных региональных организаций, поддерживаемых ключевыми акторами современной мировой политики (Россия, США, Китай, государства ЕС и т.д.).

Перечислю прежде всего представленные в Центральной Азии международные региональные организации постсоветского пространства, поддерживаемые Россией.

1. Содружество Независимых Государств (СНГ). Создано 8 декабря 1991 г. для регулирования отношений сотрудничества между странами, ранее входившими в состав СССР. В СНГ в настоящее время присутствуют четыре страны Центральной Азии (кроме Туркменистана, который в 2005 г. вышел из действительных членов СНГ и стал наблюдателем).

2. Евразийское экономическое сообщество (ЕврАзЭС) – международная экономическая организация ряда постсоветских государств, образованная в мае 2001 г. Занимается формированием общих внешних таможенных границ, выработкой единой внешнеэкономической политики с целью создания в перспективе общего рынка. Включает пять членов, среди которых три центральноазиатские страны (Казахстан, Киргизстан, Таджикистан). В 2005 г. ЕврАзЭС было объединено с ОЦАС. После этого в 2006 г. в ЕврАзЭС

вступил Узбекистан. Однако в ноябре 2008 г. он заявил о приостановлении своего членства и намерении покинуть организацию.

3. Организация Договора о коллективной безопасности (ОДКБ). Создана на основе Договора о коллективной безопасности (ДКБ) СНГ 7 октября 2002 г. Цель – военно-политическое сотрудничество, взаимопомощь в обеспечении национальной безопасности. В настоящее время в организации семь членов, включая все центральноазиатские страны за исключением Туркменистана. Первоначальными участниками из Центральной Азии были Казахстан, Киргизстан, Таджикистан. Узбекистан вернулся в ОДКБ в 2006 г. (до этого он отказался продлить членство в ДКБ СНГ в 1998 г.). Однако реальное сотрудничество Узбекистана с этой организацией очень ограничено.

4. Шанхайская организация сотрудничества (ШОС) (см. ниже) среди азиатско-тихоокеанских организаций.

Теперь обратимся к анализу членства центральноазиатских государств в региональных организациях АТР. Азиатско-тихоокеанское направление притяжения центральноазиатских стран пока в организационном плане достаточно слабо относительно трех остальных векторов (тем более что оно нечетко дифференцировано, так как в ШОС входит Россия, а в Азиатский банк развития – Индия и ряд западных стран). Тем не менее оно имеет серьезные перспективы, связанные с неизбежным усилением политико-экономического влияния Китая в Центральной Азии и ростом экономического сотрудничества между центральноазиатскими и азиатско-тихоокеанскими странами.

Шанхайская организация сотрудничества (ШОС). Первоначально существовала в виде «Шанхайской пятерки», созданной в результате подписания в 1996–1997 гг. между Китаем, Россией, Казахстаном, Киргизстаном и Таджикистаном соглашений об укреплении доверия в военной области и о взаимном сокращении вооруженных сил в районе границы. 15 июня 2001 г., после включения Узбекистана, ШОС была конституирована как региональная международная организация. В настоящее время в ШОС входят все центральноазиатские страны, кроме Туркменистана. Лидерами организации являются Китай и Россия, несущие основную долю издержек по ее финансированию. Штаб-квартира ШОС расположена в Пекине, рабочие языки – русский и китайский. Первоначально приоритет в рамках организации отдавался сотрудничеству в сфере безопасности, включая борьбу с терроризмом, наркобизнесом и т.д. Постепенно на первый план стали выходить торгово-

экономическое взаимодействие и интеграция, в том числе в области энергетики.

Азиатский банк развития (АБР). Создан 19 декабря 1966 г. с целью развития региональной кооперации. Насчитывает 48 региональных членов, включая таких основных спонсоров, как Индия, Китай и Япония. Все пять центральноазиатских государств являются членами АБР.

Центральноазиатское региональное экономическое сотрудничество (ЦАРЭС). Эта программа была инициирована АБР в 1997 г. для реализации в Центральной Азии проектов в области энергетики, транспорта и торговли. Она была поддержана другими международными донорами: АБР, ЕБРР, МВФ, Исламским банком развития, ПРООН и Всемирным банком. В ЦАРЭС участвуют Азербайджан, Афганистан, Казахстан, Киргизстан, Китай, Монголия, Таджикистан и Узбекистан.

Далее рассмотрим участие центральноазиатских стран в международных исламских организациях. Сразу же после получения независимости новые государства Центральной Азии начали подчеркивать свою исламскую идентичность. Результатом стало интенсивное взаимодействие с другими мусульманскими странами и активное членство в международных исламских организациях всех центральноазиатских государств, даже обычно воздерживающегося от участия в межгосударственных структурах Туркменистана.

Организация Исламская конференция (ОИК) – «исламская ООН», создана в 1969 г. на Конференции глав мусульманских государств в Рабате с целью обеспечения исламской солидарности в социальной, экономической и политической сферах, борьбы против колониализма, неоколониализма, расизма и поддержки Организации освобождения Палестины в борьбе с Израилем. Включает все пять центральноазиатских государств.

Исламский банк развития (ИБР) – исламский аналог Всемирного банка. Создан 15 декабря 1973 г. с целью финансирования проектов экономического и социального развития исламских стран. Включает более 50 членов, среди которых пять центральноазиатских государств.

Организация экономического сотрудничества (ЭКО). Создана 27–29 января 1985 г. (все центральноазиатские страны, кроме Казахстана, вступили в нее в феврале 1992 г. на саммите в Тегеране). Цель – региональная интеграция, сотрудничество исламских стран региона в развитии торговли, транспорта, коммуникаций,

туризма, а также расширение культурных связей. В настоящее время включает десять членов, среди которых пять центральноазиатских государств, Азербайджан, Иран, Пакистан, Турция, Афганистан.

Наконец, одним из важнейших геополитических «векторов» политики центральноазиатских государств являются их институционально-организационные связи с Европой и евроатлантическим пространством. Центральная Азия долго не воспринималась странами Европы как сфера своих жизненных интересов. Тем не менее центральноазиатские государства сразу же после образования оказались в трех перечисленных ниже европейских организациях в качестве наследниц СССР.

Европейский банк реконструкции и развития (ЕБРР). Образован 15 апреля 1991 г. с целью содействия становлению рыночной экономики в постсоциалистических государствах. Включает 63 члена, среди которых пять центральноазиатских государств.

Организация по сотрудничеству и безопасности в Европе (ОБСЕ) – крупнейшая в мире региональная организация, занимающаяся вопросами безопасности. Создана 1 января 1995 г. Включает 56 членов, среди которых все бывшие советские республики. Казахстан председательствовал в ОБСЕ в 2010 г.

Совет евро-атлантического партнерства (СЕАП) – организация, аффилированная с НАТО. Цель – обсуждение взаимодействия в военно-политической сфере. Создана 8 ноября 1991 г. Включает 50 членов, среди которых пять центральноазиатских государств (хотя степень сотрудничества с СЕАП у них весьма различна, варьируя от чисто номинального членства у Туркменистана и Таджикистана до реального сотрудничества у Казахстана и Киргизстана).

Постепенное расширение НАТО и ЕС на Восток и осознание целого ряда общих с Центральной Азией проблем, связанных с борьбой с новыми угрозами безопасности (терроризм и религиозный экстремизм, наркотрафик) и с поставками энергоносителей, активизировали различные институционализованные формы взаимодействия в военной, экономической и гуманитарных сферах. Их условно можно назвать «вторым поколением» институционально-организационных связей. Формально в этих структурах участвуют все страны региона. Однако в реальности эти связи очень нестабильны, а некоторые государства (например, Туркменистан) имеют лишь номинальное членство.

«Партнерство ради мира» (ПМ) НАТО. Программа и соответствующая организационная структура были созданы в январе 1994 г. с целью расширения военно-политического сотрудничества в Европе, распространения принципов демократии, в том числе как способ постепенной подготовки к расширению Североатлантического альянса. Программа объединяет 23 страны, включая все центральноазиатские государства.

ЕС также стал постепенно формировать в Центральной Азии организационно-институциональную среду, облегчающую взаимодействие. С этой целью использовался как формат двусторонних договоренностей о партнерстве и сотрудничестве, так и различные программы содействия. Последние стали способом распространения в регионе огромной «мягкой силы» ЕС. Программа «Восточное партнерство» в настоящее время ограничивается регионом Южного Кавказа, однако есть вероятность, что со временем она будет расширена и на Центральную Азию.

Итак, попробуем обобщить приведенные выше данные о том, с кем и по каким направлениям интегрируются государства Центральной Азии, в виде таблицы.

Таблица 2

Международные организации и геополитические векторы политики государств

	Политическая интеграция	Экономическая интеграция	Военно-политическая интеграция
Россия и постсоветское пространство	СНГ	ЕврАзЭС, ШОС	ОДКБ, ШОС
ЕС	ОБСЕ, СЕАП	ЕБРР, соглашения с ЕС о партнерстве и сотрудничестве, программы помощи ЕС	СЕАП, ПМ и индивидуальные программы партнерства с НАТО
АТР и Китай	ШОС	ШОС, АБР, ЦАРЭС	ШОС
Исламский мир	ОИК	ЭКО, ИБР	Нет

Исключения, касающиеся, например, особых позиций Туркменистана и Узбекистана, перечислены выше, поэтому речь будет идти о тех региональных организациях или институционализованных формах сотрудничества, в которых представлено большинство стран региона. Из таблицы видно, что центральноазиат-

ские страны интегрируются сразу в четырех направлениях, а сам регион является зоной «экспансии» четырех соседних структур регионального порядка.

Многовекторная политика является классической для многих государств мира, недавно обретших независимость. Эта политика была оформлена на международном уровне в рамках Движения неприсоединения. За счет нее молодые государства дистанцировались от основных центров силы биполярного мира – США и СССР, одновременно получая помощь с двух сторон. В Афганистане до апрельского переворота 1978 г., при правлении короля Захир Шаха и президента Дауда, эту политику описывали как «прикуривание американских сигарет русскими спичками». Многовекторную политику в настоящее время проводят и многие крупные державы, например Россия. Такая политика при всей ее привлекательности неизбежно содержит в себе структурную проблему в виде высокой неопределенности. В случае, если интеграция идет сразу по нескольким векторам, возникает угроза принятия противоречащих друг другу обязательств, которую очень трудно избежать. В самом деле, как государство А может интегрироваться одновременно с группами государств Б и В, если эти группы государств между собой не интегрируются?

В результате многовекторной политики одного государства возникают серьезные моменты неопределенности в отношениях между другими государствами. Многовекторные политики центральноазиатских государств приводят к тому, что параллельно существуют разные проекты и структуры, предназначенные для решения одних и тех же проблем. Их создатели не только не сотрудничают между собой, но часто вообще друг друга не замечают. Средства внешних спонсоров расходуются неэффективно, а подлинно глобальные проблемы, проявляющиеся на региональном уровне, не решаются.

В Центральной Азии для борьбы с одними и теми же глобальными угрозами (терроризм, экстремизм, проблемы «несостоявшихся государств», наркоторговля) развернуты три крупные военные машины (ОДКБ, ШОС и НАТО). Однако между ОДКБ и ШОС гармоничные отношения только начали устанавливаться в последнее время, а между НАТО и двумя вышперечисленными организациями вообще никаких отношений нет. В результате проблемы региона не только не решаются, но, напротив, усиливаются благодаря постоянно маячащей на горизонте угрозе противостояния крупных внешних сил.

В области экономики центральноазиатские страны участвуют сразу в целой серии региональных торгово-интеграционных организаций постсоветского пространства (ЕврАзЭС, ШОС), исламских стран (ЭКО), а также связывающих их с Китаем (ШОС) и другими странами АТР (АБР). Перспективными являются и программы социально-экономического сотрудничества с ЕС. В результате образуется беспорядочно перемешанная система экономических обязательств, которую доклад Азиатского банка развития уподобил «чашке со спагетти». Поскольку интеграционные обязательства внутри вышеперечисленных структур часто взаимоисключающие, то центральноазиатские страны при всем желании не смогли бы их придерживаться.

Неопределенность в Центральной Азии чрезвычайно сильна даже по сравнению с иными проблемными регионами мира. Большинство из них (кроме Балкан, Кавказа и некоторых частей Африки) не характеризуется столь серьезными внутренними противоречиями и различиями. Центральная Азия как один из самых молодых в мире международных регионов все еще находится в процессе становления своей институциональной структуры, системы международных организаций, в поиске культурно-политической идентичности.

Пожалуй, нет другого региона, которому бы мощные внешние силы предложили так много вариантов развития. Центральная Азия – рекордсмен по количеству противоречащих друг другу интеграционных проектов. Несмотря на то что регион характеризуется уникальной комбинацией вызовов и угроз разного уровня, конкуренция внешних сил и отсутствие кооперации между самими центральноазиатскими странами уничтожают существенную часть потенциала международного сотрудничества в деле нейтрализации этих угроз.

Интересы центральноазиатских государств с момента обретения ими самостоятельности связывают их одновременно с постсоветским пространством или Центральной Азией, евроатлантическим пространством АТР и Китаем, исламским миром. Соответствующие конкурирующие геополитические векторы поддерживаются ключевыми акторами мировой политики (Россия, США, государства ЕС, Китай и т.д.). «Размытость» региона между четырьмя геополитическими векторами возникает за счет многовекторной политики центральноазиатских стран.

Государства Центральной Азии значительно больше сотрудничают с внерегиональными акторами, чем друг с другом, что

привело к распаду региональных интеграционных структур. Единство недавно возникшего международного региона сохраняется не в результате действия центростремительных сил, а за счет определенного равновесия сил центробежных.

Многовекторная политика при всей ее привлекательности для государств, недавно обретших независимость, неизбежно содержит в себе структурную проблему в виде высокой неопределенности. В Центральной Азии параллельно существует множество поддерживаемых внешними силами проектов и структур, предназначенных для решения одних и тех же проблем. Средства внешних спонсоров в результате расходуются недостаточно эффективно, а глобальные проблемы, возникающие в рамках региона, не решаются.

Представленная выше перспектива основана на подходе к геополитическим проблемам постсоветского пространства, который сформулирован в ряде работ автора данной статьи. Такой подход, в частности, позволяет сформулировать гипотезу о геополитической специфике постсоветского пространства, связанной с постепенным увеличением степени геополитической неопределенности в более восточных регионах по сравнению с более западными. При этом неопределенность достигает своего максимума именно в регионе Центральной Азии.

Так, страны Балтии являются членами ЕС и НАТО, органической частью Европы и евро-атлантического пространства. Европейские страны СНГ представляют собой объект борьбы за влияние между Россией и ЕС, Россией и Западом. Соответственно, в этой зоне постсоветского пространства разворачивается конкуренция между структурой регионального порядка, сформировавшейся в Центральной Евразии вокруг России, и теми структурами, которые образуют на своей ближайшей периферии ЕС (особенно в рамках «Восточного партнерства») и НАТО. Это создает геополитическую неопределенность и связанный с ней конфликтный потенциал. На Кавказе геополитическая неопределенность увеличивается за счет исламского фактора. В Центральной Азии к этому прибавляется влияние Китая и других государств АТР. Учет фактора геополитической неопределенности чрезвычайно важен для анализа процессов, разворачивающихся на постсоветском пространстве, для поиска путей нейтрализации международных противоречий и конфликтов.

*«Вестник Института Кеннана в России»,
М., 2011 г., вып. 14, с 19–30.*

Елена Ионова,
кандидат исторических наук
**ИТОГИ ПРЕЗИДЕНТСКИХ ВЫБОРОВ
В КАЗАХСТАНЕ**

В апреле 2011 г. в Казахстане состоялись досрочные президентские выборы, на которых ожидаемую и убедительную победу одержал Н. Назарбаев. В выборах приняло участие, по официальным данным, 89,9% электората, 95,5% голосов избирателей было отдано действующему президенту. Это не оставило шансов трем другим кандидатам – Ж. Ахметбекову, выдвинутому Коммунистической партией РК, лидеру партии патриотов Г. Касымову и руководителю экологического союза «Табигат» М. Елеусизову. Оппозиционные партии, считая победу Н. Назарбаева предрешенной, отказались от участия в выборах.

Итог выборов был закономерен – с именем Назарбаева, беспрерывно занимающего пост президента почти 20 лет, связаны быстрый рост экономического потенциала Казахстана и упрочение его международных позиций. За этот период объем ВВП республики вырос в 13 раз, за последние десять лет доля населения с доходами ниже прожиточного минимума сократилась в 4 раза. По свидетельству директора КИСИ Б. Султанова, согласно социологическим опросам в предвыборный период, рейтинг доверия к президенту у населения колебался от 77% в Мангистауской области до 95% в Северо-Казахстанской, хотя при этом лишь немногим более половины (56%) опрошенных положительно оценивали работу правительства. С начала 2011 г. в республике шло активное обсуждение вопроса о референдуме по продлению полномочий действующего президента до 2020 г. Однако в конечном итоге Назарбаев отказался от этой идеи, по собственному его признанию, не желая «создавать прецедент, который бы создавал неверные ориентиры для будущих поколений политиков», а также возможного негативного международного резонанса, и принял решение о проведении президентских выборов за два года до истечения своих полномочий.

В среде казахстанских политологов нет единого мнения о причинах такого решения. Некоторые наблюдатели называют среди них опасение «цветных революций», стремление опередить события, которые могут произойти в результате нового экономического кризиса, и даже желание некоторых «элитариев» из окружения президента при поддержке извне побороться за прези-

дентский пост. Однако независимо от того, какие мотивы лежали в основе решения Назарбаева о досрочных выборах, момент для их проведения был выбран удачно. Республике в целом удалось преодолеть наиболее тяжелые экономические последствия экономического кризиса и по итогам 2010 г. выйти на макроэкономические показатели, превысившие прогнозные оценки. В частности, ВВП страны вырос на 7% и в расчете на душу населения достиг 9 тыс. долл. При этом в истекшем году качественно улучшилась структура экономического роста казахстанской экономики. Его локомотивом традиционно был добывающий сектор, а по итогам 2010 г. в лидеры вышла обрабатывающая промышленность, более чем в три раза обогнавшая по темпам роста горнодобывающую отрасль (18,4% против 5,3%). В целом, промышленное производство увеличилось на 10%.

Уровень безработицы снизился в республике к концу 2010 г. до 5,5%, а среднедушевые денежные пособия населения в реальном выражении выросли на 6,3%, заработная плата – на 7,5%. Хотя инфляция оставалась на высоком уровне (7,8% в годовом исчислении), она не вышла за рамки прогнозируемых 8%. Борьба с инфляцией стала одним из главных приоритетов в деятельности Правительства РК в текущем году (в январе был зафиксирован самый высокий за последние десять лет ежемесячный показатель – 1,7%, при этом наиболее быстрыми темпами росли цены на продукты питания). Благодаря предпринятым правительством антикризисным мерам, заметно улучшилась ситуация в финансовом секторе страны. В частности, проведенная в 2010 г. реструктуризация внешнего долга банков привела к сокращению их внешней задолженности на 40% – до 16,6 млрд. долл. Золотовалютные резервы Нацбанка к концу года увеличились на 22,5% и составили 28,3 млрд. долл., а совокупные международные резервы страны, включая активы Национального фонда, – 59 млрд. долл.

Значительно упрочились позиции Казахстана на международной арене. Как известно, в 2010 г. Казахстан председательствовал в ОБСЕ и добился созыва в Астане в декабре истекшего года впервые за последние 11 лет саммита этой организации. С июня 2011 г. республика займет пост председателя Совета министров иностранных дел в Организации Исламская конференция, которая объединяет 57 стран мира. В силу сложившихся геополитических условий Казахстан, как и другие центральноазиатские страны, вынужден проводить многовекторную политику, однако, в отличие от них, его внешнеполитический курс отличается стабильностью и

устойчивостью приоритетов. Свидетельством тому стало создание совместно с Россией и Белоруссией Таможенного союза.

Для правящей элиты проведение досрочных выборов, закрепляющих ее позиции, было весьма своевременным в свете революций в исламских странах Северной Африки и Ближнего Востока. В условиях, когда массовые беспорядки охватили арабские страны как с низким, так и с высоким уровнем жизни, характерным для стран – экспортеров энергетических ресурсов, Астане важно было продемонстрировать мировому сообществу сплоченность казахстанского общества и принципиальное отличие социально-экономического положения в Казахстане от ситуации в этих странах. Особый акцент Н. Назарбаев делает на выдвинутый им принцип «демократизация через экономический рост», который предполагает, что основу каждого успешного государства составляет сильная экономика. На реализацию этого принципа направлена новая экономическая политика Казахстана, который извлек уроки из мирового кризиса и приступил к осуществлению планов по повышению конкурентоспособности национальной экономики и отходу от доминирования в ней экспортоориентированного сырьевого сектора.

С этой целью в 2010 г. в Казахстане началась реализация программы форсированного индустриально-инновационного развития (ФИИР), в рамках которой были введены в эксплуатацию 152 объекта на сумму более 801,8 млрд. тенге (их вклад в ВВП оценивается на уровне 2,2%). Всего до 2014 г. планируется реализовать 294 инвестиционных проекта на сумму 8,1 трлн. тенге. В программу заложены такие целевые индикаторы, как увеличение ВВП в реальном выражении на 15% к уровню 2008 г., увеличение доли обрабатывающей промышленности в структуре ВВП до уровня не менее 12,5%, доли несырьевого экспорта в его общем объеме – не менее чем до 40%, повышение производительности труда в обрабатывающей промышленности в 1,5 раза. Конечной целью должно стать формирование инновационной системы, обеспечивающей создание конкурентоспособного конечного продукта на основе использования национального научного потенциала и технологий.

Победа Н. Назарбаева на выборах обеспечила возможность продолжить проводимый курс на укрепление экономики страны за счет модернизации и внедрения инноваций. Сейчас в республике проводится большая работа по разработке и осуществлению инновационных проектов. В частности, в 2010 г. помимо ФИИР всту-

пила в действие программа «Дорожная карта бизнеса-2020», направленная на поддержку средних и малых предприятий, в рамках которой было одобрено 225 проектов. Программа построена на принципе государственного субсидирования ставок по кредитам бизнес-структурам, предоставляемым на развитие и модернизацию производств в приоритетных сферах экономики.

В результате реализации этих двух программ в республике в истекшем году было создано более 156 тыс. рабочих мест. Однако «ахиллесовой пятой» инновационного развития в Казахстане является отставание научно-технической базы. Среди факторов, тормозящих ее рост, казахстанские эксперты выделяют низкий уровень расходов на научные исследования и разработки относительно ВВП, высокую изношенность материально-технической базы научных организаций, дефицит научных кадров, их старение, неразвитость рынка интеллектуальных продуктов, отсутствие эффективной системы внедрения результатов научных исследований в производственную сферу.

В Астане особое значение придают техническому переоснащению производственной базы и созданию необходимых условий для внедрения инноваций, включая подготовку кадров, способных эффективно осуществлять модернизацию. По данным аудита, в большинстве случаев ключевым фактором низкой конкурентоспособности является даже не устаревшее оборудование, а неэффективная деятельность управленческого звена.

Программа «Производительность-2020» предполагает усиление государственного участия в решении проблем технологического обновления и подготовки специалистов в наиболее важных сферах экономики. Государство будет возмещать часть затрат предприятий (до 30%, но не более 100 млн. тенге) на закупку новых технологий. Другим инструментом государственной поддержки процессов модернизации предприятий станет долгосрочное лизинговое финансирование сроком на десять лет при условии покрытия предприятием собственными средствами не менее 15% от общей стоимости лизинга. Кроме того, государство берет на себя часть расходов по оплате труда высококвалифицированных специалистов, привлекаемых с целью оптимизации производственных процессов, а также собирается софинансировать консалтинг по внедрению передовых управленческих технологий. На эту программу в 2011 г. из госбюджета должно пойти около 20 млрд. тенге, еще 14 млрд. должны быть выделены за счет институтов развития и собственных средств компаний.

Для того чтобы получить государственную поддержку, предприятиям необходимо разработать индивидуальный план и пройти его экспертизу в государственных органах. Участниками программы могут стать только те компании, которые имеют четко сформулированную стратегию развития, отвечающую требованиям модернизации. При этом по ходу реализации программы государственные органы должны вести мониторинг ситуации на предприятиях в области изменения производительности труда, энергоемкости и внедрения инноваций.

Связывая проблему модернизации с необходимостью качественного улучшения человеческого капитала, руководство Казахстана намерено особое внимание уделить повышению уровня образования кадров. В целом, на нужды образования в республике тратится около 17% бюджета, или 4% от ВВП. В текущем году упор делается на расширение системы профтехобразования, которое должно облегчить молодежи поиск социально значимых профессий. Вместе с тем намечено продолжить реализацию проектов в области школьного и высшего образования. В стране уже построено более 650 общеобразовательных школ, по инициативе Назарбаева утверждена программа «Балаган», которая должна охватить всех детей дошкольным образованием.

Одновременно в республике расширяется подготовка интеллектуальной элиты. Этой цели, в частности, служат программы раннего выявления одаренных детей. Создаются так называемые «интеллектуальные школы» для одаренных детей с углубленным изучением естественно-математических дисциплин и широким применением современных информационных технологий. Эталоном в области высшего образования считается в республике «Университет Назарбаева», сочетающий обучение и науку. Созданные при университете научные центры призваны играть ведущую роль в области инновационных исследований. Все студенты университета обязаны в совершенстве знать три языка – казахский, русский и английский. По окончании вуза каждый его выпускник должен быть трудоустроен с учетом максимальной отдачи для страны. В перспективе в нем будут обучаться 4 тыс. студентов.

Важнейшей составляющей государственной политики, направленной на повышение качества жизни населения, является здравоохранение. В 2010 г. в республике начала действовать Единая национальная система здравоохранения, одним из итогов введения которой стала организация высококвалифицированной медицинской помощи в регионах. В частности, на местах теперь

применяется 38 хирургических технологий, которые ранее использовались только в республиканских клиниках. С тем чтобы сократить дефицит врачей, составляющий около 4,7 тыс. человек, увеличен прием в медицинские вузы по государственному заказу, установлена 30%-ная квота на подготовку медицинских специалистов при условии их обязательной работы в течение трех лет после окончания вуза в сельской местности.

Меры по повышению качества жизни населения должны обеспечить к 2020 г. рост средней продолжительности жизни с нынешних 68,6 до 72 лет, а также снижение в два раза материнской и детской смертности, общее улучшение демографической ситуации. Планируется, что численность населения страны приблизится к этому времени к 18 млн. человек (в начале текущего года она составляла 16,4 млн. человек). В целом, несмотря на сложности кризисного периода, расходы на образование, здравоохранение и социальное обеспечение, по официальным данным, имеют положительную динамику и составили к концу 2010 г. 10,4% ВВП. К числу основных приоритетов на 2011 г., помимо образования и здравоохранения, правительство относит обеспечение стабильной занятости и рост доходов населения. В частности, в текущем году пенсии, стипендии и заработная плата работников бюджетной сферы должна повыситься на 30%. Кроме того, государство намерено стимулировать экономическую активность граждан, оказывая помощь в организации собственного бизнеса. С этой целью предполагается использовать микрокредитование на возвратной основе (сроком на пять лет и на сумму не более 3 млн. тенге). Государство при этом обещает бесплатно оказывать консультативные услуги и обучать основам предпринимательства. Около 20 тыс. новых рабочих мест на селе должна обеспечить программа предоставления кредитов предпринимателям в области мясного животноводства (на нее отпущено около 130 млн. тенге бюджетных средств). Реализация этой программы, как считают в Правительстве РК, поможет повысить снизившийся за последние годы уровень животноводства и увеличить к 2016 г. экспорт мяса до 60 млн. т.

Благодаря мерам социальной поддержки населения правительство планирует снизить уровень бедности с 8,2 до 6%. В целом, как считают в Астане, эффективная социальная политика государства должна стать главным фактором обеспечения стабильности в стране. Сравнивая ситуацию в Казахстане и в арабских странах, охваченных революциями, руководитель КИСИ

Б. Султанов отмечает, что там «волнения продемонстрировали несостоятельность действующих властей в решении острых внутриполитических и социально-экономических проблем». В частности, он отметил крайне высокий уровень безработицы в этих странах, особенно среди молодежи, а также неспособность властей справиться со стремительным демографическим ростом. По мнению ректора Университета «Туран» Р. Алшанова, казахстанское государство определило новую социальную политику, суть которой заключается в том, чтобы «не просто социально поддерживать и распределять деньги, а давать средства на развитие собственного дела, тем самым обеспечивая людей работой».

*«Россия и новые государства Евразии»,
М., 2011 г., № 2, с. 82–88.*

Жылдыз Урманбетова,
доктор философских наук
(Киргизско-российский славянский университет,
Киргизско-турецкий университет «Манас»)
(Киргизстан)

КИРГИЗСТАН: ВЗГЛЯД В НАСТОЯЩЕЕ И БУДУЩЕЕ

Анализ социально-политической ситуации, сложившейся в Киргизской Республике (КР), позволяет говорить о кризисе идеи демократического мира во всем Центрально-Азиатском регионе. С момента обретения Киргизстаном суверенитета и провозглашения демократического государства прошло почти два десятилетия, которые наглядно иллюстрируют «опыт» строительства демократии: за последние пять лет произошли две революции и неоднократно изменялась Конституция страны. При подведении подобных промежуточных результатов возникает закономерный вопрос: имеет ли смысл рисковать и дальше, не грозит ли это полной потерей государственности?

В Киргизстане развитие демократии теоретически было разделено на определенные этапы, каждый из которых представлял собой определенный скачок (прорыв) в углублении демократических процессов. В первые годы после обретения суверенитета государствами Центральной Азии (ЦА) чрезвычайно популярной стала транзитология, описывающая процесс перехода к состоянию стабильного демократического государства с самоподдерживаю-

щейся структурой. Теории переходного общества являлись детищем западных политологов и социологов и предполагали применение рычагов продвижения демократии, принятых на Западе.

К примеру, З. Бжезинский в качестве частного примера внедрения демократических норм и механизмов развития «расписал» сценарий для ЦА (для каждой страны в отдельности), определив их перспективы как среднеуровневые, т.е. 50:50; однако западные социологи и политологи, оперируя исключительно западными критериями, «споткнулись» на региональном контексте. Долгое время ученые Киргизстана обсуждали один вопрос: насколько соответствуют происходящие в республике процессы основным критериям демократии; за основу принимался западный образец. В конце концов после скрупулезного анализа проводимых реформ многие из них пришли к выводу о невозможности механически переносить существующие стандарты демократии на общества иного типа, так как это может вызвать отторжение чуждых данному обществу нововведений. Таким образом, оказалось, что теорию переходного общества, определяющую одинаковые стандарты вне зависимости от региональных и культурно-исторических особенностей государств, ни в коем случае не следует считать универсальной.

В первые годы после обретения суверенитета Киргизстан стал «правофланговым» среди государств ЦА, строящих демократию: в республике была введена национальная валюта, она одной из первых на всем постсоветском пространстве вступила во Всемирную торговую организацию (ВТО). Все это свидетельствовало, что КР своевременно отреагировала на углубление рыночной системы хозяйства, являющейся важнейшей экономической характеристикой демократического общества. Кроме того, на фоне других республик ЦА, тяготеющих к утверждению жесткой авторитарной власти, наличие в КР относительно независимой оппозиции свидетельствовало о политической демократичности киргизского общества.

Однако «демократичность» суверенного Киргизстана привела к двум переворотам, отбросившим республику в социально-экономическом плане на много лет назад и «отпугнувшим» инвесторов и любителей восточной экзотики; практически разрушенная страна стремительно теряет свою государственность. Кроме того, нарушен один из критериев эффективного государственного устройства – безопасность, так что национальная независимость и

суверенитет находятся под угрозой. Что же вызвало столь стремительное падение демократически настроенной республики?

Основополагающим фактором, приведшим страну к трагедии и повергшим ее в пучину противоречий и конфликтов, является, на мой взгляд, механическое перенесение элементов демократии западного образца на совершенно неподходящую для них почву. В силу своеобразия менталитета, особенностей политического сознания и социальной памяти понимание демократии в киргизском обществе носило специфический характер, который никоим образом не совпадал с западным типом мышления, воспринимающим наличие демократических ценностей как одно из главных условий существования общества.

Для народов ЦА, и в частности для киргизов, на протяжении веков была характерна сакрализация власти, которая выражалась в почитании аксакалов (старейшин); родовые признаки политического сознания оказались достаточно сильны и стабильны на уровне подсознания, что поспособствовало яркому проявлению трайбализма в современной политике и вызвало новый виток «демократической сакрализации» власти. Вышеуказанные традиции, несмотря на все попытки социалистического режима их искоренить, в полную силу заявили о себе после обретения страной суверенитета. При этом ни одна из новоявленных политических элит не смогла стать общенациональной.

Следует отметить, что именно на элиты ложится ответственность за проведение важных исторических преобразований в обществе. Американские социологи и футурологи О. Тоффлер и Х. Тоффлер утверждали, что понятие «груза ответственности» является решающим в любом понимании демократии и на уровне элиты необходимо формирование новых отношений, исходя из приоритета идеи стабильности и целостности общества. Нестандартное, далекое от общепринятого восприятие и понимание демократии было характерно как для самого народа, так и для политического истеблишмента, причем первый под демократией нередко понимал вседозволенность во всем (демократия в обыденном сознании – это только власть большинства, что означает возможность и необходимость осуществления этой власти, исходя из понимания массы; как следствие – народные бунты, продемонстрировавшие свою пусть и неорганизованную, но весьма значительную силу), а второй произвел на свет «демократическое» управление центральноазиатского образца (и, в частности, его киргизского толка).

Издавна бытует мнение, что киргизы – народ свободолюбивый и, при необходимости, героический. Однако в рамки этого утверждения никак не укладываются варварские бунты, периодически возникающие в стране, чьи правители предают свой народ, спасаясь бегством.

Пытаясь разобраться в объективных причинах происходящих в Киргизстане процессов, можно прийти к очень важному философскому выводу: каждый исторический этап общественного развития диктует свои законы. Если в середине XX в. (период относительной стабильности) считалось, что народ сам выдвигает историческую личность, а незаменимых людей не бывает, то к концу XX – началу XXI в., по мнению многих философов, главенствующее место заняла случайность; таким образом, понятие исторической личности наполняется особым смыслом. Именно случайность «даровала» Киргизстану первого президента, от которого зависело продолжение исторических традиций и политическое развитие республики; он и заложил основы лидерства. Появление второго президента уже не являлось случайностью; судьбы обоих политических лидеров оказались во многом схожи, однако во втором случае добавилась еще и «тюльпановая» революция. Между тем очередная «случайность» привела к новому государственному перевороту, позволив говорить о традиции исключительно насильственного перехода власти. Однако знание истории и здравый смысл заставляют признать, что традиции можно, а порой и необходимо менять, чтобы не появилась знаменитая гегелевская «дурная бесконечность».

Киргизстан находится на пороге третьего «обновления», и в подобной ситуации вполне естественны переживания относительно будущего страны; на плечи временного правительства, которое задалось целью принципиально изменить форму развития государства, ложится огромная историческая ответственность. В этой связи необходимо признать, что лимит доверия народа давно исчерпан, и с его стороны вполне закономерны не только сомнения и подозрительность, но даже некоторый нигилизм. Кто тот харизматичный лидер, под руководством которого народ сумеет сделать «прыжок» в историческое будущее? Не повергнет ли народ в пучину безысходности тот конфликт интересов, что таится внутри временного правительства и непременно даст о себе знать при установлении парламентской формы правления? Вполне очевидно, что очередной конфликт интересов уведет страну в неизвестность; два переворота за пять лет – это слишком много для любой стра-

ны, не говоря уже о маленькой республике, запутавшейся в бесконечных противоречиях, перманентном экономическом кризисе и политических конфликтах.

Что же следует предпринять для сохранения государственности и обеспечения стабильного развития государства? В первую очередь необходимо уделить особое внимание Конституции КР (за время суверенного развития она изменялась пять раз); перманентные покушения на Основной закон страны говорят о том, что он не является гарантом безопасности, национальной независимости и развития. В настоящее время совершается шестое – и принципиальное – изменение Конституции. Окажется ли идея парламентской республики спасительной для Киргизстана? Сама идея, возможно, и хороша, однако она не может быть реализована в стране, где преобладают экономические трудности, непрекращающиеся политические конфликты, социальные взрывы и духовная опустошенность населения. Кроме того, успех парламентаризма во многом зависит от развитости политических партий, имеющих четко выработанную концепцию развития и социальную базу, и от наличия харизматичных лидеров.

В настоящее время в стране начинается предвыборная гонка; в срочном порядке организуются новые политические партии, что усугубляет атмосферу хаоса. В этой связи следует отметить, что наряду с новыми в республике существуют политические партии, функционирующие достаточно длительное время – казалось бы, его было вполне достаточно, чтобы проработать варианты выхода из сложившегося кризиса. Члены временного правительства нередко сравнивают Киргизстан с Великобританией, что, мягко выражаясь, можно назвать политической недалекостью: речь идет о государствах с совершенно непохожими историческими путями, не говоря уже об уровне политического сознания и социальной памяти, степени экономического, социального развития и культуры (в первую очередь – политической). Данное сравнение напоминает акаевский лозунг превращения КР в центральноазиатскую Швейцарию, до сих пор вызывающий улыбку; к сожалению, при выработке стратегии развития государства мы наступаем на одни и те же грабли.

Вооружившись идеей парламентаризма, Киргизстан, находясь в тяжелейшем состоянии, провоцирует кардинальное изменение политической системы. Хотя возможно, что события, произошедшие в республике, дадут новый толчок развитию, поскольку известно, что трагедия обладает огромным культуротворческим

потенциалом. Еще одним аргументом в пользу парламентаризма может послужить тот факт, что в истории киргизов известны случаи коллективного принятия судьбоносных решений. В любом случае реализация идеи парламентской республики покажет, насколько очередная «элита» одержима патриотическими чувствами спасения отчизны и способна ли она решать важнейшие проблемы с точки зрения интересов народа. В настоящий момент Киргизстан находится на краю пропасти, парламентаризм либо окончательно уничтожит республику, либо вызовет прорыв коллективного разума, воли и решимости и сохранит государственность; инстинкт самосохранения должен подсказать оптимальный путь для развития.

Теоретической подоплекой для возможного скачка Киргизстана в будущее может послужить идея о том, что архетип киргизов – кочевой тип мышления – среди прочих характеристик содержит и восприимчивость к переменам; киргизы достаточно легко адаптируются к изменяющимся условиям. Вторым, не менее важным условием для дальнейшего развития республики является трезвый, объективный взгляд на саму возможность построения демократического государства; необходимо определить, является ли эта идея сверхидеей для киргизов. Западный либерализм и демократия хороши для самого Запада, достигшего определенных позитивных результатов, которыми он «делится» со всем миром; но стоит ли копировать чей-то опыт и ждет ли нас подобный успех? На наш взгляд, практика элементарного подражания без учета местных культурно-исторических традиций не имеет смысла.

В данном случае наиболее привлекательной выглядит идея конструктивистов, для которых «наиболее принципиально положение о том, что социальная реальность не является ни неизменно данной, ни рационально предопределенной. Реальность ценностно и культурно своеобразна». Конструктивисты исходят из того, что у «всякой рациональности имеются исторически своеобразные корни; она создается и пересоздается деятельным участием политически влиятельных участников. Сами интересы (а следовательно, и рациональность) заданы социально, а не интеллектуально. Они подлежат прежде всего социальному изучению и пониманию. Ключом к такому пониманию является историческое и политическое осмысление интересов. Отсюда вытекают три основных принципа конструктивизма: культурная, историческая и политическая обусловленность социального действия».

При построении государства или выполнении того или иного социального действия ни в коем случае нельзя подгонять реальность под готовые стандарты. Необходимо учитывать культурно-исторические факторы: особенности восприятия мира, систему ценностей, существующую в обществе, а также политическое сознание и социальную память.

Не следует забывать о том, что в определении стратегии развития необходимо исходить из национальных интересов, выдвигая их в качестве приоритетных, а не пытаться слепо применять существующие концепции, которые диктуют нам определенную стратегию поведения; при этом необходимо идти на определенный геополитический компромисс.

Не следует забывать и о том, что в построении суверенного государства ключевую роль играет идеология, которую так и не удалось выработать за два десятилетия независимости Киргизстана. А без масштабного видения перспектив дальнейшего развития довольно сложно преодолеть существующие в обществе противоречия. В первые годы независимости была широко распространена теория о вреде идеологии; проводились многочисленные конференции и семинары, посвященные вопросу внедрения неидеологического сознания, тогда как идея западной демократии сама несет в себе определенный культурно-идеологический контекст.

Впоследствии стали предприниматься попытки создания национальной идеологии, но все они оказались бесплодными. Это касается и «Семи заветов “Манаса”», трактовавших духовное наследие в угоду политическим целям, и лозунга «Киргизстан – наш общий дом», в котором был некорректно затронут вопрос межэтнического согласия, и идеи «Киргизстан – страна прав человека», которая никоим образом не выделяла КР из ряда других государств, поскольку так можно назвать любую демократическую страну. Таким образом, в настоящее время существует острая необходимость выдвижения действительно национальной идеи, способной консолидировать весь народ, и, что самое главное, в ней обязательно должна быть реализована идея гражданской идентичности.

Период суверенного развития в странах СНГ был ознаменован кризисом идентичности, причем в Киргизстане он проявился во всех своих формах: гражданской, национальной и религиозной. Представляемая Западом иерархия идентичностей поражает обилием содержащихся в ней незаметных на первый взгляд мелочей; в

Киргизстане об этой теории, представляющей собой по-своему интерпретированное понятие национального самосознания, заговорили относительно недавно, и особенно о ее идеологической составляющей. Без должного культивирования феномена гражданской идентичности сложно говорить о возможности сплочения народа вокруг какой-либо идеи. Кроме того, необходимо также помнить о полиэтничности и поликультурности Киргизстана; существует проблема сохранения этнического многообразия и обеспечения устойчивого развития всех народностей на базе гражданского единства. Идентичность индивидуальна, но она есть и продукт социального взаимодействия: «Членом этнической группы и, тем самым, носителем определенной этнической идентичности делает индивида не его происхождение (биологическое или культурно-историческое), а та роль, которую он играет в социальном взаимодействии. Идентичность есть не свойство, а отношение; отсюда ее открытость и подвижность».

Имеет ли смысл пытаться искусственно создавать идеологию, которая впоследствии не будет востребована? Вероятно, гораздо разумнее было бы выделить ее из самого процесса конструирования нашего мира, а в формировании гражданской идентичности особый упор сделать на преемственность. Главная роль должна отводиться системе образования, призванной не просто всячески культивировать эту идею, но и совершенствовать механизмы, влияющие на целостность восприятия (ярким примером может послужить создание в советский период октябрятской, пионерской и комсомольской организаций). Вместе с тем интересна и теория Ю. Хабермаса о необходимости восприятия идентичности как проекта: «В этом смысле очень важно понять идентичность не только как приходящую из прошлого, но в качестве проекта»; тем самым культурный контекст дополняется социально-политическим. К вопросу о разрешении противоречий между гражданством и национальной идентичностью вполне применима теория «политической аккультурации», предлагаемая Ю. Хабермасом; в ее реализации важную роль играет наличие соответствующих субъективного и объективного факторов. Субъективный фактор выражается в способности и готовности личности понять и принять свое положение, т.е. интегрироваться в новое государство. Объективный фактор заключается в ответственности государства за создание новой политической системы и в следовании демократическим ценностям как единственно приемлемым, причем приоритетом является охрана прав и интересов гражданина. В данном

случае упоминание о демократических ценностях следует воспринимать в рамках западного понимания, и, как считает Д. Хоугленд, «процесс, не основанный на демократических ценностях, очень скоро будет отброшен или деградирует до неузнаваемости».

В контексте данного тезиса можно утверждать, что процессы, происходившие в Киргизстане, не были основаны на демократических ценностях в их западном понимании, что и привело к деградации искусственной демократии. Кризис государственного развития неизбежно порождает и кризис гражданской идентичности, который проявляется и на гражданском, и на культурном уровнях; он является следствием потери востребованности и значимости самоопределения человека в рамках общества или культуры. Подобная социокультурная ситуация требует проверки временем. Ответом на политические и социальные вызовы современности служит новая гражданская, «государственная» идентичность, которая сродни общественному самосознанию: насколько высок его уровень, настолько и адекватен он миру глобального бытия.

Проблема формирования гражданского общества в рамках независимого национального государства чрезвычайно актуальна с точки зрения плюрализма и диалога культур, так как акцент делается на гражданскую и культурную идентичность, являющуюся основополагающим механизмом самоопределения и самореализации общества. Немалую роль играет и региональная идентичность в рамках геополитического региона ЦА, которая в настоящее время актуализируется и функционализируется; она может серьезно способствовать прогрессивному развитию каждой из стран. Формирование такой центральноазиатской идентичности необходимо, так как противостоять вызовам современной глобализации способен лишь регион в целом – отдельному государству это не под силу. С точки зрения геополитического единства ситуация, сложившаяся в Киргизстане, не может не беспокоить его ближайших соседей; дальнейшее углубление кризисной ситуации в КР грозит региону потерей целостности и дестабилизацией.

Проведение в Киргизстане демократических преобразований тесно связано с модернизацией всех сфер жизни – экономической, политической, социальной, духовной; с первых лет суверенитета она вылилась в вестернизацию, т.е. в копирование моделей политических институтов и системы ценностей Запада. Однако нововведения не смогли «внедриться» в общество и вызвали «синдром отчуждения»; с небывалой силой проявились консервативно-

традиционные черты киргизского национального характера. Вполне возможно, вариант развития КР не укладывается в общие рамки общепринятого понятия демократии. Соответственно, модернизация также должна обрести свою стратегию, учитывающую все нюансы экономики и индивидуальной политической культуры народа, имеющей порой весьма противоречивые проявления.

* * *

Анализ причин сложившейся социально-политической и социокультурной ситуации в Киргизстане позволит не только лучше понять настоящее, но и определенным образом заглянуть в будущее. Одним из важнейших шагов в процессе выработки стратегии дальнейшего развития КР является осознание на государственном уровне губительности механического копирования стандартов демократии; необходимо глубокое осмысление специфичного культурно-исторического контекста, сложившегося в республике. При этом существенную роль играет понимание культуры мышления; умелый акцент на культивировании определенных черт менталитета способен привести к более устойчивым и долгосрочным результатам, так как критерием развития любого общества выступает личность, являющаяся основным субъектом государства. Такой подход связан с актуализацией вопросов патриотизма, служащего камертоном единства народа.

В последние десятилетия патриотизм считался чрезвычайно непопулярным феноменом постсоветского периода, однако события в КР показали обратное: патриотизм у киргизского народа заложен на уровне подсознания. Сегодня Киргизстану необходимо использовать все свои возможности для осуществления прорыва; необходимо решить вопрос: «Быть или не быть?» Как представляется, единственно верным ответом на этот извечный вопрос должно стать создание демократического общества, основанного на его специфическом культурно-историческом контексте.

*«Центральная Азия и Кавказ», Лулео (Швеция),
2010 г., т. 13, вып. 3, с. 177–184.*

Е. Борисова,

ПОЛИТОЛОГ

ТАДЖИКИСТАН – УЗБЕКИСТАН: БОРЬБА ЗА ВОДНЫЕ РЕСУРСЫ

Последнее время отношения между Таджикистаном и Узбекистаном переживают очередной пик напряженности. Самый яркий показатель – удержание Узбекистаном на своей границе свыше 2 тыс. железнодорожных вагонов с грузами (топливо, пшеница, удобрения, лекарственные средства, техника, оборудование и другое), предназначенными для Таджикистана. Хотя узбекское руководство и утверждает, что задержание вагонов вызвано техническими причинами, не вызывает сомнений, что оно на самом деле связано с конфликтом вокруг возобновления строительства Рогунской ГЭС Таджикистаном. Косвенно об этом свидетельствует тот факт, что когда Таджикистан и Узбекистан во время июньского саммита ШОС 2010 г. в Ташкенте все-таки договорились о разрешении этой ситуации, в Таджикистан стали пропускаться вагоны с различными грузами, кроме тех, в которых перевозилось оборудование для ГЭС. По оценке таджикской стороны, экономические потери от задержания грузов превысили 100 млн. долл.

Таджикистану Рогунская ГЭС жизненно необходима, чтобы стать наконец-то энергонезависимым и энергообеспеченным государством. Республика на протяжении более 15 лет в зимнее время живет в условиях, когда электроэнергия в некоторые отдаленные районы подается по 4–6 часов в сутки. При этом, согласно данным, озвученным таджикским президентом на Международной конференции «Вода для жизни», проходившей в Душанбе в начале июня 2010 г., гидроэнергетический потенциал Таджикистана составляет около 527 млрд. кВт, а освоен он только на 3–4%.

На сегодняшний день республика очень сильно зависит от своих соседей. После выхода Узбекистана в одностороннем порядке из единого энергетического кольца Центральной Азии Таджикистан перестал получать электроэнергию из Туркмении, шедшую через узбекские электросети. В результате в целях обеспечения потребностей страны в несколько раз увеличилась нагрузка на таджикские действующие ГЭС; энергетические проблемы страны усугубились. Если будет построена Рогунская ГЭС, Таджикистан не только решит первоочередную задачу с полноценным обеспечением электричеством всей страны, но и сможет продавать электроэнергию в Афганистан и Пакистан, причем по

тарифам, превышающим ныне действующие расценки в Центральной Азии. Это в идеале, если не учитывать другие факторы, которые могут помешать этим планам осуществиться.

Если касаться истории вопроса, то строительство Рогунской гидроэлектростанции было утверждено еще Госстроем СССР и началось в 1987 г. Проект станции разрабатывал ташкентский «Гидропроект», причем в интересах не только энергетики Таджикистана, но и орошаемого земледелия Узбекистана и Туркменистана. Он был согласован документально со всеми странами региона. Интересно, что в то время Узбекистан, руководившийся планами по увеличению производства хлопка, поддерживал проект, а таджикская общественность выступала против, так как это строительство могло повредить экологии Таджикистана, подорвать здоровье населения. После распада Советского Союза строительство ГЭС было законсервировано. В 1993 г. из-за недостроенных водоотводящих тоннелей верховая строительная перемычка станции была размыта мощным паводковым потоком, тоннели и машинный зал были частично затоплены. В 1994 г. российский и таджикский президенты подписали соглашение, согласно которому Рогунскую ГЭС Таджикистан должен был возводить совместно с Россией. Оператором по реализации этого проекта со стороны России была выбрана компания «Русский алюминий» («Русал»). Российская алюминиевая компания готова была построить в Таджикистане мощный энергометаллургический комплекс, включающий гидроэлектростанцию, два новых корпуса на территории Таджикского алюминиевого завода (сегодняшнее название – «Талко») и новый алюминиевый завод в Хатлонской области республики. Однако в 2007 г. Таджикистан в одностороннем порядке аннулировал это соглашение.

Таджикская сторона утверждает, что противоречия между руководством Таджикистана и «Русалом» стали появляться сразу после поездки О. Дерипаски, главы компании, в Ташкент и его встречи с президентом Узбекистана Исламом Каримовым в 2005 г. Именно после этого между властями Таджикистана и «Русским алюминием» появились разногласия по типу и высоте плотины. Таджикистан настаивал на каменно-насыпной плотине высотой в 335 м и установке шести агрегатов, а «Русал» и его консультант – немецкая проектно-инжиниринговая фирма «Lahmeyer» – разработали ТЭО строительства Рогунской ГЭС с бетонной плотиной, высота которой не превышала 285 м и предусматривала установку четырех турбин общей мощностью 2,4 тыс. МВт. Душанбе такой

вариант не устраивал, вероятно, в связи с желанием получить более высокую отдачу от этого масштабного проекта. Ведь в планах таджикского руководства стоит не только обеспечение электроэнергией населения страны, но и продажа ее за рубеж. Принципиальная позиция «Русала» по этому вопросу была также вполне понятна. Согласно международным экологическим требованиям и международному законодательству о трансграничном водопользовании возведение плотины до высоты 335 м, на чем настаивал Таджикистан, требует обязательного согласования с соседними государствами, а именно: с Узбекистаном, Туркменистаном и Казахстаном. После визита в Ташкент для руководства компании стало очевидно, что Узбекистан своего согласия не даст. В связи с этим российская компания предложила возвести плотину до отметки в 285 м.

Надо заметить, что эти цифры – 285 и 335 м – возникли не случайно. Проект строительства Рогунской ГЭС, разработанный еще в 1974 г., предусматривал три этапа строительства плотины: первый – до высоты 220 м, второй – 285 и третий – 335 м. Если Таджикистану все-таки удастся построить плотину с запланированными параметрами, то это будет самая высокая плотина в мире.

Между Таджикистаном и «Русалом» возникли разногласия еще по одному принципиальному вопросу – доле участия в проекте. В соответствии со своими вложениями «Русал» хотел получить около 70% акций Рогунской ГЭС. Таджикское руководство также рассчитывало на контрольный пакет акций, вспомнив, что еще в советские времена в Рогунскую ГЭС было вложено 804 млн. советских рублей. В итоге стороны к согласию не пришли. Позднее Э. Рахмон, объясняя свою позицию, заявил: «Мы не позволим, чтобы судьба столь важного стратегического объекта для Таджикистана находилась в руках одной частной компании». В связи с отсутствием других серьезных инвесторов работы по достройке станции возобновились в июле 2008 г. за счет бюджета Таджикистана. В настоящее время к финансированию строительства стратегической ГЭС привлечено и все население страны: с 6 января 2010 г. в стране реализуются акции гидроэлектростанции. Было выпущено 5 млн. акций и сертификатов ОАО «Рогунская ГЭС» на сумму 6 млрд. сомони (около 1,3 млрд. долл.). В настоящее время Таджикистан восстанавливает те объекты станции, которые были построены в советский период.

Что касается позиции Узбекистана, то Узбекистан активизировался в донесении своей точки зрения по вопросу строительства

Рогунской ГЭС. Ташкент категорически возражает против возобновления строительства этой гидроэлектростанции, требуя предварительного проведения международной экспертизы и предъявления технически обоснованных письменных гарантий международных экспертов о том, что плотина будет безопасной. Возражения Таджикистана, отсылающего к экспертизе, проведенной в 2006 г. немецкой компанией «Lahmeyer» по заказу российской компании «Русал», узбекская сторона не приемлет. «Соглашение, подписанное между компанией “Русал” и “Lahmeyer”, предусматривало разработку ТЭО строительства ГЭС, но не проведение полноценной экспертизы проекта. Компания “Lahmeyer” не занималась и не могла заниматься вопросами экологической и техногенной безопасности, так как не предназначена для этого», – говорится в узбекской газете «Правда Востока» в ответ на официальное письмо премьер-министра Таджикистана А. Акилова своему узбекскому коллеге, продолжающее полемику относительно Рогунской ГЭС, развернутую в СМИ. Что же касается экспертиз, проведенных в советское время, то они Ташкент также не устраивают, потому что в те времена, как сказано в статье узбекской газеты, «проведение независимого аудита и независимой экспертизы не практиковалось».

По словам первого замминистра экономики Узбекистана Г. Саидовой, сказанным ею на Международном водном форуме в Душанбе, экспертиза должна гарантировать, что не будут изменены объем и режим стока, который в течение столетий обеспечивал нормальное водообеспечение населения в нижнем течении; усиливаться угроза экологии региона, – другими словами, не будет повторена и усугублена проблема Аральской катастрофы, угрозы техногенной катастрофы с непредсказуемыми последствиями для жизни и здоровья миллионов людей в нижнем течении». Таким образом, споры вокруг этого объекта не только показывают наличие конфликта в отношении объемов потребляемой воды и доступа к ней, но и затрагивают все сопутствующие экологические проблемы.

Узбекистан мотивирует свою позицию прежде всего вероятными катастрофическими последствиями для региона в случае возможной аварии на этом объекте. Рогунская ГЭС находится в зоне высокой сейсмичности на линии тектонического разлома, где неоднократно происходили землетрясения. Под основанием плотины располагается Ионахшский тектонический разлом с сейсмической опасностью 9 баллов, заполненный каменной солью. Со-

славшись на математические расчеты советских ученых, Саидова сообщила, что при возможном разрушении плотины Рогунской ГЭС высота волны в зависимости от наполнения водохранилища составит 240–260 м в начале, и до Нукуса, что на севере Узбекистана, она дойдет высотой в 4–8 м. В результате такой волны будут снесены все шесть гидроузлов, которые располагаются вниз по течению реки, дома и предприятия. И тот факт, что проект Рогунской ГЭС был разработан почти 40 лет назад на основе устаревших проектных, конструкторских и технологических решений, также не на пользу этой стройке, считают в Ташкенте.

Авария на Саяно-Шушенской ГЭС в России добавила Узбекистану аргументов. Все действующие в Центральной Азии гидроэлектростанции, как и Саяно-Шушенская, построены еще в советское время и давно нуждаются в капитальном ремонте. В подтверждение этому можно привести пример аварии на Кайракумской ГЭС в январе 2009 г. В результате этой аварии из-за гидравлического удара и разрушения креплений крышки проточной камеры одной из турбин было подтоплено подвальное помещение станции. Как оценили эксперты, причиной являлась негодность агрегатов из-за длительной эксплуатации. Так что, прежде чем строить новую и столь масштабную ГЭС, было бы неплохо разобраться со старыми.

Не меньше Узбекистан беспокоит и то, что любые изменения объемов и режимов использования стоков рек в регионе в результате строительства ГЭС могут привести к продовольственной и экологической катастрофе. Выживание миллионов людей в регионе с резко континентальным пустынным климатом напрямую зависит от наличия питьевой и поливной воды, особенно в периоды систематически повторяющегося маловодья. Кроме того, узбекская сторона напоминает, что из года в год сокращаются ледники на Памире и Тянь-Шане – основные источники подпитки Амударьи и Сырдарьи. Существует также мнение, активно поддерживаемое Узбекистаном, что в трагедии Арала прежде всего виновны гидроэлектростанции, построенные на двух вышеупомянутых реках, питающих это море. И Рогун эту проблему усугубит. У Ташкента есть еще одно опасение. Оно заключается в том, что, регулируя сброс воды на Рогунской ГЭС, Душанбе сможет ограничивать объем потребляемой Узбекистаном воды и тем самым диктовать свои условия в различных спорах.

На все эти претензии у Таджикистана есть собственная аргументация. Он предлагает соседней стране обратить внимание

прежде всего на собственные проблемы, приносящие вред экологии, и решать проблему водного дефицита на своей территории, а не заикливаться на Рогуне, который, с точки зрения таджикской стороны, соответствует всем экологическим нормам. Более того, таджикские эксперты утверждают, что Рогунская ГЭС принесет Узбекистану лишь пользу, а все узбекские протесты связаны с нежеланием, чтобы таджикский народ перестал зависеть от Узбекистана. Например, секретарь Таджикского национального комитета Международной комиссии по большим плотинам Х. Арифов заявил: «В правительстве Узбекистана прекрасно понимают, что от завершения строительства Рогунской ГЭС самую большую выгоду получают они, т.е. у них появится возможность улучшить мелиоративную ситуацию и осваивать новые земли. Однако это заявление – политический шаг со стороны руководства Узбекистана, целью которого является не допустить развитие Таджикистана». Таджикская сторона напоминает про отчет ташкентского института «Союзгипроводхлопок» за 1990 г., в котором говорится, что для ликвидации дефицита воды в бассейне Амударьи необходимым мероприятием является строительство Рогунской ГЭС. Эта же мысль подчеркнута в отчете института «Ташгидропроект» за 1993 г. Регулирование стока Рогунским водохранилищем позволит осуществить с 90%-ной обеспеченностью орошение земель бассейна Амударьи на площади 4,6 млн. га и дополнительно освоить 480 тыс. га, из которых 140 тыс. га – в Туркменистане и 240 тыс. га – в Узбекистане, а также повысит водообеспеченность уже эксплуатируемых земель. Что касается опасений по поводу ожидаемого искусственного маловодья и связанных с ним проблем орошаемого земледелия, которые якобы возникнут после строительства Рогунского водохранилища, то эти опасения не имеют под собой реальной почвы, считают в Душанбе. Таджикистан использует 12–17% стока бассейна реки Амударьи. В силу вертикальной развитости предгорного рельефа не менее 40–50% забранной воды возвращается в реки. Вода же, используемая гидроэлектростанциями, пропускается через турбины ГЭС и возвращается в основной ствол реки полностью. Основные потери воды происходят как раз в низовьях, где ее разбирают на орошение. Та вода, которая возвращается в виде дренажного стока, очень плохого качества.

По данным многолетних наблюдений таджикских экспертов, водный и солевой режимы Сырдарьи и Амударьи на территории Таджикистана остаются на уровне средних многолетних показате-

лей. Изменения этих режимов происходят в основном в равнинной части.

Самый большой объем воды в регионе получает Узбекистан, и больше всего воды теряется именно на его территории, в его оросительных системах. Только 35% протяженности каналов имеют противofильтрационную облицовку, более 15 тыс. км межхозяйственных и магистральных каналов (60% всей их протяженности) нуждаются в реконструкции. Коэффициент полезного действия узбекских оросительных систем в настоящее время составляет всего 0,64 (при нормативе 0,7), что приводит к потере не менее 3 млрд. кубометров (20–30%) подаваемой воды. Вода не теряется безвозвратно. Благодаря каскадности каналов она появляется ниже по течению рек, но уже загрязненная.

В общем, Узбекистан и сам осознает свои проблемы с нерациональным использованием воды и прибегает к помощи международных финансовых институтов для их решения. В стране утверждена Государственная программа строительства и ремонта системы мелиорации, рассчитанная на 2008–2012 гг. Согласно Программе, необходимо осуществить мелиорацию порядка 350 тыс. га земель, переустройство 30 тыс. км коллекторно-дренажной сети, а также строительство новых коллекторов для отвода грунтовых вод. При финансовом содействии Всемирного банка осуществляется проект по реконструкции дренажной системы и ирригационной инфраструктуры в дельте Амударьи. В 2004 г. Азиатский банк развития предоставил Узбекистану заем в размере 73,2 млн. долл. на проект общей стоимостью 112,6 млн. долл. по восстановлению ирригационной системы Аму–Занг, включающей каскад насосных станций в верховьях реки Амударьи, в августе 2009 г. – 100 млн. долл. на проект по улучшению мелиоративного состояния земель в Ферганской и Зарафшанской долинах. В феврале 2010 г. Всемирный банк и правительство Узбекистана подписали соглашение о выделении Узбекистану кредита в сумме 65,5 млн. долл. с целью финансирования первой фазы Проекта по управлению водными ресурсами Ферганской долины. Проект состоит из трех основных компонентов: улучшение ирригационных систем и строительство дренажных сетей; институциональное усиление и развитие сферы сельского хозяйства; управление проектом, мониторинг и оценка его результатов.

Таким образом, в проблеме Арала, как видится из Душанбе, виноваты прежде всего страны низовья, нерационально использующие водные ресурсы. Усиливает проблему и строительство там

громадных водохранилищ, объем которых в 1,5 раза превышает нынешний объем Аральского моря, напоминают в Таджикистане. Так что на вопрос, кто виноват в гибели Аральского моря, однозначного ответа нет. Неясно также и то, насколько Рогунская ГЭС усугубит или улучшит ситуацию в конечном итоге. Ни единого мнения, ни единой политики в отношении водно-энергетических ресурсов Центральной Азии сегодня не существует. Каждая страна видит и преследует лишь свою собственную выгоду, забывая об интересах региона и усугубляя ситуацию. Экспертные мнения также придерживаются либо той, либо другой стороны. Интересно, что при этом все согласны, что надо вырабатывать единую политику, но реальных шагов для этого никто не делает.

Апеллируя к мировому сообществу за справедливостью, президент РТ Э. Рахмон на 15-й Конференции по изменению климата в Копенгагене предложил в целях обеспечения водной безопасности в Центральной Азии провести комплексную экспертизу влияния системы водопользования на экологическую обстановку региона. Но даже обращаясь за помощью с целью комплексного решения водно-энергетических проблем в регионе, стороны преподносят проблемы односторонне. Например, глава Таджикистана, продолжая свое обращение, заявил, что «в условиях демографического взрыва и бесконтрольного освоения все новых и новых земель, а также расточительного, бесхозяйственного расхода воды, Республика Таджикистан обращается к ООН и ее соответствующим структурам провести комплексную экспертизу влияния абсолютно устаревшей, неэффективной системы водопользования региона, а также огромного количества водохранилищ низовья на экологическую обстановку». В заявлении таджикского президента содержится четкое указание на виновников нынешней ситуации – страны низовья.

Как мы уже отмечали, по мнению Душанбе, Рогун не несет какой-либо угрозы региону. Возможность техногенной катастрофы также отмечается. Согласно данным таджикских ученых и проведенному в 2006 г. анализу ташкентского «Гидропроекта», математические расчеты плотины Рогунской ГЭС позволяют дать гарантии ее устойчивости при 9-балльном землетрясении. По их словам, большие каменно-насыпные плотины с суглинистым ядром устойчивы к таким природным явлениям и уже имеется опыт Нурекской ГЭС, которая за 36 лет эксплуатации не дала повода усомниться в ее конструкции.

На сегодняшний день строительство ГЭС сопровождается российский «Гидропроект», так как генеральные проектировщики в Ташкенте отказались от дальнейшего участия. Московские проектировщики согласились работать при условии, что в случае, если технические решения по сооружениям гидроузла не обеспечивают необходимый уровень надежности, «Гидропроект» имеет право на их корректировку. Таким образом, проект, разработанный еще в советское время, может по необходимости оптимизироваться в соответствии с современными технологиями.

Что же касается претензий стран низовья к Рогуну, связанных с изменением водного баланса, снижением объемов стока и нарушением согласованных режимов и величин попусков для стран, расположенных ниже по водотоку, то Таджикистан приводит доказательства их беспочвенности. Ежегодно по рекам Центральной Азии формируется 115 км воды, из них всего лишь 15% относится к Таджикистану. Объем водохранилища Рогунской ГЭС составит 13 млрд. м³ воды. Но вода в нем будет накапливаться почти незаметно для орошаемого земледелия стран нижнего течения на протяжении 8–10 лет. При маловодных годах этот срок будет продлен соответственно. Кроме того, таджикская сторона просит учитывать, что сток реки Вахш, на которой строится Рогунская ГЭС, составляет всего 30% стока реки Амударьи. То есть теоретически при «максимально конфликтном» режиме совместной работы двух водохранилищ – Нурекского и Рогунского – максимальный ущерб странам низовья будет не более 15% в период наполнения и еще меньше после ее накопления. Это как раз та часть доли, выделенной республике специальной водохозяйственной комиссией в 1992 г., которую Таджикистан недобирает.

Воды на всех не хватит

Основная проблема в этом конфликте, как нам кажется, связана с тем, что воды на всех просто не хватает. Ее бы, может быть, и хватало, если бы она не терялась в устаревших и разрушенных ирригационных сетях, если бы не повышалась ее соленость, если бы водохранилища не заиливались, если бы не нарушался естественный водосток, если бы она не испарялась из огромных искусственных водохранилищ. Надо также учитывать и изменение климата. С помощью воды страны верховья и низовья пытаются решить свои самые насущные проблемы: страны верховья в связи с отсутствием залежей углеводородов – энергетические проблемы, стра-

ны низовья – продовольственные. И всем нужно воды как можно больше. Поэтому каждая страна пытается тянуть одеяло на себя, препятствуя друг другу в реализации планов и строя на своих территориях огромные хранилища этого поистине драгоценного для Центральной Азии продукта.

Водохранилища строятся не только при ГЭС в странах верховья, но и ниже по течению. Например, в Туркменистане реализуют проект по созданию в Каракумах крупнейшего искусственного озера, которое будет питаться из Амударьи. Его предполагаемая емкость – 11 млрд. м³. В Узбекистане, по данным специалистов-мелиораторов Таджикистана, вразрез с соглашением по подаче воды в Кайракумское водохранилище намерены построить водохранилища в Ферганской долине. Казахстан, устав бороться с весенними паводками и неконтролируемым сбросом воды киргизских ГЭС, построил Коксарайский контррегулятор.

Но чем больше вода разбирается, тем больше у стран региона возникает проблем с ее нехваткой. В результате споры переходят в политическую плоскость и вызывают межгосударственное противостояние. Все эти вопросы мог бы решить надгосударственный надзорный орган. Интересно, что страны региона это понимают, но реальных усилий по его созданию не прикладывают, хотя попытки организовать в международный консорциум по воде предпринимались не единожды. Каждый хочет получить как можно больший кусок в споре и ни в чем себя не ограничивать.

В 1998–2001 гг. Глобальный экологический фонд пытался разработать как общую водно-энергетическую стратегию для Центрально-Азиатского региона, так и индивидуальную для каждой страны. Каждая национальная стратегия основывалась на своих приоритетах, но при суммировании их на региональном уровне выяснилось, что потребность в воде в полтора раза превышает имеющиеся водные ресурсы. И с каждым годом спрос на воду растет. Будет расти и противостояние стран из-за воды. Споры вокруг Рогунской ГЭС – лишь один, но яркий пример усиливающейся борьбы за водный ресурс между странами Центрально-Азиатского региона.

*«История и современность»,
М., 2011 г., март, с. 93–106.*

Дина Малышева,
доктор политических наук (ИМЭМО РАН)
**ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ В КОНТЕКСТЕ
АФГАНСКОЙ СИТУАЦИИ**

Пять бывших советских республик Центрально-Азиатского региона (ЦАР), остававшихся все 90-е годы истекшего столетия фактически на периферии мировой политики, оказались в наши дни объектом повышенного внимания со стороны ведущих региональных и международных игроков. Такое изменившееся положение ЦАР определяется несколькими факторами:

1. Страны данного региона обладают серьезными топливно-энергетическими ресурсами. Они не столь значительны по мировым меркам и несопоставимы с запасами нефти и газа, например, в Персидском заливе. Для сравнения: запасы нефти в Персидском заливе составляют 56% всех мировых запасов, а в странах Центральной Азии (ЦА) – экспортерах этого энергосырья (Казахстане, Узбекистане, Туркменистане и Азербайджане, который является составной частью энергосети Каспия) – всего 3,5%. В Персидском заливе содержится 40% мировых запасов природного газа, в ЦА – 7%. Несмотря на это, нефтегазовые ресурсы ЦА рассматриваются не только как альтернатива российским поставкам углеводородов на мировые рынки, но и как важный резерв на будущее, которым смогут распорядиться те, кто закрепится в этом регионе. Стабильным остается, в том числе и со стороны России, интерес к Исламской Республике Афганистан (ИРА) как к транзитной стране, по территории которой можно прокладывать энергомаршруты из Центральной в Южную Азию. Так, хотя официальным поводом для нападения американцев на Афганистан в 2001 г. стало то, что «Аль-Каида», обвиненная в совершении теракта 11 сентября, нашла убежище в талибском Афганистане, есть и иная версия. По этой версии, настоящей причиной явился отказ талибов дать согласие на прокладку Трансафганского газопровода. За этим проектом стояли интересы американской администрации и калифорнийской нефтегазовой компании «Unocal», а сам план вторжения в Афганистан был, по свидетельству ряда экспертов, разработан американской администрацией за полгода до событий 11 сентября.

2. Второй фактор, определяющий значимость региона ЦА, – это его вовлеченность вместе с Россией в перемены, тесно связанные с тем, что происходит в Афганистане и что еще произойдет там в ближайшие несколько лет. Речь идет в первую очередь о

транзитных возможностях ЦА, которые стали чрезвычайно важны для проводимой силами США/НАТО военной операции в Афганистане. Напомню, что в октябре 2001 г. США начали в Афганистане операцию под названием «Несокрушимая свобода» (Enduring Freedom). Ее официально заявленной целью был разгром «Аль-Каиды» и сотрудничавшего с ней движения «Талибан». Затем по решению Первой Боннской конференции по Афганистану (декабрь 2001 г.) там были также развернуты Международные силы содействия безопасности – МССБ (The International Security Assistance Force – ISAF). Сначала они находились под юрисдикцией ООН, а с августа 2003 г. командование взяла на себя НАТО, которая, таким образом, значительно расширила зону своей стратегической ответственности. МССБ представляют почти 50 стран: все 28 стран – членов НАТО, подавляющее большинство европейских государств, нескольких государств Азиатско-Тихоокеанского региона, ряд стран Америки и Ближнего Востока (БВ). Их численность в 2010 г. составила 120 тыс. человек. Для такой значительно увеличившейся в 2009–2010 гг. группы американско-натовских войск в Афганистане важнейшую роль играет тыловое обеспечение, а с активным использованием авиации – поставки авиатоплива и горюче-смазочных материалов. Они на $\frac{3}{4}$ проходят через Пакистан, однако уже с 2009 г. этот маршрут стал крайне опасным из-за постоянных нападений боевиков на транспортные колонны, везущие в Афганистан необходимые для сил коалиции грузы. В этой связи акцент все больше будет смещаться на «Северный маршрут» (Северная распределительная сеть – The Northern Distribution Network, NDN) тылового обеспечения, который пролегает через Россию, Кавказ и республики ЦА. Уже сегодня по этому маршруту силам коалиции, воюющей в Афганистане, доставляется до 30% военных и гражданских грузов. Территория ЦА важна и для намеченного с июля 2011 по 2014 г. полномасштабного вывода из Афганистана иностранного воинского контингента в соответствии с представленным США на саммите НАТО в Лиссабоне (19–20 ноября 2010 г.) поэтапным планом окончания военной миссии в Афганистане. В связи с этим роль ЦА как территории для транзита войск и грузов резко возрастает.

3. Третий фактор, определяющий значимость региона, обусловлен тем, что территория Афганистана и ЦА – в случае восстановления Афганистана и создания там условий для безопасного развития – сможет стать площадкой для реализации ряда важных экономических проектов, включая и те, в которых заинтересована

Россия. В связи с разворачивающейся в ЦА и Афганистане скрытой и явной конкурентной борьбой интерес представляет мнение, высказанное весьма информированным экспертом и журналистом Пепе Эскобаром, постоянно пишущим для гонконгского интернет-издания Asia Times и являющегося автором книги «Обама создает Глобалистан» (Obama does Globalistan. 2009). Эскобар, в частности, утверждает, что на пространстве Центральной и Южной Азии (он называет это пространство Трубопроводистаном (Pipestan)) – идут процессы, которые в будущем определяют не только лик Евразии, но и всей нашей планеты. В контексте предстоящего ухода сил США и их союзников из Афганистана важным, в том числе и для понимания ситуации в ЦА, представляется подведение некоторых предварительных итогов пребывания в Афганистане сил коалиции.

Главный стратегический императив, который заключался в уничтожении «Аль-Каиды» и поддерживающего ее «Талибана», был реализован только частично. Да, «Аль-Каида» в основном покинула Афганистан, однако же ее неподконтрольные какому-то единому центру отряды переместились, как считают, в Пакистан, Йемен, Сомали. Удалось ликвидировать ряд наиболее радикальных участников движения «Талибан», но само движение отнюдь не разгромлено и, по некоторым данным, созданные «Талибаном» «теневые правительства» действуют практически во всех населенных преимущественно пуштунами провинциях Афганистана. Хотя некоторые усилия Запада в сфере государственного строительства в Афганистане принесли определенные результаты, не удалось достичь этнического баланса в правительстве Х. Карзая, а сам сотрясаемый внутренним конфликтом Афганистан представляет собой на сегодняшний день государство, в котором процветают теневая экономика и наркобизнес. Наконец, в отличие от Ирака, где США и их союзники оказались на пересечении шиитско-суннитского противостояния, но прямо в него не вовлекались, в Афганистане американско-натовские войска стали одной из сторон гражданского конфликта, который все больше провоцируется этим иностранным присутствием.

Непростая ситуация складывается и в Пакистане, даже безотносительно к присутствию здесь афганских талибов и местных ячеек этого движения. Сама роль Пакистана в афганском противостоянии неоднозначна. Страна оказалась фактически включенной в зону управляемого конфликта в рамках провозглашенной президентом Обамой стратегии, обозначаемой неологизмом «Аф-Пак».

Пакистан, с одной стороны, выглядит как ключевой союзник США; он претендует также на ведущую роль в процессе урегулирования афганской проблемы, которую официальный Исламабад стремится решить в своих интересах. В то же время армейская верхушка Пакистана и его спецслужбы продолжают рассматривать «Талибан» и связанные с ним движения как свою опору в случае возможного конфликта с Индией (в частности, в Пенджабе) или как силу, которая позволит в случае необходимости возобновить экспансию в Афганистан. Можно предположить, что в перспективе ситуация в Афганистане будет в значительной мере определяться тем, какой из возможных прогнозируемых сценариев возьмет верх после (а также, возможно, и в процессе) вывода из Афганистана сил многонациональной коалиции.

Сценарий 1. Пессимистический («Талибан-2»). Он предполагает погружение Афганистана в гражданскую междоусобицу, участвовать в которой станет этнотерриториальная группировка пуштунов, с одной стороны, и новый вариант Северного альянса (таджикско-узбекско-хазарейский блок) – с другой. Последствиями такого конфликта будет смещение действующего правительства во главе с Х. Карзаем, приход к власти непримиримых талибов и воссоздание ими ситуации, схожей с периодом 1996–2001 гг., когда Афганистан стал прибежищем для «Аль-Каиды» и действовавших под ее эгидой сил международного терроризма, угрожавших и ЦА, и России, и миру. Такое развитие ситуации, несомненно, явится серьезным вызовом для окружающих Афганистан стран, в первую очередь центральноазиатских. Может, в частности, возникнуть угроза распространения боевых действий гражданской войны с ИРА на территорию граничащих с Афганистаном Таджикистана, Узбекистана и Туркменистана. Сопутствующим риском может стать массовый поток беженцев туда с территории ИРА, что Таджикистан уже испытал в 1996–1997 гг., а также резкое ухудшение эпидемической обстановки, сопровождающее всякую войну, особенно в условиях жаркого климата и дефицита воды на Востоке. Учитывая слабость вооруженных сил и пограничных войск Таджикистана, Узбекистана и Туркменистана, потребуются вмешательство союзников по Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ) и Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), что приведет к росту социальной и экономической напряженности во всех государствах – членах этих организаций.

Сценарий 2. Оптимистический («Мирный Афганистан»). Он, несомненно, отвечает интересам как самого народа Афганистана, так и его соседей, включая и государства ЦА. В соответствии с этим сценарием получит развитие так называемый «кабульский процесс», который был запущен в июле 2010 г. на конференции по афганскому урегулированию в Кабуле. Будет реализована программа национального примирения и реинтеграции, осуществлена структуризация системы государственного управления, в результате чего местная власть обретет способность самостоятельно поддерживать стабильность. Созданное (по иракской модели) на основе достигнутого между основными политическими силами страны консенсуса коалиционное правительство будет представлять в основном интересы всех главных политических сил страны – как пуштунов, так и других этнических групп. Многое будет зависеть от внутреннего расклада в Афганистане и поведения его ведущих политических сил. Например: намерены ли талибы продолжать непримиримую борьбу или же они готовы стать легитимными участниками политического процесса; удастся ли им договориться с «Севером» (таджиками, узбеками) и «Центром» (хазарейцами), также претендующими на участие в управлении государством; смогут ли Афганские силы национальной безопасности (The Afghan National Security Forces), которых готовят американо-натовские инструкторы, предотвратить возвращение в Афганистан боевиков «Аль-Каиды» и «непримиримых» (участников базирующейся в Пакистане «сети Хаккани»), не допустить нового превращения Афганистана в «серую зону», неподконтрольную международным институтам безопасности и угрожающую миру. В пользу того, что развитие Афганистана может пойти по относительно мирному сценарию, говорит то, что региональная и мировая среда ныне сильно отличается и от того, с чем сталкивался СССР, когда он находился в Афганистане, и от периода, предшествовавшего приходу талибов к власти, когда в Афганистане разгорелась кровопролитная гражданская война «всех против всех». Кроме того, непуштунские общности не являются консолидированной и влиятельной силой; основного противника пуштунов и талибов – Северного альянса как такового в настоящее время не существует, а между бывшими спонсорами этой военно-политической структуры есть разногласия, обусловленные конкурирующими интересами.

Борьба с терроризмом, а значит и с «Аль-Каидой», превратилась сегодня в глобальную проблему, и против радикализма и

терроризма, выступающих под религиозной личиной, сложился широкий международный фронт. Он включает не только США и европейские страны, но и Россию, Китай, государства Ближнего и Среднего Востока и всех мусульман, которые сами страдают от проявлений экстремизма. Что касается центральноазиатских светских режимов, то они с полным основанием могут посчитать себя возможной мишенью для собственных экстремистов и их единомышленников в Афганистане в других частях мусульманского мира. Нельзя исключить также, что со временем союзниками в борьбе с апеллирующим к исламу международным терроризмом могут стать и некоторые группировки талибов. Словом, превращение Афганистана в «азиатское Сомали» мало кого устраивает, и постепенный приход к примирению с официальным правительством Афганистана отдельных групп повстанцев свидетельствует о том, что идеология движения «Талибан» не всегда соответствует взглядам каждого из его представителей. Тем не менее намечающийся на середину 2011 г. вывод американских, а затем и других западных войск из Афганистана может вызвать серьезные и долгосрочные последствия для всего региона ЦА, России, структур ОДКБ и ШОС.

Для ЦА риски, связанные с предполагаемым уходом из Афганистана войск коалиции, проистекают из возможного возвращения Афганистана к тому состоянию, в котором он был до иностранного вторжения в 2001 г., а также активизации исламских радикалов и усиления наркотрафика. При этом деятельность Исламского движения Узбекистана (ИДУ) и других немногочисленных и не чуждых экстремистским установкам группировок в ЦА обусловлена не только «афганским фактором» (поддержкой со стороны талибов), но в значительной мере порождена серьезными внутренними социально-экономическими и политическими проблемами центральноазиатских государств. Страх перед возможностью дестабилизации, или, как теперь говорят в ЦА, «афганизации» региона, побудил местных руководителей сотрудничать с силами коалиции. Совсем немаловажной для государств ЦА является и прямая экономическая выгода от предоставляемых Соединенным Штатам и НАТО военных объектов и транзита. По пути сотрудничества с коалицией пошла и Россия. Например, 1 декабря 2010 г. вступило в силу соглашение о так называемом «возвратном транзите», предусматривающем транспортировку невоенных грузов США/НАТО из Афганистана через территорию России. Но в целом, похоже, Россия все же не вполне готова к новому повороту

афгано-центральноазиатской истории. Даже такой весьма тревожный звонок, каким стала киргизская «революция» образца 2010 г., не ускорил выработку Россией действенной стратегии, которая была бы адекватна новым вызовам, позволила бы защитить права этнических русских в ЦА, создать надежный заслон от наркоэкспансии и религиозно-политического экстремизма, смешанного с транснациональным терроризмом, притом что такая стратегия применительно и к России, и к ЦА должна базироваться, прежде всего, на антикоррупционной составляющей, ибо именно коррупция открывает дорогу наркоэкспансии и превращению нормальной экономики в наркоэкономику. Без такой стратегии России трудно рассчитывать на то, что она сможет реализовывать в ЦА свои национальные интересы в сфере обеспечения безопасности. Чтобы переломить ситуацию в регионе в свою пользу, России необходимо экономический ресурс подкрепить военным потенциалом и экономической волей, что пока в ее политике в ЦА не особенно просматривается.

Впрочем, нельзя сказать, что Россией ничего не делается вообще. Проводятся консультации с Афганистаном, в скором времени планируется создание межправительственной российско-афганской комиссии по экономическому сотрудничеству. В 2010 г. Россия существенно увеличила взносы на реализацию специальной антинаркотической программы для Афганистана по линии Управления ООН по борьбе с наркотиками и организованной преступностью. Готова Россия участвовать и в восстановлении инфраструктуры Афганистана, если удастся договориться о том, кто будет финансировать эти проекты. Россия также пытается привлечь к афганскому урегулированию ШОС, в рамках которой функционирует «Контактная группа ШОС–Афганистан», а также Организацию Договора о коллективной безопасности, где при Совете министров иностранных дел создана Рабочая группа по Афганистану. Некоторые плоды приносит и деятельность России в рамках «четверки» – неформального механизма, который объединяет участников ШОС (Россию и Таджикистан), а также Афганистан и Пакистан, являющихся наблюдателями в этой организации. Первая встреча «четверки» прошла в июле 2009 г. в Душанбе, вторая – в Сочи 18 августа 2010 г., а в декабре собрались главы антинаркотических ведомств четырех государств. Эти контакты, несомненно, имеют важное значение с точки зрения поддержания безопасности, придания на базе такого четырехсторон-

него взаимодействия нового импульса социально-экономическому развитию регионов Южной и Центральной Азии.

Россия проявляет заинтересованность и в энергетических проектах, которые свяжут ЦА и Афганистан. На встрече 25 ноября 2010 г. в Душанбе, где проходил 9-й совет глав правительств ШОС, премьер-министр РФ В. Путин и его пакистанский коллега Юсуф Реза Гилани обсудили возможность участия «Газпрома» и его дочерних компаний в создании Трансафганского газопровода, или, как его иначе называют, ТАПИ (по первым буквам названий стран-участниц – Туркменистана, Афганистана, Пакистана, Индии). Это придает событиям вокруг планируемого трубопровода определенную интригу, если учесть, что после состоявшегося в октябре 2010 г. визита в Ашхабад российского президента МИД Туркменистана недвусмысленно высказался против участия «Газпрома» в проекте ТАПИ.

Справедливости ради заметим, что далеко не все зависит от России. Вероятным представляется, что партнеры России по НАТО, главным образом США и ЕС, несмотря на все разговоры про «перезагрузку», не смогут преодолеть недоверия к России. Они не пойдут на равноправное и взаимовыгодное сотрудничество ни с ней, ни с ОДКБ, ни с ШОС даже по такой важной для судеб НАТО проблеме, как Афганистан. Это обусловлено в значительной мере идеологическими соображениями, а также той стратегией, от которой Запад не собирается отказываться. Она заключается в вытеснении по возможности России из ключевых, с точки зрения западных интересов, постсоветских республик, недопущении их интеграции в те объединения, где Россия могла бы играть значимую роль (при условии, разумеется, что такая цель ею ставится). Доказательством того, что НАТО не собирается сотрудничать в Афганистане с Россией либо с ШОС и ОДКБ, является Лиссабонская декларация НАТО, где эти структуры не названы в числе региональных партнеров, на конструктивную помощь которых, как полагают в НАТО, может рассчитывать Афганистан. Любопытно также, что в подписанной Расмуссенем и Карзаем «Декларации о прочном партнерстве» Лиссабонского саммита НАТО Афганистан назван важным партнером этой организации, подчеркивается вклад Афганистана в «поддержание региональной стабильности», что, на мой взгляд, выглядит насмешкой над здравым смыслом и существующими реалиями. Многие эксперты высказывают предположение, что обозначение Афганистана в качестве

партнера НАТО приведет к срыву трудных переговоров с талибами, которые ведет правительство Карзая.

Между тем и получившее новый стимул после 2001 г. военно-политическое «освоение» США/НАТО ЦА едва ли отвечает российским интересам, разумеется, если они и в дальнейшем связываются с присутствием в этом регионе. Ведь по существу, не сделав ничего конкретного в плане ответственности за стабильность в ЦА, США поменяли здесь схему поддержания безопасности, став своего рода геополитическим конкурентом структурам безопасности СНГ, а также и ШОС. В свою очередь «Северный маршрут» создает предпосылки для еще более расширенного присутствия США/НАТО в ЦА, которое при благоприятном для Запада стечении обстоятельств будет расширяться, объективно укрепит его геополитические позиции в регионе, сделает страны ЦА зависимыми от НАТО. Попутно такое военное присутствие позволит западным странам плотнее контролировать Россию, Иран и Китай, который рассматривается как главный геополитический соперник Вашингтона и Брюсселя на евразийском континенте. Таким образом, американо-натовское присутствие в ЦА под «зонтиком» военной операции в Афганистане уже создало для России риск утраты своего стратегического преимущества, постепенного вытеснения ЦА вместе со всеми ее углеводородами из сферы влияния России, что идет в ущерб ее интересам. А ведь восточное, азиатское направление российской внешней политики вне зависимости от его нынешнего реального состояния является не менее значимым и важным, нежели европейский тренд, прежде всего с точки зрения перспектив развития новой России.

Из всего вышесказанного можно сделать несколько выводов.

1. Россия за время непродолжительной «передышки», которая совпадет с уходом сил многонациональной коалиции из Афганистана, должна быть готовой к тому, что ей придется взять на себя дополнительные и в значительной мере усложнившиеся обязательства по обеспечению безопасности ЦА. Это ей потребуются и для того, чтобы, во-первых, сделать безопасным свое собственное развитие, потому что отгородиться от центральноазиатских проблем при всем желании России не удастся. Во-вторых, это нужно для того, чтобы не быть потесненной с позиций, на которых ей удалось утвердиться в период снижения накала американо-российского соперничества, вызванного отвлечением США на решение более неотложных проблем, чем центральноазиатские. С учетом этого Москве имеет смысл активизировать «точечное»

военно-политическое и экономическое сотрудничество со странами региона, вдохнуть новую жизнь в далеко не исчерпавшие свой потенциал организации – ЕврАзЭС, ОДКБ, ШОС, инициировать (параллельно с планомерным и постоянным отстаиванием собственных интересов) сотрудничество с региональными и международными силами, чтобы противостоять действующим и потенциальным вызовам и угрозам.

2. Второй вывод касается перспектив ЦА в обозримый период в связи с афганской ситуацией. Даже в случае возвращения талибов к власти, полномасштабной войны между Афганистаном и республиками ЦА не предвидится. Не произойдет коллапса в регионе и после вывода из Афганистана сил коалиции, поскольку именно иностранные войска являются здесь главным фактором политической нестабильности. В более широком контексте наличие иностранных войск или их отсутствие не влияет коренным образом на стабильность центральноазиатских государств, потому что главные угрозы и вызовы их безопасности имеют не внешний, а внутренний характер.

3. Центральноазиатские государства постараются, как и в предыдущие годы, воспользоваться разнообразием векторов сотрудничества, предоставляемых им выгодным географическим положением. Разыгрывая различные внешнеполитические «карты» (российскую, американскую, китайскую, европейскую), государства региона попытаются извлечь максимальную выгоду от частично инициированной ими самими конкурентной геополитической борьбы. Однако на ближайшую перспективу перед ними будет стоять задача соблюсти баланс со всеми международными игроками в условиях, когда отношения США и России, Евросоюза и России в целом улучшаются при одновременном российско-китайском сближении. И все же в будущем ЦА, несмотря на интерес к ней в наши дни как к «мировой кладовой» и выгодной территории для транзита, останется в периферийной зоне глобализации.

*«Мировая экономика и международные отношения»,
М., 2011 г., № 5, с. 3–16.*

Анатолий Ливен,
политолог (Великобритания)
**ПОНЯТЬ ПАКИСТАН: ПОЧЕМУ ПРОСТЫЕ
РЕЦЕПТЫ ТАМ НЕ РАБОТАЮТ**

По своей значимости в глазах Запада, да и всего мира, Пакистан как региональная держава намного превосходит Афганистан. Эта оценка базируется на трезвом расчете, а не на эмоциях. В Пакистане проживает 170 млн. человек, т.е. в шесть раз больше, чем в Афганистане или Ираке, в два раза больше, чем в Иране; его население составляет почти две трети населения всего арабского мира. В Великобритании (а значит, и в ЕС) присутствует большая пакистанская диаспора. Некоторые ее представители присоединились к мусульманским экстремистам и участвовали в терактах на британской территории.

Пакистанские разведывательные службы оказали неоценимую помощь в ходе выявления связей потенциальных террористов с группами на родине и предотвращения новых терактов в Великобритании и Европе. Таким образом, хотя Исламабад лишь частично присоединился к «войне с террором», он играет в ней важную и незаменимую роль союзника. Ибо нам нужно помнить, что в конечном итоге никому, кроме законных мусульманских правительств и служб безопасности, не под силу справиться с террористическими заговорами в собственных странах. Возможно, Западу не обойтись без того, чтобы оказывать определенное давление на эти режимы, подталкивая их в нужном направлении. Но важно не переусердствовать, поскольку, унизив союзнические правительства в глазах собственного народа, мы рискуем подорвать их легитимность или даже способствовать тому, что они будут низложены.

Наконец, Пакистан обладает ядерным оружием и одной из самых мощных армий в Азии. Стало быть, вариант ввода американских сухопутных войск с целью заставить пакистанцев оказывать давление на афганский «Талибан» был бы крайне опасен, и это давно осознали в Пентагоне и среди пакистанских военных. Как бы это ни раздражало Запад, экономические стимулы и угроза отказа в их предоставлении остаются единственным способом как-то влиять на Исламабад. Однако и такие санкции сомнительны, поскольку экономический крах Пакистана на руку «Талибану» и «Аль-Каиде».

Отношения Пакистана с Индией, конечно, остаются главным фактором, определяющим поведение Исламабада на международной арене. Страх перед Индией служил одновременно и катализатором сотрудничества, на которое Пакистан пошел с США в Афганистане, и фактором, его сдерживающим. Эти опасения преувеличены, но не беспочвенны, как не беспочвенна и политика, проводимая под их влиянием. С одной стороны, беспокойство по поводу возможности американо-индийского альянса против Пакистана заставило президента Первеза Мушаррафа принять решение о предоставлении помощи Соединенным Штатам после 11 сентября и убедить военных, а для начала широкие слои пакистанского населения, в том, что такое содействие необходимо оказать. С другой стороны, страх перед Дели был для Пакистана главной причиной и предлогом, чтобы не перебрасывать дополнительные войска с восточных границ (с Индией) на афганскую границу для участия в сражении с «Талибаном». Наконец, пакистанский истеблишмент лелеял надежду на то, что участие в борьбе с талибами поможет убедить США надавить на Индию, чтобы заставить ее подписать соглашение относительно Кашмира. Отказ администраций Джорджа Буша-мл. и Барака Обамы выступить в подобном качестве (усугублявшийся нежеланием и неспособностью) развеял эту надежду. Вкупе с «американским креном в сторону Индии» он обострил у пакистанских властей ощущение предательства со стороны Вашингтона.

Однако помощь Пакистана Западу в борьбе против афганского «Талибана» в любом случае носила бы ограниченный характер, принимая во внимание стратегические расчеты и чувства широких масс. Подавляющее большинство пакистанцев, включая общины, обеспечивающие наибольшее количество новобранцев для пакистанской армии, считают, что афганский «Талибан» – законное движение сопротивления иностранной оккупации, аналогичное войне моджахедов против советской оккупации 1980-х годов.

В стратегическом отношении Афганистан вызывает у пакистанской элиты смешанные чувства – страх и амбиции. Наибольшие опасения связаны с тем, что к власти там могут прийти непустунские племена, Афганистан станет сателлитом Индии, и Пакистан окажется в окружении дружественных Дели стран. Эти страхи подпитываются вполне обоснованными подозрениями, что Индия оказывает через Афганистан поддержку националистическим повстанцам из племени белуджей, а также совершенно пара-

ноидальной верой в то, что индийское правительство поддерживает пакистанский «Талибан». Таким образом, большая часть пакистанского истеблишмента убеждена в необходимости тесных взаимоотношений с афганским «Талибаном», поскольку это единственный могущественный его союзник в Афганистане. В последние годы такое убеждение только усиливалось в связи с крепнущей уверенностью в том, что Запад потерпит крах в Афганистане и, в конечном итоге, выведет оттуда войска, которые оставят позади анархию, хаос и гражданскую войну – по аналогии с выводом советских войск после падения коммунистического режима в 1989–1992 гг. Предполагается, что в гражданской войне каждая региональная держава примет одну из сторон, и Пакистан не должен быть исключением.

Кстати сказать, даже светские представители пакистанского истеблишмента не считают, что афганский «Талибан» нравственно ущербнее, чем его давние враги – лидеры Северного альянса, на поддержку которых Запад опирается с 2001 г. Их зверства и насилие в 1990-е годы убедили пакистанских пуштунов в необходимости поддерживать «Талибан». Представители альянса безжалостно убивали взятых в плен сторонников талибов, расхищали помощь Запада после победы в 2001 г., а их роль в торговле героином уничтожила последнюю надежду на то, что после 11 сентября удастся обуздать наркотрафик.

Важно отметить, что в подавляющем большинстве случаев как среди элиты, так и в народных массах сочувствие афганскому «Талибану» или его поддержка вовсе не означают одобрения его идеологии или желания, чтобы Пакистан пережил революцию в талибском стиле. Отсюда большое различие, которое пакистанцы проводят между афганским и пакистанским «Талибаном». Ни власти, ни военные не давали пакистанскому «Талибану» ни малейшего шанса захватить власть в Пакистане. Армия долгое время не предпринимала решительных действий против местного «Талибана» потому, что в целом он не считался серьезной угрозой и воспринимался как местное пуштунское восстание, которое легко сдерживать с помощью переговоров и силы. Другая причина в том, что многие простые пакистанцы, включая солдат, считают сторонников «Талибана» введенными в заблуждение, но честными людьми, преданными идее праведного джихада в Афганистане. Кроме того, пакистанская общественность не хотела бы, чтобы государственный аппарат в интересах Америки втягивался в гражданскую войну на собственной территории. Особенно сильное неприятие

подобная политика встретила бы со стороны пуштунского населения. Наконец, пакистанская армия и разведка спонсировали войну джихадистских группировок с Индией в Кашмире, поддерживающих, в свою очередь, интенсивные контакты с пакистанскими талибами.

Как только большая часть элиты полностью осознала, что пакистанский «Талибан» действительно представляет собой серьезную угрозу для централизованного государства, весной 2009 г. армия при поддержке правительства, сформированного Пакистанской народной партией, дала талибам решительный отпор. Победы над «Талибаном» в Свате и Южном Вазиристане дали ответ на вопрос о том, устоит ли Пакистан перед талибской атакой, и предотвратили удар американских военных по пакистанской территории. Вместе с тем армия отнюдь не горит желанием воевать до победного конца с афганским «Талибаном» ради того, чтобы обеспечить победу Запада в этой стране.

Вопросы религиозной ориентации и отношения к США неизбежно наводят на мысль о связях военных с мусульманским экстремизмом как внутри Пакистана, так и за его пределами. Наличие их очевидно, но происхождение иногда неправильно истолковывается. Изначально исламистам отводилась чисто инструментальная, а не союзническая роль, и цель заключалась не в исламской революции как таковой, а в продвижении государственных интересов Пакистана (как их понимают и определяют военные и службы безопасности) – и прежде всего в противодействии интересам Индии.

Пакистанская армия в каком-то отношении достойна восхищения, но ей изначально присущ один серьезный недостаток, полностью определивший ее характер и мировоззрение. Речь идет об одержимости Индией в целом и Кашмиром в частности. Это порок не только пакистанских военных. Как сказал однажды Зульфикар Али Бхутто, «Кашмир должен быть освобожден – иначе пропадает смысл существования Пакистана». Пакистанские политики повинны в том, что внушают рядовым гражданам, будто джихад в Кашмире – законный метод борьбы. Это наносило страшный урон стране, а при определенных обстоятельствах могло привести ее саму и ее вооруженные силы к гибели. Тем не менее армия использует свой авторитет и личный опыт военачальников для того, чтобы уделять Кашмиру самое пристальное внимание.

Подавляющее большинство пакистанских солдат когда-то несли службу в Кашмире, и у многих эта служба сформировала

личное мировоззрение. Кашмир играет для Пакистана роль неосвобожденной территории (*irredenta*). Так же, как для Франции после 1871 г. Эльзас-Лотарингия, для Италии после 1866 г. Триест, а для Сербии после 1879 г. – Босния. В последнем случае сербская армия спонсировала террористов, которые, застрелив австрийского эрцгерцога Франца Фердинанда, разожгли огонь Первой мировой войны. Вот почему укрепляющийся с 2001 г. альянс Вашингтона с Индией и отказ Соединенных Штатов от прежней позиции, когда они настаивали на плебисците для определения дальнейшей судьбы Кашмира, вызывают негодование пакистанских военных. Фиксация на Индии и Кашмире не имеет исламистской подоплеки, но является по своей сути пакистано-мусульманским национализмом. За редким исключением это справедливо даже в отношении высших армейских чинов, которые оказывали непосредственную помощь мусульманским экстремистским группировкам, сражавшимся с Индией, – таких как бывший шеф Пакистанской межведомственной разведки (ПМР), генерал-лейтенант Хамид Гуль.

Большинство этих высших офицеров использовали исламистов в борьбе против Индии не разделяя их идеологии. Точно так же глубоко враждебное отношение к США таких людей, как Гуль или бывший начальник штаба генерал Аслам Бег, объясняется не мусульманским радикализмом, а негодованием по поводу доминирования Соединенных Штатов, которые, как им кажется, подчинили своему влиянию мусульманский мир. Эти чувства разделяют многие чисто светские и даже либеральные деятели. Чтобы понять чувства сотрудников ПМР и, в частности, их стратегию в Кашмире, необходимо иметь в виду, что они считали победу над советской армией в Афганистане во многом своим личным достижением. Она стала их главным институциональным мифом. Учитывая колоссальные средства, выделявшиеся США и Саудовской Аравией на помощь моджахедам, которыми фактически распоряжалась ПМР, афганский джихад 1980-х годов был также ключевым моментом, позволившим разведке получить независимую финансовую базу и усилить влияние в пакистанской армии и государстве в целом.

У ПМР появилась уверенность в том, что по отношению к Индии в Кашмире можно проводить ту же тактику, что и по отношению к Советскому Союзу в Афганистане, и с помощью тех же действующих лиц – мусульманских боевиков (вряд ли нужно повторять, что были совершены те же фундаментальные политические и геополитические ошибки). Массовые спонтанные восстания

кашмирских мусульман против индийского правления начиная с 1988 г. (все началось с протеста против подтасовки итогов выборов руководства штата, которые состоялись годом ранее), казалось, давали хороший шанс на успех. Однако в большей степени, чем в случае с Афганистаном, боевики должны были не только подготавливаться, но и вербоваться в Пакистане (и в меньшей степени в других странах мусульманского мира).

Стратегия ПМР соответствовала давнишней линии Пакистана, который добивается не столько независимости Кашмира, сколько присоединения этой провинции к своей территории. Вот почему пакистанская разведка использует пропакистанские исламистские группировки, чтобы ограничить возможности Фронта освобождения Джамму и Кашмира (ФОДК), который поначалу возглавил восстание в Кашмире. Эта стратегия включала и убийства исламистскими боевиками, получавшими поддержку от ПМР, немалого числа лидеров и активистов ФОДК, которых также отслеживают и ликвидируют силы безопасности Индии.

Однако, подобно тому как в Афганистане моджахеды, а затем и «Талибан» отказались играть по правилам, диктуемым Соединенными Штатами и Пакистаном, и стали совершенно неуправляемыми, боевики в Кашмире настроили против себя большинство коренных кашмирцев своей беспощадностью и идеологическим фанатизмом. Несмотря на усилия ПМР побудить их к сотрудничеству, они раскалываются на все более мелкие формирования и, сражаясь друг с другом, терзают и угнетают местное гражданское население. Более жесткая дисциплина в исламистской «Лашкар-э-Тайба» (ЛЭТ), как полагают, является одной из причин все большей благосклонности к этой организации со стороны ПМР.

Пакистанские военные твердо убеждены в том, что Индия никогда не согласится даже на минимально приемлемые для Исламабада условия, если над ней не будет висеть угроза партизанской войны и терактов. Между тем их непримиримо враждебное отношение к Индии объяснялось также агрессией против мусульман на территории этой страны и особенно позорной бойней в Гуджарате 2002 г., устроенной партией Бхаратия Джаната, сформировавшей правительство штата. Следует отметить, что число жертв бойни как минимум на порядок превысило количество погибших при терактах в Мумбаи, хотя западные СМИ не уделили ей и десятой доли того внимания, которое было уделено мумбайской трагедии.

Военные не на шутку встревожены тем, что в случае крупномасштабной операции против «Лашкар-э-Тайба» они сделают большинство ее сторонников восприимчивыми к агитации «Джамаат-уд-Дава» (Дуд), вербующей боевиков для пакистанского «Талибана». (ЛЭТ является боевым крылом благотворительной организации Дуд.) Поскольку ЛЭТ сосредоточила все внимание на Кашмире (а после 2006 г. – на Афганистане) и не осуществляла теракты на территории Пакистана, ПМР не предпринимала против нее никаких действий.

Пакистанские официальные лица делились с автором опасениями в связи с вероятностью массового восстания в Пенджабе, которое может вспыхнуть, если ЛЭТ/Дуд ополчится против штата и использует свою широкую сеть для мобилизации населения и организации беспорядков. По их словам, это одна из главных причин (наряду с антииндийской повесткой, о которой никто не упоминает), почему они не принимают мер против организации, как того требует Вашингтон. Однако официальные лица забывают добавить, что один из способов умиротворения «Лашкар-э-Тайба» в Пакистане – позволить активистам этой организации присоединиться к афганскому «Талибану» (или даже подтолкнуть их к этому), чтобы сражаться против войск Западной коалиции по ту сторону «Линии Дюранда». Более того, давнишняя связь некоторых офицеров ПМР с боевиками – сначала в Афганистане, а затем в Кашмире – привела к тому, что они начали отождествлять себя с теми силами, которые, по идее, должны были сдерживать.

Что касается афганских талибов, то здесь военные и ПМР едины, и тому есть прямые доказательства: они по-прежнему дают талибам убежище (но не оказывают достаточной реальной помощи – иначе «Талибан» действовал бы куда успешнее). Пакистан решительно уклоняется от принятия серьезных действий против «Талибана» в угоду Америке. Он опасается спровоцировать пуштунский мятеж у себя в стране, а кроме того, считает талибов своим единственным активом в Афганистане. Однако, что касается пакистанского «Талибана» и его союзников, межведомственная разведка сегодня твердо намерена с ними бороться. И все же в 2007–2008 гг. было много случаев вмешательства офицеров ПМР ради спасения отдельных талибских командиров от ареста полицией или армией – слишком много, чтобы это оказалось случайностью или домыслом. Поэтому совершенно очевидно, что либо отдельные офицеры ПМР лично симпатизировали этим людям, либо руководители разведки считали их потенциально полезными. Но

своими действиями они бросали прямой вызов общему курсу пакистанской армии, не говоря уже о правительстве. Более того, некоторые из этих людей были, по крайней мере, косвенно связаны с «Аль-Каидой». Это не значит, что в ПМР знали, где прячется Усама бен Ладен, Айман аль-Завахири и другие лидеры «Аль-Каиды». Однако они могли бы сделать намного больше для того, чтобы получить эту информацию.

Что касается поддержки терроризма против Индии, очевидно, что не только ПМР, но и военные в целом твердо намерены сохранять «Лашкар-э-Тайба» (замаскированную под «Джамаат-ут-Дава») – по крайней мере, «про запас». Сознывая свою роль стратегического резерва, ЛэТ до 2010 г. выступала против боевых действий на территории самого Пакистана. Ее лидеры утверждали, что «борьба в Пакистане – это не борьба между исламом и неверием», что пакистанское государство не совершает таких зверств против своего народа, как Индия, и что истинный ислам должен распространяться в Пакистане посредством миссионерской и благотворительной деятельности (дава), а не джихада.

Вопреки убеждению Запада (во многом инстинктивному), Пакистан на протяжении жизни целого ряда поколений действует в соответствии со своими несовершенными, но функциональными принципами. В последние несколько лет плохую службу Западу в этом отношении сослужило ставшее популярным понятие «несостоятельное государство» (failedstate). Было бы весьма полезно и поучительно сравнить Пакистан с другими странами Южной Азии, в которых на глазах последнего поколения вспыхивали мятежи, в двух случаях (Афганистан и Непал) фактически приведшие к низложению существующей государственной власти. Восстания в Шри-Ланке и Бирме длились дольше, разворачивались на относительно большей территории и приводили к относительно гораздо большему числу жертв, чем мятеж «Талибана» в Пакистане.

Индия – великая региональная держава и в отличие от своих соседей – стабильная демократия. Однако и в индийских штатах то и дело вспыхивают восстания, некоторые из которых не утихают на протяжении нескольких поколений. Один из мятежей наксалит-маоистских повстанцев охватил треть страны. Мятежники контролируют огромные пространства в индийской провинции – пропорционально намного большие, чем площади, находящиеся под контролем «Талибана» в Пакистане. Это не значит, что Индии угрожает опасность расчленения или развала. Просто следует помнить, что государства Южной Азии традиционно не осуществляют

прямой контроль над значительной частью своей территории и вынуждены постоянно иметь дело с вооруженным сопротивлением в той или иной своей части.

В сравнении с Канадой или Францией Пакистан, несомненно, проигрывает, Но если сравнивать его с Индией, Бангладеш, Афганистаном, Непалом и Шри-Ланкой, все не так уж плохо. Многие из того, что характерно для Пакистана, свойственно всему субконтиненту в целом – от партий, руководимых наследственными династиями, свирепой жестокости полиции и продажности государственных чиновников до ежедневного насилия и анархии в провинции. В действительности Пакистан гораздо больше напоминает Индию (или Индия Пакистан), чем обе страны готовы признать. Если бы Пакистан был штатом Индии, то с точки зрения развития правопорядка и доходов на душу населения он находился бы где-то посередине – между развитым штатом Карнатака и отсталым Бихаром. Иными словами, если бы Индия состояла только из северных штатов, говорящих на хинди, она, наверное, не была бы демократией или быстрорастущей экономической державой, а некой разновидностью обнищавшей националистической диктатуры, раздираемой местными конфликтами.

Армия остается в Пакистане важнейшим институтом по той причине, что это единственная государственная структура, где реальное внутреннее содержание, поведение, правила и культура более или менее соответствуют официальной внешней форме. И это единственная пакистанская организация, действующая в соответствии со своим официальным предназначением. Но при этом она вынуждена постоянно заниматься тем, чего от нее не ожидают: узурпирует власть, отнимая ее у более слабых, запутавшихся и нефункциональных родственных учреждений.

Западные аналитики, как правило, поступают следующим образом: когда формы местной самоорганизации отличаются от западной «нормы», они не исследуются, а считаются временным отклонением, болезнями роста или опухолью на здоровом теле, которые нужно поскорее удалить. В действительности же эти «болезни» и есть сама система, и их можно «вылечить» только путем революционных изменений. Единственные силы в Пакистане, предлагающие подобные изменения, – это радикальные исламисты, но их рецепты лечения почти наверняка прикончат «больного».

На протяжении 60-летней истории Пакистана предпринимались попытки радикально изменить страну усилиями трех военных

и одного гражданского режима. Генералы Айюб Хан и Первез Мушарраф, военные правители в 1958–1969 и 1999–2008 гг., оба равнялись на Мустафу Кемалья Ататюрка – великого светского реформатора-националиста и основателя Турецкой Республики. Генерал Зия-уль-Хак (с 1977 по 1988 г.), пришедший к власти путем военного переворота, пошел другим путем, попытавшись объединить и развивать страну, навязывая ей более строгую и пуританскую разновидность ислама, приправленного пакистанским национализмом. Со своей стороны, Зульфикар Али Бхутто, основатель Пакистанской народной партии и гражданский правитель в 1970-е годы пытался сплотить вокруг себя народ при помощи программы антиэлитарного экономического популизма, также смешанного с пакистанским национализмом.

И все они потерпели неудачу. Режимы каждого из этих деятелей были «переварены» теми элитами, которые они надеялись сместить. В результате они сбились на ту же политику патронажа, как и свергнутые ими администрации. Никому не удалось создать новую массовую партию, укомплектованную профессиональными политиками и преданными идейными активистами, а не местными «феодалами» и городским начальством и их окружением. На самом деле, за исключением Бхутто, никто всерьез и не пытался это сделать. Однако и его Пакистанская народная партия вскоре перестала быть той радикальной организацией, какой была поначалу, попав в зависимость от тех же местных кланов и покровителей.

Военные правительства, приход к власти которых строился на обещаниях избавить страну от коррумпированных политических элит, вскоре сами начинали искать в них свою опору. Отчасти потому, что ни один военный режим не был достаточно сильным, чтобы долгое время править без парламента, а в парламент входили представители тех же старых политических элит. Такой парламент фактически консервирует общество, которое военные режимы в принципе желают изменить. Требуя от подобных режимов, чтобы они одновременно осуществили реформы и восстановили «демократию», Запад показывает абсолютное непонимание внутренней обстановки.

Чтобы переломить сложившуюся ситуацию и сформировать радикальное национальное движение за перемены наподобие того, что было создано Ататюрком, необходимо наличие двух условий. Прежде всего, сильный пакистанский национализм, подобный современному турецкому национализму, – а его нет и быть не может в этнически раздробленном Пакистане. И, во-вторых, необходима

жестокость, сопоставимая с той, которую проявил Ататюрк и его последователи, подавляя этническое, племенное и религиозное сопротивление. Рассказывая красивую историю о построении нынешней хрупкой демократии в современной Турции, западные аналитики ни словом не обмолвились о том, сколько времени на это ушло и какие жертвы потребовались, чтобы построить современное турецкое государство.

Если не считать ужасающих зверств 1971 г. в Восточной Бенгалии, совершенных против населения, которое пенджабские и пуштунские солдаты считали чужаками, людьми низшего сорта, попавшими под влияние индусов, – пакистанское государство было неспособно совершать массовые злодеяния против собственного народа. В Пенджабе и Северо-Западной пограничной провинции (СЗПП) солдаты не хотели убивать свой народ, а в провинциях Синд и даже Белуджистан правительство не желало проливать кровь, понимая, что рано или поздно придется искать компромисс с местными элитами. Одна из самых поразительных особенностей военных диктатур Пакистана заключалась в том, что они проявляли значительную по историческим меркам мягкость в сравнении с аналогичными диктатурами, когда дело доходило до подавления диссидентов и критически настроенных представителей элиты. За всю историю в Пакистане были казнены только один премьер-министр (Зульфикар Али Бхутто) и несколько политиков – гораздо меньше, чем их погибло в столкновениях. Очень мало известных политиков когда-либо подвергались пыткам.

В Индии, как и в Пакистане, государство не несет ответственности за большинство нарушений прав человека. Это нечто неподвластное пониманию правозащитных групп, поскольку они исходят из современного западного опыта, а на Западе источником притеснений всегда считалось слишком сильное государство. Однако в Пакистане, как и в Индии, подавляющее большинство нарушений прав человека – следствие не силы, а слабости государственной власти. Государство можно обвинить в том, что оно недостаточно делает для того, чтобы положить конец подобным злоупотреблениям, но его способность предпринимать решительные меры крайне ограничена. Таким образом, Пакистан – как и почти вся Южная Азия и большая часть Латинской Америки – часто демонстрирует нерелевантность демократии даже в той области, которую мы привыкли считать ключевым индикатором, а именно – в области прав человека. Подавляющее большинство подобных правонарушений в Пакистане связано со зверствами наем-

ников или эксплуатацией со стороны полицейских, работающих либо на себя, либо на местные элиты; с действиями местных землевладельцев и начальства; с наказанием местными общинами за реальные или воображаемые нарушения их нравственного кодекса.

В соответствии со стандартными западными моделями и основанной на них Конституцией Пакистана, независимые избиратели осуществляют свое волеизъявление на выборах. Затем полномочия, делегированные правительству, распространяются через иерархические структуры. Они передают приказы высших должностных лиц низшим по званию чиновникам, основываясь на законах, принятых парламентом или хотя бы какой-то формальной властью. В Пакистане только вооруженные силы действуют в соответствии с установленными правилами передачи полномочий. Что касается остальной части государственного аппарата, законодательной, судебной и исполнительной, а также полиции, то их полномочия определяются в ходе постоянных переговоров. Причем насилие или угроза его применения часто становятся картой, которую может разыграть любая из сторон. Договорной характер государственной власти находит отражение и в механизмах практического осуществления демократии, поскольку последняя дает возможность выражать интересы не только простых граждан, но и всех тех классов, групп и учреждений, через которые преломляется народное волеизъявление, пока оно не находит отражения в выборных институтах. Другими словами, демократия обычно отражает не столько волю «народа» или «избирателей», сколько расклад социально-экономических, культурных и политических сил и влияния внутри общества. Природа пакистанского общества и слабость реальной демократии проявляются, в числе прочего, в отсутствии дееспособных, современных и массовых политических партий с собственными кадрами партийных работников.

Западные аналитики не в состоянии понять сегодняшние пакистанские реалии, поскольку исходят из того, что учреждения, имеющие в своих названиях такие слова, как «закон», «полиция», «право», должны действовать по установленным правилам, а не по понятиям местных элит. Точно так же распространенные на Западе представления о «коррупции» в Пакистане предполагают, что ее можно и должно устранить из жизни страны. Но коль скоро политическое устройство зиждется на покровительстве и родственных связях и коррупция неразрывно с ними связана, для победы над

ней пакистанское общество должно быть выпотрошено, как рыба на кухне.

Конечно, это именно то, что хотели бы сделать исламские революционеры. Современные исламистские политические группировки пытаются заменить кланово-патронажную систему управления «феодалных» землевладельцев и городского начальства своей версией современной массовой политики. Однако до сих пор им не удалось добиться сколько-нибудь значительных успехов. За исключением партии «Джамаат-и-ислами», исламистские политические партии сами поглощаются и «перевариваются» патронажной системой. Что касается пакистанского «Талибана» («Техрик-э-Талибан-Пакистан»), до сих пор он представлял собой примитивное объединение партизанских и террористических группировок. Они оказались бы в полной растерянности, если бы им пришлось взять на себя ответственность за решение проблем Пешавара, не говоря уже о Лахоре или Карачи.

Конечно, они в немалой степени опираются на поддержку местного; населения, недовольного вопиющей несправедливостью и угнетением в стране, и прежде всего неадекватной системой правосудия. Когда простые люди говорят о том, что уважают «Талибан» за введение шариата, это еще не значит, что они активно поддерживают его политическую программу. Скорее это почтительное отношение к шариату как части Слова Божия, продиктованного последнему Пророку, вкупе со смутным стремлением к более жесткому и быстрому правосудию, чем то, что предлагает им государство. Они хотят, чтобы это правосудие было нелицеприятным, не давало никакого предпочтения элите и осуществлялось на глазах у людей на их родном языке.

Однако до недавнего времени исламистам не удавалось достичь больших успехов в том, что касается массовой поддержки со стороны простых пакистанцев. Одна из главных причин их неудач кроется в глубоко консервативном характере большей части пакистанского общества. Ибо, вопреки господствующей на Западе точке зрения, исламистам чаще удается мобилизовать население не в отсталых, а скорее, в продвинутых частях страны.

По стандартной западной версии, согласно которой западные нормы – единственно возможный путь в современность, главная идейная борьба в Пакистане разворачивается между вестернизированными представлениями о современности (включая демократию, власть закона и т.д.) и исламским консерватизмом. Более точная оценка ситуации позволит понять, что в большинстве

своем Пакистан – чрезвычайно консервативная, архаичная, иногда даже совершенно инертная и непробудившаяся масса разнородных общин, которую изо всех сил стараются расшевелить две группы модернизаторов. На стороне западников престиж и успех западной модели в мире, а также наследие британского колониального правления, включая смутную веру в демократию. Однако им мешает консервативная природа общества и усиливающаяся ненависть к США и их западным союзникам.

Мусульманские модернизаторы ищут опору в гораздо более древней и глубоко укоренившейся традиции ислама. Однако и им мешают консервативная природа пакистанского общества, его крайняя раздробленность, неудачи революционеров в других мусульманских странах, а также тот факт, что подавляющее большинство пакистанских элит отвергает их модель по культурным и классовым соображениям. И вестернизаторы, и исламисты понимают, что между ними идет апокалиптическая битва, которая закончится торжеством добра или зла. Вместе с тем высока вероятность того, что Пакистан избавится от влияния обеих групп, перевернется на другой бок и снова заснет.

И все же Пакистан не может себе этого позволить, потому что время явно не на его стороне. В долгосрочной перспективе главное для пакистанцев не в том, кто они и какую религию исповедуют. Кем бы они ни были, им становится все теснее в границах своей страны, поскольку численность населения все время растет. В 2010 г. в Пакистане проживало от 180 до 200 млн. человек – иными словами, страна занимала шестое место в мире по численности населения. Динамика рождаемости просто ошеломляет, если учесть, что в 1998 г. число пакистанцев не превышало 132 млн. Согласно переписи 1951 г. (через четыре года после обретения независимости), в стране проживало всего 33 млн. человек, а согласно данным британской переписи населения 1911 г. – 19 млн. Таким образом, за прошедшее столетие население Пакистана выросло на порядок.

Огромный процент молодежи означает, что рождаемость еще долгое время будет оставаться на высоком уровне и прирост населения продолжится (в 2009 г. дети и подростки младше 14 лет составляли 36%). Если сохранятся нынешние тенденции, в середине XXI в. в Пакистане будут жить минимум 250 млн. человек. Это слишком много для имеющихся в стране водных ресурсов – разве только радикально повысится эффективность водопользования. Если старую индийскую экономику нередко называли «азартной

игрой с муссоном», то все пакистанское государство можно охарактеризовать как «азартную игру с рекой Инд». А изменение климата означает, что в течение следующего столетия шансы на выигрыш в ней будут все время снижаться. Многочисленные руины древних городов, начиная с развалин цивилизации IV тысячелетия до н.э. в долине реки Инд, служат наглядной иллюстрацией капризной силы воды. Эти города были либо оставлены их жителями, потому что реки меняли русло, либо смыты, как это произошло в 2010 г., когда сильнейшие наводнения уничтожили немало сел и городов.

При среднегодовом количестве осадков на уровне 240 мм Пакистан – одна из самых засушливых среди густонаселенных стран мира. Если бы не бассейн реки Инд с ее многочисленными каналами и ответвлениями, даже Пенджаб оставался бы полупустынной местностью с кустарниковым редколесьем (которое здесь называют «джунглями»), как это было до того, как британцы приступили к грандиозным ирригационным проектам. Однако чрезмерное потребление воды означает, что многие природные источники высыхают, а горизонт грунтовых вод во многих областях снижается так быстро, что подземные колодцы также могут иссякнуть в ближайшем будущем. Единственным источником останется все та же река Инд. В пылу дискуссий по поводу возможного исчезновения к 2035 г. ледников, питающих Инд, все как-то упустили из виду, что эти ледники продолжают таять. И если даже они исчезнут на 100–200 лет позже, последствия для Пакистана будут не менее катастрофичными, если в оставшееся время в стране не будет принято серьезных мер для улучшения способов хранения воды и ее эффективного потребления.

Если наводнения 2010 г являются предвестниками длительного периода муссонных дождей, это сулит Пакистану большую выгоду. Но выгоду только потенциальную, поскольку использование дождевой воды для нужд сельского хозяйства требует значительного улучшения инфраструктуры хранения и распределения воды, а также принятия радикальных мер для остановки обезлесения в горных районах и повторного насаждения растений на опустевших территориях. В противном случае обильные осадки чреваты новыми катастрофами. Правда, следует добавить, что большая часть существующей инфраструктуры сработала во время наводнений. В противном случае было бы затоплено несколько крупнейших городов и жертв оказалось бы намного больше, чем 1900 человек (по официальным данным). В течение следующего

столетия возможное долгосрочное сочетание климатических изменений, острой нехватки воды, слабой водной инфраструктуры и резкого роста населения может привести к краху Пакистана как организованного общества и государства. Долгосрочные проекты международной помощи Пакистану должны быть прежде всего сосредоточены на снижении этой смертельной угрозы за счет насаждения лесов, ремонта систем орошения и, что еще важнее, повышения культуры водопользования. Люди могут столетиями жить без демократии, даже когда опасности окружают их со всех сторон. Но без воды они не проживут больше трех дней.

Согласно исследованию, проведенному в 2009 г. Центром Вудро Вильсона, рост населения в Пакистане приведет к тому, что к 2025 г. ежегодная потребность в воде вырастет до 338 млрд. кубометров (мкм). И если не будут приняты радикальные меры, доступность воды останется на нынешнем уровне, т.е. 236 мкм в год. Дефицит в 100 мкм сопоставим с двумя третями всей воды бассейна реки Инд. Конфликт вокруг доступа к убывающим ресурсам реки Инд может привести к междоусобной войне между пакистанскими провинциями. А между тем и через 100 лет Пакистан все еще будет обладать ядерным оружием и одной из крупнейших армий в мире. К тому времени в стране будут проживать несколько сот миллионов человек.

Мусульманский радикализм, который существует уже сотни лет, тоже никуда не денется, хотя и может значительно ослабеть после вывода войск западной коалиции из Афганистана. Все это будет означать, что из всех государств мира, которые могут пострадать от изменения климата, Пакистан является одним из важнейших. Более того, то что случится с Пакистаном, будет также иметь большое значение для остальной Южной Азии, где проживает примерно пятая часть мирового населения.

*«Россия в глобальной политике»,
М., 2011 г., май-июнь с. 142–157.*

И. Иванова,

кандидат исторических наук

ТУРЦИЯ И СОБЫТИЯ НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ

На внешнеполитическом фронте Турция активно развивает конструктивные отношения с большинством арабских стран, среди которых Египет, Сирия, Иордания, Кувейт, Тунис, Марокко, Ли-

вия, Оман, Катар и Бахрейн. Турецкий президент А. Гюль, премьер-министр Р. Эрдоган и министры его кабинета часто посещают арабские страны с целью укрепления политических и экономических отношений. 2011 г. в этом плане начался достаточно активно. Сразу же после окончания конференции послов, которая проходила 3–9 января в Анкаре, президент Турции посетил Йемен, а премьер-министр – Кувейт и Катар. В официальные делегации входили представители деловых кругов Турции. Визиты турецких лидеров вызвали большой интерес не только в регионе, но и за его пределами. Особое внимание привлекли весьма резкие высказывания первых лиц государства и инициированные ими проекты. Среди них самый большой резонанс вызвали предложения Турции в связи с ядерной программой Ирана и обострение отношений с Израилем из-за блокады сектора Газа, которая продолжается и по сей день. Международный интерес, вызванный этими визитами, подогревается и тезисом «мудрой страны», выдвинутым министром иностранных дел Турции Ахметом Давутоглу (этот термин впервые прозвучал в его выступлении на январской конференции послов), который подразумевает «более активные и ориентированные на результат шаги» Турции, направленные на упрочение двусторонних отношений в регионе.

С начала 2011 г. многие страны Ближнего Востока и Северной Африки, в частности Тунис, Египет, Бахрейн, Йемен и Ливию, охватила волна народного недовольства, вылившаяся в массовые беспорядки и акции протеста против действующих в этих странах режимов. Народные восстания уже привели к падению правящих режимов в Египте и Тунисе. В первые дни событий в Анкаре господствовали «политика молчания» и подход «поживем – увидим». Изначальные заявления Р. Эрдогана и министра иностранных дел А. Давутоглу были направлены на необходимость развития демократии в регионе, а это означало, что Турция заняла нейтральную позицию, исходя из принципа невмешательства во внутренние дела государства. После того как сопротивление египетского народа на центральной площади ат-Тахрир в Каире усилилось, премьер-министр Эрдоган во время визита в Киргизию (в начале февраля) сделал заявление, подчеркнув, что необходимо прислушаться к голосу египетского народа, а победить должна демократия. Он не сказал, что Мубарак и его команда должны уйти, как того хотели протестующие, но и не стал защищать режим Мубарака. Как отметил министр иностранных дел А. Давутоглу, в Египте или в любой другой стране нельзя допустить краха государственного порядка.

В качестве примера он привел Ирак, где после оккупации страны США следовало предотвратить распад основных государственных институтов – армии, полиции и подразделений спецслужб, дабы предотвратить вероятность возникновения гражданской войны и не подвергать народ социальной, политической, экономической и физической опасности.

В начале событий позицию Анкары в отношении Египта можно было охарактеризовать как проведение реформ в условиях стабильности. Среди этих реформ, считали в Анкаре, следующие: президент Мубарак достойным образом покинет свой пост; в стране будет создано временное правительство, в котором представлены все слои народа; будет разработана новая Конституция; в сентябре 2011 г., по истечении срока президентства Мубарака, состоятся выборы; а далее начнется процесс развития демократического общества и проведения кардинальных реформ с целью разрешения социально-экономических проблем. Однако все это не означало, что Анкара полностью оказалась вне происходящих событий. Турецкие лидеры, учитывая риск негативного отражения событий в собственной стране, косвенными путями прилагали усилия в целях осуществления «реформ в атмосфере стабильности» в странах Ближнего Востока, охваченных волнениями. По данному поводу премьер-министр Эрдоган несколько раз беседовал с президентом США Б. Обамой, а министр иностранных дел А. Давутоглу провел с Х. Клинтон переговоры по телефону и встречу в формате «один на один». С другой стороны, египетские «Братья-мусульмане» были в постоянном взаимодействии со своими сторонниками в Турции. Представитель организации «Братья-мусульмане» в Турции Эшреф Абдулгаффар в своем заявлении по телеканалу ТРТ отметил готовность к «реформам в атмосфере стабильности».

Вскоре после отставки президента Х. Мубарака и перехода власти к Высшему совету вооруженных сил (ВСВС) президент Турции А. Гюль посетил Каир с однодневным рабочим визитом. Согласно заявлению Гюля, цель визита заключалась в том, чтобы выразить поддержку народу Египта, вступившему в новый этап своей истории. Таким образом, как пишет турецкий политолог С. Кохен, президент Турции продемонстрировал солидарность с египетским народом и выразил поддержку Высшему совету вооруженных сил. Самой важной стороной визита была встреча А. Гюля с председателем ВСВС Египта М.Х. Тантауи и лидерами главных оппозиционных групп. А. Гюль отметил, что военным

выпала важная миссия способствовать скорейшему переходу Египта к демократическому порядку и парламентаризму, создав условия для проведения свободных выборов, передать власть гражданскому руководству. Анкара готова поделиться своим опытом в процессе перехода Египта к демократическому правлению. И в обозримом будущем могут быть созданы все условия для сотрудничества двух стран. Египетская и арабская пресса, подчеркивая важность визита А. Гюля в Египет, цитировала его высказывание: «Необходимо, чтобы Египет вновь добился политической и экономической стабильности и снова стал важным актором в регионе».

Вопрос о «турецкой модели» и о том, может ли она стать образцом для демократических движений в арабских странах, обсуждается в дипломатических, академических кругах, в прессе. Так, заместитель премьер-министра Великобритании Клегг указал, что Турция является важной моделью для стран региона. Клегг, в частности, подчеркнул: «Турция, большинство населения которой мусульмане, член НАТО, добивающийся вступления в ЕС, с динамично многопартийной демократией, являет собой важный образец для арабских стран».

Опрос общественного мнения, проведенный Фондом турецких экономических и социальных исследований в семи арабских странах (Египет, Иордания, Ирак, Сирия, Ливан, Палестина и Саудовская Аравия) и Иране по ряду вопросов, включавших: «роль Турции на Ближнем Востоке; Турция и членство в ЕС; Турция как модель для других стран, – дал следующие результаты: 75% опрошенных положительно воспринимают Турцию в таких областях, как дипломатия в регионе, экономика, Турция и демократия. Примечательно, что 78% считают, что Турция должна играть еще большую роль в регионе. По мнению опрошенных, Турция, рассматриваемая как демократическая страна, скоро станет реальной экономической силой в регионе, учитывая ее успехи в развитии экономики. Демократия, ислам, экономика и внешняя политика – четыре важных индикатора, которые отражают нынешнее восприятие Турции на Ближнем Востоке. Делают ли эти элементы Турцию «моделью»? Многие считают – да. Но Турция вовсе не позиционирует себя как «модель» для кого-либо. И турецкий президент А. Тюль, и премьер-министр Р. Эрдоган, и другие официальные представители правящей в стране ПСР заявляли об этом не раз.

Перед большинством арабских стран стоят задачи: улучшение государственного управления, борьба с коррупцией, создание

институтов демократии, проведение свободных и честных выборов и более эффективной экономической политики. Но арабские страны, считает турецкий исследователь И. Калын, не нуждаются в Турции или другой стране для претворения их в жизнь. Премьер-министр Турции Р. Эрдоган в интервью немецкой газете «Rheinische Post» 26 февраля 2011 г. на вопрос, какое место может занять Турция как мусульманская страна и сможет ли она стать моделью для арабских стран, ответил: «Конечно, мы пристально следили за развитием событий в этом регионе... Хотя Турция и разделяет с арабскими странами общую культуру, традиции и историю, у каждой страны есть свои отличия, и поэтому нельзя ожидать, что все страны региона будут использовать какую-то определенную модель – Турция поддержит усилия стран региона на пути реформ и готова поделиться своим опытом. Наша страна демонстрирует возможность совместного сосуществования демократии, модернизации и ислама. Будучи частью Европы, Турция является членом многих западных организаций, но при этом имеет коренные связи с ближневосточными странами». Как пишет известный в Турции политический обозреватель Р. Тюрмен, события, начавшиеся в Тунисе в начале 2011 г. и приведшие к свержению Бен Али, а затем Х. Мубарака в Египте, по «принципу домино» распространились и на другие арабские страны.

Однако «принцип домино» имеет свои особенности в той или иной стране. Бен Али и Х. Мубарак хотя и противились народным выступлениям, но перемены в этих странах прошли без большой крови и в короткий срок. А между тем ливийский лидер М. Каддафи, опираясь на преданные ему вооруженные силы, попытался подавить восстание и удержаться у власти. В том, что страна находится на грани катастрофы, большая доля вины самого М. Каддафи. Ливия оказалась перед угрозой хаоса и раздела. Премьер-министр Турции Р. Эрдоган подчеркнул, что Турция не может оставаться безучастной в отношении народных движений в арабских странах, и обвинил при этом Запад в том, что он демонстрирует свое безучастие, отдавая предпочтение «нефти и рынкам». С другой стороны, он выступил против «внешней интервенции в Ливию». Р. Эрдоган в телефонном разговоре с М. Каддафи и его сыном пытался давать им советы, но не получил никаких результатов. Несмотря на это, Р. Эрдоган продолжал настаивать на том, что «перемены в арабском мире должны идти своим ходом без внешнего вмешательства».

В ночь на 18 марта 2011 г. Совет Безопасности ООН принял резолюцию № 1973 по Ливии, ввел запрет на все полеты над Ливией, кроме гуманитарных полетов. СБ ООН также санкционировал «любые действия по защите мирных жителей», что развязало руки странам НАТО. Турция выразила поддержку резолюции СБ ООН и призвала к прекращению насилия против мирных жителей. После принятия этой резолюции в Париже состоялась встреча госсекретаря США, представителей ЕС, генеральных секретарей ООН и Лиги арабских государств с целью обсуждения дальнейших шагов в отношении Ливии. 19 марта французские самолеты начали бомбить Ливию. Турция заняла колеблющуюся позицию. Выступая против иностранной интервенции, Анкара поддержала резолюцию СБ ООН. Но поскольку «в глазах мирового общественного мнения, – как пишет обозреватель газеты «Миллиет» Р. Тюрмен, – Турция рассматривается как сторонница Каддафи, она не была приглашена на Парижский саммит, хотя, как правило, она приглашалась на различные встречи ЕС».

Начало авиаударов международной коалиции по территории Ливии подверг критике министр иностранных дел Турции А. Давутоглу, который отметил, что Анкара «проявляет все большую озабоченность сложившейся ситуацией в этой североафриканской стране». В своей речи 22 марта в парламенте премьер-министр Турции Р. Эрдоган заявил: «Мы выступаем за то, чтобы проблемы Ливии решались народом этой страны, а не внешними вмешательствами. Наши опасения относительно операции, проводимой против Ливии, являются в высшей степени оправданными. ...В прошлом такие операции не приносили никакой пользы, а наоборот, приводили к росту жертв, превращались в оккупации, наносили ущерб единству стран... Подчеркиваю, – сказал Р. Эрдоган, – что Турция ни при каких условиях не станет стороной, которая направит оружие против народа Ливии». Он также отметил, что отношения между Турцией и Ливией «не основаны на нефти или корыстных интересах». Р. Эрдоган сказал, что в Анкаре внимательно и постоянно отслеживают ситуацию в Ливии и регулярно проводят переговоры с заинтересованными странами.

Разговор Р. Эрдогана о ситуации в Ливии с президентом США Б. Обамой состоялся 21 марта. Турецкий премьер сообщил ему, что 1 марта лично призвал М. Каддафи добровольно оставить свой пост и передать власть в Ливии тем, кому полностью доверяют в этой стране. «Политика Турции является предельно четкой. Она будет всегда поддерживать всяческие усилия, направленные

на обеспечение внутреннего мира в Ливии», – заявил глава турецкого правительства. «Турция заняла достаточно рискованную, но изменившуюся к лучшему позицию», – пишет турецкий политолог М. Биранд. По его мнению, политика сомнений осталась в прошлом. На первый план выходят следующие факторы: Турция против использования в Ливии оружия; Турция выступает за прекращение военной интервенции в регионе; Турция против возможной оккупационной операции; в рамках НАТО Турция готова участвовать в оказании гуманитарной помощи.

«Ветры перемен в регионе, с одной стороны, дают Турции возможность сыграть активную роль и усилить свое влияние здесь, однако, с другой стороны, рождают риск расшатать близкие отношения с некоторыми странами», – пишет турецкий политолог С. Кохен. И с этой точки зрения, по его мнению, наиболее критичной страной является Сирия, которая в последнее время стала ареной кровавых событий. «Действительно, Б. Асад готов идти на некоторые политические и экономические реформы, но предугадать, насколько они могут успокоить народ, очень сложно». Для Турции, подчеркивает турецкий исследователь, «очень важно как проведение реформ в Сирии, так и сохранение стабильности, т.е. сохранение правления Б. Асада. В противном случае 1) могут быть подорваны двусторонние отношения, развивавшиеся за последние годы; 2) нарушение стабильности в Сирии приведет региональный баланс в полный беспорядок; 3) может всколыхнуть сепаратистские чувства курдов на Севере страны». Другой турецкий политолог, М. Биранд, выражая тревогу по поводу событий в Сирии, указывает, что «если и есть лидер, который может действительно изменить Сирию, – так это только Асад. Молодой, открытый реформам, хорошо осознающий, что надо молодежи. Единственная проблема – сможет ли он избавиться от пожилой команды, доставшейся от отца. И другой его козырь – Турция». Биранд утверждает, что если «Асад избавится от паранойи старой команды и прислушается к советам Анкары, он укрепит свои позиции. И премьер-министр Эрдоган желает ему удачи. И в этом он абсолютно искренен, поскольку в интересах Турции стабильная Сирия под руководством Асада».

Турция внимательно следит за ситуацией в Сирии. Премьер-министр Р. Эрдоган провел телефонные переговоры с Б. Асадом, министр иностранных дел А. Давутоглу по дипломатическим каналам и через СМИ отметил необходимость проведения в Сирии эффективных реформ для мирного преобразования страны. Поезд-

ка главы турецкой нацразведки в Дамаск получила освещение в СМИ. Хотя заявления по поводу целей поездки не было сделано, можно предположить, что они касались и процесса реформ в Сирии. У Турции с Сирией давние соседские отношения, в последние годы между странами в положительном русле развивались многосторонние отношения. Нельзя не учитывать отмену визового режима между странами и подписание в рамках основанного в 2009 г. Совета стратегического сотрудничества высшего уровня множества соглашений в социально-экономической, торговой, политической сферах, в области безопасности. Отношения Турции с Сирией имеют значение не только на двустороннем уровне, но и также в арабско-израильском мирном процессе, в региональных вопросах, касающихся Ирака, Ирана, Ливана.

Глава МИД Турции А. Давутоглу 6 апреля 2011 г. совершил визит в Дамаск, где встречался с президентом Сирии Б. Асадом и министром иностранных дел В. Муаллимом. На встречах А. Давутоглу, напомнив, что для Турции Сирия является ключевой страной на Ближнем Востоке, подчеркнул, что «с первых дней, когда в регионе начали дуть ветры перемен, турецкая сторона настойчиво призывала к проведению в Сирии необходимых реформ». А. Давутоглу заявил, что в событиях, происходящих в Сирии Турция не берет на себя роль посредника, это внутреннее дело, однако «все происходящее в Сирии окажет воздействие на Турцию, а происходящее в Турции – на Сирию». Перед визитом в Сирию А. Давутоглу посетил Бахрейн, где встречался с премьер-министром принцем Халифой бен Салманом, министром иностранных дел шейхом Халидом бен Ахмедом и представителями оппозиции. В ходе переговоров были обсуждены последние события на Ближнем Востоке и в Бахрейне. В заявлении, сделанном после переговоров, А. Давутоглу указал: «Мы поддерживаем реформы в Бахрейне, которые сделают его более сильным. Мы против каких-либо религиозных разногласий здесь. Если религиозные разногласия становятся предметом политики, это порождает серьезные проблемы. Религия должна объединять, а не разделять людей. Мы придаем большое значение целостности, стабильности и процветанию Бахрейна». Таковы основные подходы Турции к событиям на Ближнем Востоке, результаты которых просчитать на данном этапе очень сложно.

«Азия и Африка сегодня», М., 2011 г. № 5, с. 6–9.

СОЦИАЛЬНЫЙ ВЗРЫВ НА АРАБСКОМ ВОСТОКЕ

Редакция журнала «Мир и согласие» обратилась к директору Центра арабских исследований Института востоковедения РАН Александру Филонику и эксперту Института востоковедения, арабисту Борису Долгову с просьбой прокомментировать события на Арабском Востоке.

Вопрос: В чем, на Ваш взгляд, состоят основные причины развернувшихся в странах Арабского Востока антиправительственных выступлений? И что послужило непосредственным поводом для их начала?

А. Ф.: В этом плане можно говорить о разных причинах, но главные из них состоят в том, что мировой финансовый кризис, который по-разному проявился в странах региона (Тунисе, Алжире, Египте, Йемене), «наложил» на присущие государствам Арабского Востока социально-политические проблемы. К числу этих проблем можно отнести, во-первых, серьезную социальную дифференциацию, большие разрывы в доходах между бедной и богатой частями населения этих стран, а во-вторых, крайне низкий уровень занятости людей. Известно, что основу крупной «армии безработных» в регионе составляет молодежь до 25 лет, у которой, по сути, нет перспектив встроиться в окружающий мир и найти достойное место. Согласно данным ООН, к 2015 г. население арабского мира возрастет примерно до 400 млн. человек со 150 млн. в 1980 г. Таким образом, проблема создания для молодежи и людей среднего возраста новых рабочих мест в арабских странах является на сегодня крайне острой. Тем более учитывая тот факт, что большинство этих стран не обладает стабильной экономикой, включая наличие развитых отраслей обрабатывающей промышленности, опираясь на которые можно было бы успешно «выходить» на внешний рынок. В системе образования ряда арабских стран, и в частности Египта, к тому же существовали определенные перекосы, которые негативно отразились на занятости, – готовились в основном специалисты в гуманитарных, а не технических областях, которые, в конечном итоге, оказались невостребованными. Наконец, следует также подчеркнуть, что для стран арабского региона свойственны авторитарные политические режимы, раздувшие коррупцию, nepotизм до гигантских размеров, и непропорционально большой государственный аппарат. Характерным при этом является также срастание политической и экономической элит, когда в руках властной верхушки оказываются сосре-

доточенными огромными капиталами, а также наиболее прибыльные отрасли экономики. Что касается того, как повлиял мировой финансовый кризис на события в регионе, то следует упомянуть, что он, во-первых, во многих странах привел к снижению доходной части бюджетов и ухудшению макроэкономических показателей, а во-вторых, вызвал существенное повышение цен на продовольственные товары, что стало серьезным ударом для и без того бедного населения. Помимо этого, возникли кризисные явления в туристической отрасли там, где она наиболее развита (Египет, Тунис), произошло снижение числа работающих за рубежом (как правило, в богатых странах Персидского залива) гастарбайтеров, многие из которых вернулись на родину (Египет).

Б. Д.: Безусловно, кризис в Египте, Тунисе и других странах Арабского Востока, который мы наблюдаем, является системным кризисом, который давно назревал. Это кризис социально-экономический и политический одновременно, кризис всего общества. Неожиданным он стал, пожалуй, только для неспециалистов. Говоря о параметрах этого кризиса, следует отметить, например, что в Египте 40% населения живут менее чем на 2 долл. в день. При этом, по последним сообщениям, капиталы семьи президента Мубарака оцениваются в 25 млрд. долл.; экс-президент и его близкие являлись также обладателями вилл, яхт, самолетов и т.д. Египтянам это было известно и раньше, а в ходе кризиса эта информация стала достоянием широкой международной общественности (более того, стало известно также о махинациях, которые осуществлялись близким окружением Мубарака, – о спекуляциях с землей, которая покупалась и затем перепродавалась, спекуляциях с закупочными ценами на зерно, которые привели к зерновому кризису и т.д.). Разрыв доходов между богатыми и бедными в Египте, низами и экономической элитой, которая к тому же 30 с лишним лет находилась у власти, как говорится, налицо. В дополнение к этому следует отметить, что политические процессы в большинстве арабских стран безраздельно управлялись этой самой правящей верхушкой, и так происходило на протяжении многих десятилетий. Предвыборные кампании, например, проводились в соответствии с налаженными технологиями, конечным результатом которых являлось, как правило, получение перевеса в парламенте сторонниками правящей партии, что всегда обеспечивало преемственность политического курса.

Акции протеста в странах региона начались и проходили фактически под одними и теми же лозунгами – свержения дейст-

вующей власти (отставки президентов и правительств), проведения честных открытых выборов, демократизации политической системы, внесения изменений в конституцию. Везде они сопровождались публикациями о коррупционных скандалах, в которых главными фигурантами выступали представители высшего руководства этих стран либо их ближайшее окружение. Интересен, на мой взгляд, еще один момент. На политическую мобилизацию населения арабских стран повлиял также такой значимый фактор, как наличие новых электронных и мобильных средств связи, которые широко использовались при организации демонстраций и акций протеста. В начале февраля из египетских источников, например, поступила информация о некоем Ваиле Ганиме – египетском инженерере, специалисте по техническим системам связи, который практически в одиночку с помощью мобильной связи смог организовать массовые выступления в стране. Начиная с декабря 2010 г. антиправительственные выступления проходили в Тунисе, затем, согласно «эффекту домино» и во многом благодаря новым техническим средствам «мобилизации», взрыв недовольства «перекинулся» на Египет, Алжир, Иорданию и достиг Ирана, Ливии и Бахрейна. Далеко не случайно нередкими стали сообщения, что власти тех или иных стран региона стали проводить отключения мобильной связи и Интернета, чтобы не допустить эскалации социальных выступлений.

Вопрос: Означает ли это, что акции протеста в арабских странах были организованы какими-то политическими силами внутри этих стран или международными политическими игроками?

А. Ф.: Антиправительственные выступления в странах региона происходили во многом спонтанно. Учитывая, что в основном для арабских стран характерны авторитарные политические режимы со слабой политической оппозицией, оппозиционные партии и движения почти везде играли второстепенную роль. Они начинали «перехватывать» лозунги масс и пытаться вести за собой участников антиправительственных выступлений не с самого их старта, а только на последующих этапах развития политического кризиса. Роль религиозного фактора, т.е. влияние мусульманского духовенства на развитие политических и социальных протестов, тоже была достаточно слабой. В основном мы наблюдали протестные выступления, которые носили исключительно светский характер, это не были акции протеста исламистского толка. В силу определенных причин движение «Братьев-мусульман», несмотря на

влияние в некоторых слоях населения, в ходе антиправительственных выступлений не стало себя активно проявлять. Даже если представители «Братьев-мусульман» и принимали участие в акциях социального протеста, то себя не афишировали. В результате на площади Тахрир не было отмечено никаких акций, которые можно было бы связать с исламистским движением, и в частности, никто из демонстрантов не выступал с исламистскими лозунгами типа «Аллах Акбар!» или «Ислам – это выход».

Искать какие-то внешние силы, которые могли «инспирировать» взрыв недовольства арабского населения, также, видимо, нет оснований. Только позднее США, Европейский союз, Израиль сформулировали свою позицию в отношении разворачивающихся событий и начали давать им оценки. В отношении египетских событий те же Соединенные Штаты вообще вели себя достаточно противоречиво: так, вначале Барак Обама заявил, что Мубарак должен уйти, затем представители Госдепартамента, рассматривающего деятельность бывшего египетского президента как способствующую миру и стабильности на Ближнем Востоке, пытались дезавуировать эти заявления. Что касается формулы ухода Мубарака с президентского поста, то она, по данным кувейтской газеты «Аль-Кабас», была достигнута при участии в переговорах главы МИД ОАЭ и, очевидно, других высокопоставленных политиков арабских стран и стран Персидского залива. По всей видимости, участвовали в разработке новой «переходной модели» власти и американцы, судя по той быстрой реакции, с которой официальный Вашингтон выступил в связи с передачей власти в Египте. 11 февраля 2011 г. Высшему совету Вооруженных сил (имеется в виду речь Обамы в ответ на эти события).

Б. Д.: Я абсолютно согласен с мнением, что социальные выступления в арабских странах носили стихийный характер, объясню почему. Для всех арабских стран огромной, бедой является наличие огромной массы безработной молодежи – дипломированных специалистов, которые не могут найти себе применение. Они вынуждены заниматься мелкооптовой торговлей, мелким бизнесом, т.е. они либо полностью, либо частично безработные, и у них либо очень низкий уровень доходов, либо таковых вообще нет, и их кормят работающие члены их семей. Причем эти молодые люди четко понимают, что они не будут иметь постоянной работы, что у них нет никаких перспектив для развития. По сути, они составляют горючий материал, «зажечь» который не составляет особого труда. То есть не нужно даже каких-то конкретных людей – орга-

низаторов социального протеста. Повышение цен, которое прошло в начале января во многих странах региона, а также пример Туниса, «вдохновивший» социально активные слои населения, – это и были непосредственные мобилизующие факторы. А в целом, ввиду того, что во многих арабских странах, как уже говорилось, подспудно развивался системный кризис, стоило появиться даже такой небольшой искре, как она привела к эскалации кризисных явлений.

Вопрос: Можно ли говорить о том, что в Египте кризис в экономике и социально-политической сфере оказался наиболее острым, чем в соседних странах?

Б. Д.: Да, это действительно так. Накал экономического и социального кризиса в Египте был обусловлен многими причинами, и в первую очередь он был связан с особенностями структуры экономики страны, вытекающими из ее физико-географического положения. Не следует забывать, что Египет – страна, которая расположена в пустыне, в ней лишь малая толика территории пригодна для проживания и хозяйственного освоения (дельта и долина Нила). Именно на ней сосредоточена большая часть 83-миллионного населения страны. Главная особенность экономической системы Египта состоит в том, что она работает в условиях постоянного дефицита ресурсов и характеризуется крайне нестабильной системой воспроизводства. Имеется в виду, что практически все «источники роста» (источники доходов) египетской экономики крайне нестабильны и могут оскудевать в зависимости от изменения внешних условий. К этим источникам экономического роста относятся доходы от экспорта и транспортировки углеводородов – нефти и газа (при этом нужно учитывать, что Египет добывает нефть в достаточно небольших количествах и не является, в отличие от стран Залива, чистым нефтяным экспортером), от эксплуатации Суэцкого канала, от сельского хозяйства, туризма, и наконец, от трансфертов рабочих, работающих за рубежом. Две последние сферы с началом мирового кризиса начали испытывать на себе трудности. Из-за финансового кризиса в странах Персидского залива (в частности, в Дубае) множество эмигрантов вернулись в Египет, и этот источник доходов сильно ослабел. В туристической отрасли, равнее приносившей прибыль в 10 млрд. долл. в год, кризисные явления начались еще в прошлом году, а из-за антиправительственных выступлений в Каире от 2 млн. туристов, находящихся в Египте, почти никого не осталось. Суэцкий канал – тоже крайне нестабильная система, с судами часто происходят

аварии, и это приводит к штрафам, которые Египет должен выплачивать. Еще один источник доходов бюджета – официальная помощь других стран и зарубежные инвестиции – также не является постоянным и зависит напрямую от того, какова экономическая ситуация в стране и в мире в целом.

А. Ф.: Характеризуя ситуацию в Египте, хотелось бы упомянуть о противоречиях в хозяйственной политике египетского правительства. В стране до сих пор оказался не до конца завершен переход от централизованной экономики, где большую роль в свое время играл государственный сектор, к свободному рынку (частному сектору). Кроме того, сам переход к свободному рынку, который был осуществлен в 1970-е годы президентом Анваром Садатом, по сути, произошел в Египте в «антисоциальных» формах, которые сохранились и на перспективу. Открытие экономики создало в Египте прослойку «жирных котов», т.е. людей, которые разбогатели не столько на производственных операциях, сколько на финансовых спекуляциях на внешнем рынке и внутри страны. Обеднение на этом фоне масс вызвало в свое время большие социальные протесты (Египет в 1977 г. охватили массовые волнения, в ходе которых обездоленные слои требовали вернуть дотирировавшиеся цены на продовольственные товары и выдвигали другие социальные лозунги). С тех пор и до января нынешнего года крупных социально-политических выступлений в стране не происходило, но учитывая, что значительная часть египетского народа находится за чертой бедности, социальные волнения явно подспудно назревали. С другой стороны, на зревшее десятилетиями недовольство масс и негативные проявления нынешнего мирового финансового кризиса в Египте «наложились» просчеты в социальной политике, связанные с погоней за макроэкономическими показателями. Осуществляя курс на социально-экономическую модернизацию и стабилизацию основных параметров, правительство довольно четко следовало в русле рекомендаций Международного валютного фонда и Всемирного банка, чтобы выполнить формальные требования, которые перед ним ставились, – сократить государственные инвестиции в экономику, вывести на ведущие позиции частный сектор, уменьшить дефицит и внешнюю задолженность. В этом правительство Египта в определенной мере преуспело, однако сложные условия роста экономики страны, о которых говорилось выше, далеко не способствовали успешному продвижению по пути улучшения условий жизни простых людей. Погоня за экономическими успехами и достаточно быстрые темпы

осуществления структурных реформ не смогли компенсировать невнимания к нуждам людей. Ситуация усугубилась из-за мирового кризиса, отразившегося на расходах на закупку продовольствия, росте цен, снижении прожиточного минимума неимущих групп. Таким образом, экономические проблемы сыграли заметную роль в беспорядках, возникших на социальной почве.

Вопрос: Самой обсуждаемой новостью последней недели февраля в арабском регионе стали уход с политической сцены президента Египта Хосни Мубарака и передача власти в стране Высшему совету Вооруженных сил. Какое значение эти события имели для Египта? Каковы перспективы дальнейшего политического урегулирования в Египте и какие важнейшие задачи теперь стоят перед новым руководством страны?

А.Ф.: Отставка президента Египта Хосни Мубарака сопровождалась передачей власти Высшему совету Вооруженных сил, который возглавил министр обороны страны Хусейн Тантауи. В этот совет вошли вице-президент Египта Омар Сулейман, глава Генерального штаба страны и руководители всех ключевых видов Вооруженных сил – Сухопутных войск, ВВС и ВМФ. Ведущая роль в совете, возможно, будет принадлежать вице-президенту страны Омару Сулейману, которому некоторые комментаторы прочат роль преемника Мубарака. Высший совет представляет собой фактически переходную модель власти. Как следует из заявлений самого этого органа, он будет действовать в таком составе и с переданными ему полномочиями до парламентских и президентских выборов, которые намечены на сентябрь этого года (в связи с чем, кстати, Высшим советом был распущен действующий парламент). Главной задачей Высшего совета Вооруженных сил в рамках «переходного периода» станет политическая и социальная стабилизация в Египте и удержание событий в стране под контролем. Еще одной важной задачей станет разработка основ новой конституции, что являлось одним из требований демонстрантов на площади Тахрир. Важно отметить тот факт, что премьер-министру Египта и многим другим членам кабинета министров в ходе процесса «передачи власти» удалось сохранить свои посты, и это является еще одним подтверждением того, что кардинальной политической революции или ротации элит в Египте не произошло. Таким образом, можно говорить о том, что демонстранты, несколько недель митинговавшие в центре Каира, одержали лишь формальную (если не пиррову) победу.

Вопрос: В результате кризиса власть в Египте была передана в руки военных. Вы этот факт позитивно или негативно оцениваете? Какую роль в целом египетская армия сыграла в ходе политического урегулирования?

Б. Д.: Египетская армия в ходе социально-политического кризиса, развернувшегося в Египте, безусловно, сыграла позитивную роль. Она выступила как стабилизирующий фактор, не давая скатиться стране в совершенный политический хаос. В этом плане с Египтом контрастировала ситуация в Тунисе, когда армия не поддержала режим и отказалась выполнять приказы президента Бен Али. То есть произошел раскол в правящей верхушке, армия президента не поддержала, и в результате президент вынужден был покинуть страну. В Египте же события развернулись по другому сценарию – армия до конца поддерживала президента Мубарака, а также, не применяя силу, взяла на себя роль «гаранта безопасности» на площади Тахрир (в течение нескольких недель выступлений военные и силы безопасности Египта блокировали площадь Тахрир и разнимали стычки между сторонниками и противниками президента). Учитывая ее роль гаранта безопасности, не является случайным, что оптимальной моделью «переходной власти» была признана временная передача властных полномочий высшему армейскому руководству страны.

Вопрос: Укрепили ли египетские оппозиционные силы и партии свое влияние на население в ходе произошедшего кризиса, и какие оппозиционные силы следует рассматривать как реальных претендентов на власть в Египте?

А.Ф.: Оценивая роль политической оппозиции в социально-политических выступлениях в Египте, нельзя утверждать, что она была той силой, которая вела за собой народные массы и возглавляла политический протест. Только после того, как протест в стране принял массовый характер, оппозиционные силы начали структурироваться, выдвигать свои требования и своих лидеров.

Самой крупной политической партией в Египте на сегодня является правящая Национально-демократическая партия. К кризисным событиям Египет подошел именно с этой партией во главе и еще с несколькими партиями и организациями, не являющимися массовыми и представляющими все слои народа. Речь идет о таких партиях, как «Вафд», «Группа 6 апреля» (или «Аль-Кефая»), «Аль-Гад» («Завтра»). Наиболее успешной из них можно, видимо, считать «Аль-Кефая» (что по-арабски означает «довольно»), которая была сформирована представителями египетской молодежи менее

чем год назад на волне демонстраций в промышленном пригороде столицы Египта Махалля аль-Кубра. Эта группа фактически первой из оппозиционных сил проявила себя на площади Тахрир. Приняли участие в движении социального протеста и другие политические и общественные объединения Египта. И в частности, египетские профсоюзные организации, выполняющие роль связующего звена между рабочими массами и руководителями предприятий (высказываются мнения, что около одной трети профсоюзов контролирует движение «Братья-мусульмане»), а также образованная незадолго до начала антиправительственных выступлений Национальная коалиция за изменения, которую возглавил прибывший в страну крупный международный чиновник и египтянин по происхождению, экс-глава МАГАТЭ Мохаммед аль-Барадеи.

Египетские партии, по сути, представляют собой «картонную» оппозицию, не обладающую особым влиянием на широкую общественность. Достаточно слабы они и в организационном отношении, и в этом смысле их участие в выступлениях мало что изменило. Еще один важный момент заключается в том, что египетская оппозиция пока так и не смогла выдвинуть из своей среды достаточно сильных и харизматичных политических лидеров, которые могли бы претендовать на президентский пост и другие высшие государственные должности в Египте. Ни лидеры «Аль-Кефая» и «Аль-Гад», ни аль-Барадеи или Амр Муса такими фигурами не являются. В целом возможности для развития у египетской оппозиции, конечно же, имеются, но пока она весомой силы в стране не представляет. И только будущее может показать, насколько она сумеет укрепить свое влияние и претендовать на власть.

Вопрос: А о египетском движении «Братья-мусульмане» можно сказать то же самое? Растет ли популярность в стране этого исламистского объединения и выдвигаемых им лозунгов?

Б. Д.: Что касается движения «Братья-мусульмане», то нужно признать, что это очень мощная для Египта политическая организация. В Египте нет других оппозиционных сил, которые могли бы похвастаться таким количеством охваченных своим влиянием людей – по приблизительным оценкам, от 15 до 25% населения (некоторыми экспертами при этом называются и более высокие цифры). Хотя об этом нет никаких достоверных данных, можно предположить, что движение «Братьев-мусульман» лучше структурировано и обладает более широким составом, чем другие

египетские политические объединения. И все это несмотря на то, что деятельность этого радикального движения запрещена с 1954 г., причем и к ближайшим выборам оно тоже вряд ли будет легализовано – это могло бы взорвать политическую обстановку в стране.

А то, что у «Братьев-мусульман» большие политические амбиции и что они проявляют в последние годы очень высокий уровень политической активности, постоянно напоминая о себе, – это непреложный факт. Именно «Братьев-мусульман» считают ответственными за такие громкие теракты в Египте, как взрывы в коптской церкви и расстрел более 50 итальянских туристов в конце 1990-х годов. Свое политическое влияние это радикальное движение укрепило несколько лет назад, проведя своих членов в качестве независимых кандидатов в египетский парламент предыдущего созыва (всего им было получено около 10% голосов). В социальных выступлениях последнего месяца в Каире «Братья-мусульмане» открыто не принимали участия, оставаясь «за кадром», а точнее – оказывая влияние на события в своих интересах как бы «из-за спин» демонстрантов. Результатом стало то, что официальные власти Египта (Омар Сулейман) практически инициировали с ними переговоры о политическом урегулировании. Также «Братья-мусульмане» провозгласили, что намерены создать собственную партию, которая выступит на сентябрьских выборах.

Говоря о ситуации, вряд ли нужно серьезно воспринимать угрозу, что «Братья-мусульмане» в скором времени придут к власти в Египте. Такое вряд ли может произойти. На ближайших выборах, скорее всего, целью движения будет получить достаточное количество голосов в египетском парламенте с тем, чтобы принять дальнейшее участие в борьбе за власть и перераспределении экономических и политических ресурсов – а эти процессы, безусловно, только усилятся после подведения итогов сентябрьской кампании. Но даже если своих сторонников во власть «Братьям-мусульманам» провести не удастся, в любом случае это объединение будет оставаться серьезным фактором, влияющим на политические события в стране. Причем его шансы будут тем выше, чем сильнее будет политический раскол в Египте и чем острее будет борьба между различными группировками политической и экономической элиты.

«Мир и согласие», М., 2011 г., № 1, с. 39–50.

О. Меренкова,

публицист

(Музей антропологии и этнографии

им. Петра Великого РАН)

**ВЛИЯНИЕ НАЦИОНАЛЬНОГО
И КОНФЕССИОНАЛЬНОГО АСПЕКТА
ИДЕНТИФИКАЦИИ БЕНГАЛЬЦЕВ
НА ФОРМИРОВАНИЕ НЕЗАВИСИМОГО
ГОСУДАРСТВА БАНГЛАДЕШ**

Бангладешцы – жители государства Бангладеш в Южной Азии; само его название в переводе означает «Страна бенгальцев». Бенгальцы также проживают и в индийском штате Западная Бенгалия. Другое название Бангладеш – Восточная Бенгалия. До середины XX в. Бенгалия входила в состав Индии, которая в то время еще находилась под контролем английских властей. В 1947 г. Индия была провозглашена независимым государством, однако ее территория была поделена по конфессиональному признаку. Из состава Индии были исключены населенные мусульманами территории на западе и востоке (Восточная Бенгалия), в то время объединенные как единое государство Пакистан.

Современное суверенное государство Бангладеш возникло 26 марта 1971 г., вследствие отделения Восточной Бенгалии от Пакистана. В отличие от населения Западной Бенгалии (преимущественно индусов), большинство жителей Бангладеш исповедуют ислам.

Идеология существования особой бангладешской нации, отличной от пакистанской или западно-бенгальской, лежит в основе политики этого молодого независимого государства. Впервые ислам появился на территории Бенгалии еще в XIII в. вместе с армиями мусульманских завоевателей. Однако это не означает, что население Бенгалии, особенно ее восточных областей, насильственно обращалось в ислам. Еще до прихода ислама суровые ограничения кастовой системы и социальная организация, характерные для всего индусского населения, в Бенгалии несколько смягчались благодаря влиянию буддизма. Уже в переписи 1872 г., проведенной среди населения всей Бенгалии (включавшей в себя не только современное государство Бангладеш, а еще и индийские провинции Западная Бенгалия и Ассам), выявилось, что ислам в этом регионе стал преобладающей конфессией.

К XIX в. Западная и Восточная Бенгалия оказались в оппозиции друг другу по конфессиональному признаку. На западе преобладали помещики-индусы, на востоке – крестьяне-мусульмане. В 1906 г. в Дакке (самом большом городе Восточной Бенгалии) была учреждена Индийская Мусульманская Лига (The Indian Muslim League). В начале XX в. англичане попытались разделить Бенгалию на Западную и Восточную провинции для более удобного администрирования в рамках колониальной стратегии «разделяй и властвуй». Мусульманские лидеры во многом приветствовали этот раздел, поскольку он открывал новые экономические возможности и рабочие места. Индусы категорически не желали этого раздела и рассматривали его как попытку ущемления общенационального достоинства. Они призывали народ вспомнить о своем общем культурном наследии, о региональной независимости, а также о единстве бенгальской нации.

Несмотря на поддержку мусульман, в то время Бенгалия так и не была разделена. Однако разделение бенгальского общества «индусы–мусульмане» со временем становилось все заметнее. Бенгальские мусульмане составляли примерно половину всех жителей Бенгалии и были самой многочисленной этнической группой среди всех индийских мусульман. С начала XX в. они лидировали в среде мусульманских сепаратистов, которые находили поддержку среди растущего среднего класса.

Ставя себя в один ряд с мусульманами севера и северо-запада, мусульмане Бенгалии предпочли временно игнорировать этнические различия между ними, включающие в себя расовые, культурные и языковые особенности. Они предпочли идентифицировать себя с мусульманами-небенгальцами для реализации мечты о «южноазиатской мусульманской родине» и ради своих экономических и политических интересов. В данном случае религия оказалась «той маской, скрывающей значительные культурные различия, которые отличали мусульман Бенгалии от остальных мусульман Южной Азии».

В этом политическом ходе, как оказалось в дальнейшем, была заложена реальная возможность будущего распада Пакистана и выделения мусульман Восточной Бенгалии в качестве отдельной этнической группы. Вскоре после образования независимого государства Пакистан в его восточной части стало возрастать недовольство относительно более низкого статуса Восточного Пакистана по отношению к Западному. Западный Пакистан был доминирующей частью страны, как в политическом, так и в эко-

номическом аспекте, несмотря на то что восточное крыло поставляло огромное количество ресурсов.

Следующим важным фактором, позднее повлиявшим на дальнейший раздел страны, стало решение западно-пакистанской администрации в 1948 г. о признании языка урду единственным государственным языком в стране. Только в 1954 г. бенгальским пакистанцам удалось провести закон о признании бенгальского языка вторым государственным языком после урду. Таким образом, взаимоотношения между силами Западного и Восточного Пакистана, которые были весьма противоречивыми уже изначально, так и не смогли стать более спокойными. Ситуацию также обострили и обоюдные высказывания политиков обеих частей страны относительно друг друга, принижающие заслуги тех и других по отношению к стране. В 1970 г. на всеобщих выборах в Пакистане восточно-пакистанские мусульмане получили численное превосходство. Кроме того, они приняли решение о «смене этничности».

В 1940 г. восточно-пакистанские мусульмане квалифицировали себя как «мусульмане, живущие в Бенгалии», и это помогло им войти в состав страны как Восточному Пакистану. Уже в 1970 г. эти же люди пришли на выборы в Пакистане, считая себя, прежде всего, «бенгальцами, исповедующими ислам», и одержали победу. Через год в результате Освободительной войны 1971 г. было образовано независимое государство Бангладеш.

Эти события могут послужить наглядным примером того, как способность этнической группы менять отношение к собственной этничности приводит к серьезным политическим, экономическим и культурным изменениям. В данном случае, благодаря смене этничности, бенгальцам удалось сформировать собственное государство. Если в первом случае акцент в самоидентификации ставился на общей религии, то во втором – на значительных культурных отличиях, особенностях национальной культуры, языковых различиях.

После образования независимого государства Пакистан мусульмане Бенгалии снова сменили свой главный идентификационный признак. На смену общей религии пришло национальное самосознание и ощущение себя в большей степени бенгальцами, нежели мусульманами. Однако это совсем не означает, что общий религиозный фактор был забыт, просто его значимость временно была завуалирована.

На сегодняшний момент ислам остается главной государственной религией государства Бангладеш, несколько не умаляя

ценности других признаков (расовых, культурных и лингвистических) бенгальской этничности. Данный пример подтверждает, что не существует фиксированных признаков этничности или этнической самоидентификации. Некоторые из них вполне могут изменяться в зависимости от политической и экономической ситуации, терять или приобретать большую или меньшую важность в общей системе ценностей.

*«Этнические процессы в глобальном мире»,
СПб., 2010 г., с. 13–16.*

Андрей Бакланов,

кандидат исторических наук,
Чрезвычайный и Полномочный Посол РФ
в Королевстве Саудовская Аравия

**БЕН ЛАДЕН – ЯВЛЕНИЕ
В СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИКЕ**

В ноябре 2000 г. я прибыл в Эр-Рияд в качестве нового российского посла. Как это всегда бывает, был составлен список наиболее влиятельных политических деятелей и представителей деловых кругов страны, с которыми было бы полезно установить контакты. Сравнивая рекомендованный список бизнесменов с данными о самых крупных компаниях Саудовской Аравии, я обратил внимание на то, что из него были исключены некоторые корпорации. Это, в частности, относилось и к группе бен Ладенов, входивших в десятку крупнейших семейных бизнес-сообществ страны, обладавших многомиллиардными состояниями. Причиной этого стали весьма примечательные обстоятельства.

Компания бен Ладенов рассматривалась как консервативное объединение, традиционно имевшее особые, очень доверительные отношения с правящим домом Саудов и специализировавшееся на возведении объектов в Мекке и Медине, в самой сердцевине святых мест мусульман, куда съезжались паломники со всего света. Получение заказов на строительство мечетей, гостиниц и других сооружений в этом районе было свидетельством самого благоприятного отношения к этой компании со стороны короля Саудовской Аравии, именуемого в стране «Хранителем Двух Святынь» (крупнейших мечетей в Мекке и Медине), его окружения, в целом религиозной и административной верхушки государства.

С учетом этого, как полагали, безусловным приоритетом компании бен Ладен было закрепление и расширение уже сложившихся привилегированных связей с королевским истеблишментом. Россия же в этот период времени имела с Эр-Риядом весьма сложные отношения из-за острых разногласий в «чеченском» вопросе. Саудовские представители на всех форумах жестко критиковали действия Москвы на Северном Кавказе. Российская Федерация, со своей стороны, в самых резких выражениях обвиняла Эр-Рияд в прямой поддержке сепаратистов, террористических элементов на Кавказе.

Другой причиной исключения бен Ладенов из списка для организации встреч было распространенное в дипломатических кругах Эр-Рияда мнение о том, что эта компания – традиционный, особый, очень доверительный партнер американцев, в частности фирм, близких к семейному бизнесу президентов Буша-старшего и Буша-младшего. Считалось, что бен Ладены вряд ли будут идти на «диверсификацию» своих зарубежных связей, тем более с Россией, из опасения хоть чем-то испортить отношения с Америкой.

Надо сказать, что уже тогда, т.е. до сентябрьских событий 2001 г., существовал «фактор Усамы бен Ладена», человека, зарекомендовавшего себя к тому времени в качестве одного из наиболее видных представителей открытой оппозиции существующему режиму – правящему дому Саудов. При этом важно отметить, что также до событий 11 сентября в политических кругах Саудовской Аравии установилось понимание того, что основная часть семьи бен Ладенов не разделяет взглядов Усамы бен Ладена и не несет ответственности за его деяния.

Линия на «отчуждение» Усамы нашла свое выражение в том, что в 1994 г. он был официально лишен саудовского подданства, а семья в различных формах выразила осуждение его поведения и политической линии и отмежевалась от него.

Каковы же были причины такого рода «антирежимного» поведения Усамы? Ведь начало его карьеры отнюдь не предвещало появления такого рода взаимоотношений с правящим домом королевства. В период пребывания Усамы бен Ладена в Афганистане у него сохранялись близкие, доверительные связи с монархической верхушкой Саудовской Аравии. Он выполнял ряд деликатных поручений, направленных на укрепление саудовских позиций в этой стране и регионе в целом. Тогда же Усама бен Ладен наладил тесные связи с американцами, их специальными службами. При этом он приобрел уверенность в том, что своей решительностью и на-

стойчивостью сможет многого добиться в этой жизни. Веские «стартовые» позиции в игре с американцами у Усама были обусловлены прекрасно налаженными связями его семьи с руководителями США. Конечно же, он воспользовался этим капиталом для восхождения на высокие этажи политической и деловой Америки. В Афганистане он сумел развить весьма продуктивные и доверительные отношения с американцами, прежде всего в вопросах противодействия советским войскам, находившимся в этой стране.

После завершения своей «афганской миссии», опираясь на наработанные контакты, Усама сделал попытку стать как бы связующим звеном между истеблишментом Саудовской Аравии и США. Нетрудно догадаться, что такой «посредник», не входивший в королевскую семью, был правящим домом Саудов отвергнут. Они сами имели отлаженные связи с Вашингтоном и не нуждались в «частных брокерах».

В силу этого деятельность Усама бен Ладена на американском направлении, ранее, в «афганский» период, горячо поощрявшаяся в Эр-Рияде, в дальнейшем была сочтена неуместной и ненужной. Его активность и «подвижность» в условиях крайне консервативного и неспешного ведения дел, характерного для современной саудовской элиты, вызывала отторжение. В результате в отношениях с саудовским режимом у бен Ладена после возвращения из Афганистана появились трещины.

Как представляется, болезненно амбициозный, жаждущий славы и денег саудовец не смог найти достойного места в крайне консервативной, жестко регламентированной системе властных и деловых отношений у себя на родине. Усама был очень раздражен тем, что нажитый им в Афганистане политический капитал (его связи с американцами) оказался не задействован. По-видимому, это послужило основой для постепенного перехода его из числа верных подданных короля в стан его критиков и противников.

Следует отметить, что богатство дома Саудов, пришедших к власти в начале XX в. после непростой борьбы с влиятельными соперниками, не давало покоя многим – как в самой стране, так и за ее пределами. В Лондоне, других столицах Запада на протяжении десятилетий действовали оппозиционные группы, стремившиеся к тому, чтобы отодвинуть узурпаторов-Саудитов от рычагов власти и лишить их богатства, прежде всего монопольных прав на добычу и экспорт нефти.

Усама, конечно, знал о деятельности этих сил, но, будучи крайне самоуверенным человеком, решил, что поведет борьбу за

власть на Аравийском полуострове самостоятельно, с опорой на сформированную мощную группировку сторонников, естественно, при сохранении и упрочении собственной роли лидера нового оппозиционного объединения. В нелегальной пропаганде Усама подчеркивал, что правящая династия Саудитов свою историческую роль в объединении страны выполнила и вполне может быть заменена другими людьми, более соответствующими новым задачам, стоящим перед народами Аравийского полуострова, арабского мира.

С середины 80-х годов Усама стал объединять вокруг себя людей, недовольных положением дел в своих странах и готовых бороться любыми методами для того, чтобы устранить от рычагов политической и экономической власти нынешние правящие элиты в Саудовской Аравии, Египте и других странах арабомусульманского мира. Переход к борьбе против дома Саудов, а также правящих режимов в странах, которые были союзниками США на Ближнем Востоке, по существу, автоматически означал противопоставление бен Ладена официальному Вашингтону.

Начав с критики ряда аспектов американской политики на Ближнем Востоке, бен Ладен вскоре убедился в том, что антиамериканизм предоставляет огромные возможности для формирования весьма широкой основы своих сторонников и последователей.

И здесь кроется крайне важная и пока не раскрытая истинная подоплека взаимоотношений Усамы бен Ладена и США. Его антиамериканизм – это отнюдь не искренний плод раздумий в отношении политики и роли Вашингтона на Ближнем Востоке, в арабском и мусульманском мире. Это и не следствие его разочарования в этой политике, переосмысления оценок предыдущего периода. Конечно же, цинизм и корыстная основа политики Вашингтона в странах третьего мира были для него совершенно очевидны еще в период его совместной с американцами деятельности в Афганистане. Как на самом деле бен Ладен относился к американцам, приходится лишь догадываться.

Критика США, а в дальнейшем и борьба против американцев, в том числе с применением методов террора, были для бен Ладена эффективным тактическим пропагандистским приемом для привлечения в ряды своих сподвижников самой широкой массы националистически, антиамерикански настроенных людей, в первую очередь молодежи.

Еще один важный момент. Многие исследователи стремятся понять, в силу каких причин бен Ладен в течение нескольких лет

(вторая половина 80-х годов) имел свой главный опорный пункт в Судане. Попробуем с этим разобраться.

Дело в том, что линия бен Ладена с середины 80-х годов заключалась в критике существующих режимов в арабских и мусульманских странах, «продавшихся американцам». При этом жестко критиковались и региональные организации этих стран за их беспринципность и соглашательство. К этим организациям относились Лига арабских государств (штаб-квартира в Каире) и Организация Исламская конференция (штаб-квартира в саудовской Джидде). На этом пути временным и очень полезным союзником стал крайне жесткий исламистский режим в Судане, вдохновителем и реальным руководителем которого был широко образованный и харизматичный теолог и политик Тураби.

Суданский режим со второй половины 80-х годов стал преподносить себя в качестве едва ли не единственного «законного», с точки зрения соблюдения норм ислама, режима в арабском мире. Одновременно Тураби, его сподвижники в суданском руководстве начали подминать под себя секретариат Организации Исламская конференция. Однако очень скоро выяснилось, что достичь этой цели им не под силу. Тогда Тураби и его группа занялись созданием «альтернативной» панисламской структуры – Народная Исламская конференция со штаб-квартирой в Хартуме.

Именно в этот период в суданской столице оказался Усама бен Ладен. Однако Народная Исламская конференция проявила себя лишь как маргинальная группа, и бен Ладен отошел от сотрудничества с Тураби, еще более уверовав в то, что должен идти по жизни и добиваться власти, рассчитывая, главным образом, на собственные силы и объединяя вокруг своих лозунгов сторонников в Саудовской Аравии и других странах арабо-мусульманской уммы.

Группировка бен Ладена неоднократно меняла названия. Наиболее известным стало «Аль-Каида». Полагаю, что со временем рассказ о появлении этого названия станет одним из самых знаменитых исторических анекдотов.

На арабском языке слово «Аль-Каида» имеет несколько значений, но все они связаны по смыслу с понятием «основа». Одно из значений – центр, где концентрируются или откуда исходят данные информация, указания и приказы. Скажу откровенно, когда я услышал название «Аль-Каида» применительно к организации во главе с бен Ладеном, первое, что мне по ассоциации пришло в голову, была цитата из известного шпионского бестселлера

о Штирлице: «Центр – Юстасу». Это впечатление у меня сохраняется и по сегодняшний день. Скорее всего, условное название центра, которым руководил бен Ладен («Аль-Каида»), было переведено не очень грамотным переводчиком как название организации. В дальнейшем, в немалой степени благодаря широкой кампании американских СМИ по следам событий 11 сентября 2001 г., это обозначение быстро укоренилось.

Наверное, такая популярность понравилась амбициозному бен Ладену, и он принял это слово в качестве названия своей группировки.

Истоки современного международного терроризма весьма туманны. И это не случайно. Здесь много пересечений профессиональных политиков, военных, международных авантюристов с различными криминальными организациями и группировками – не только в арабо-мусульманском мире, но и в других странах, Уверен, что в основе феномена современного терроризма лежат факторы финансового характера. В целом, международный терроризм следует рассматривать главным образом как одно из весьма специфических направлений международного преступного синдиката.

Конечно, весьма интересным вопросом является прояснение того, какую ступеньку в этом преступном сообществе занимал бен Ладен. В этом плане хотел бы подтвердить свою приверженность выдвинутой мною концепции «четырех этажей» современного международного терроризма. Суть ее сводится к следующему.

1. Первый, «низовой», этаж международной террористической структуры – непосредственные исполнители терактов. Как говорят представители правоохранительных органов ряда стран, в том числе ближневосточных, при аресте такого рода элементов в преобладающем большинстве случаев оказывается, что они мало что знают о заказчиках терактов: оперативная ценность их показаний весьма ограничена. Зачастую это либо зомбированные, либо заблуждающиеся люди, имеющие свои личные основания быть недовольными существующим положением вещей. И все же чаще речь идет об обыкновенных наемниках, преступных элементах, работающих за деньги.

В целом, лица, входящие в этот эшелон террористических организаций, конечно, не делают погоды в вопросах определения стратегии действий. При этом именно они в основном гибнут в ходе антитеррористических операций. Имеются также данные и о том, что от них, при необходимости, предпочитают освободиться

их же руководители, в том числе и для имитации «актов самопожертвования».

2. Второй «этаж» – ячейки на местах и организационные структуры, ведущие как вербовку исполнителей, так и отвечающие за практическое осуществление сценариев терактов. Этот, казалось бы, «вышестоящий» слой оргструктуры терроризма, как выясняется, мало чем отличается – в плане информированности и участия в принятии принципиальных решений – от исполнителей. Здесь также в основном лишь получают приказы и установки «сверху».

3. Третий «этаж» – руководители. Именно такую роль выполняли главари – «символы», и прежде всего бен Ладен. Приходится констатировать, что информация для общественного «потребления» о планах и целях руководителей зачастую поступала и поступает путем несложных манипуляций по каналам СМИ, в том числе Интернета, и при задействовании некоторых межарабских телеканалов от них же самих. В этом отношении следует крайне осторожно подходить к такого рода «сведениям». Важно было бы также разобраться, в силу каких причин от этих личностей исходили именно такие идеи, объяснения целей терактов, не уводят ли они сознательно в сторону от прояснения подлинной природы и намерений террористических организаций. В этом отношении еще предстоит выявить механизм вброса в международные СМИ подобных «документов».

4. Как представляется, правильно было бы говорить и о наличии четвертого «этажа» террористических организаций. Это глубоко законспирированные структуры, необязательно расположенные в далеких странах. Именно прояснение того, что из себя представляют эти «конструкторы» и руководители современного терроризма, имеет решающее значение для более успешного противостояния этому злу. Подоплекой террористической активности является финансовый интерес, стремление к получению политической власти, естественно, прежде всего в регионах, где для этого имеются определенные «стартовые» условия (арабские страны, страны Южной Азии и др.).

Приспосабливаясь к антитеррористической кампании, эти структуры расползаются по всему миру, умело используя и злоупотребляя демократическими традициями многих государств, в том числе и стран Запада. В этом отношении оправданными являются мероприятия международного сообщества, направленные на то, чтобы вести борьбу с терроризмом широким фронтом, в том

числе и в самих государствах, подвергшихся массированным атакам террористических групп.

В целом терроризм, как это становится все более ясно, является «международным проектом», имеющим многие составляющие, причем наиболее важная из них – финансовая основа этого феномена. Все больше всплывает фактов, подтверждающих взаимосвязь «новых» террористических организаций и «традиционных» преступных сообществ в сфере наркоторговли, нелегальной торговли оружием и т.п. К сожалению, работа правоохранительных органов, направленная на установление контактов между «старыми» преступными сообществами мафиозного типа и террористическим подпольем, пока только делает первые шаги.

Финансовая составляющая современного международного терроризма – это хорошо просчитанная акция, цель которой, как и любой финансовой операции, обеспечить не только возвратность, но и прибыльность вложенных средств. Поэтому терроризм выбирает по определенной логике как источники получения денег, так и «адресатов» финансовых вложений, осуществляемых в интересах террористических и органически связанных с ними структур.

Несколько слов об источниках финансовой подпитки. К настоящему моменту выявлены в основном факты, касающиеся получения террористами денег из арабо-исламского мира. Это обусловлено рядом причин, в числе которых огромный потенциал повсеместно собираемых благотворительных пожертвований. Согласно Корану, пожертвования в адрес нуждающихся – священный долг каждого правоверного.

Путь к получению этих денежных потоков, в сущности, достаточно тривиален: обоснование тезиса об «обидах», нанесенных собратьям по вере, а также необходимости оказания содействия мусульманам в «проблемных регионах» мира. Этим беззастенчиво пользовались в течение многих лет руководители радикальных и террористических организаций. При этом далеко не случайно, что террористические организации с самого начала обратили особое свое внимание на богатые нефтедобывающие государства Ближнего Востока. К сожалению, приходится констатировать, что в ряде случаев они на определенном этапе обеспечили себе «понимание» и поддержку со стороны части правящих элит этих стран. Это относится и к Саудовской Аравии.

В 70–80-е годы сложился своего рода союз нового поколения исламистов-радикалов и некоторых саудовских элитарных групп. Радикалы обещали «динамичное» расширение сферы влия-

ния ислама в сопредельных регионах и в мире в целом. Самым обширным плацдармом активности радикальных и экстремистских сил стал Афганистан.

В нашей политической работе мы постоянно обращали внимание руководителей арабских, мусульманских стран на бесперспективность и опасность для них самих курса на финансовую подпитку и другие формы помощи экстремистским и террористическим элементам и группам. Наша работа на этом направлении должна быть продолжена. Устранение бен Ладена не более чем эпизод на пути к снижению уровня террористической опасности в мире. Следует двигаться дальше, искореняя причины появления экстремистских настроений и проводя решительную и бескомпромиссную борьбу против международного терроризма на всех уровнях этого опасного зла, противостоящего мировому обществу.

«Обозреватель-Observer», М., 2011 г., № 6, с. 37–43.

Шамиль Биккулов,
кандидат философских наук
ИСЛАМ И ЗАПАД

Возникший в VII в. н. э., ислам удивительно быстро распространился по планете. Христианская цивилизация утверждалась почти 15 столетий; исламу, чтобы превратиться из веры и образа жизни мединской общины Мухаммада в мировую религию, понадобилось три века. И утверждался ислам именно и прежде всего как религиозная цивилизация, чему не было прецедентов в человеческой истории: ни зороастрийский Иран, ни христианская Византия не были религиозны в той степени, в какой оказался религиозен исламский социум.

Вероятно, именно это обстоятельство предопределило и столь быстрое распространение ислама и тот факт, что число приверженцев этой веры продолжает расти по сей день: в середине 1980-х годов в мире насчитывалось свыше 800 млн. мусульман, а в последнем выпуске «Книги Гиннеса» утверждается, что в 2004 г. число мусульман перевалило за 1 млрд. человек.

Сегодня об исламе много говорят и пишут, но большинство рассуждающих на эту тему, похоже, руководствуются собственными представлениями об этой вере и цивилизации. Знание подменяется предрассудками, страхами и домыслами, словно уже

близок канун Страшного суда, перед которым, как учит Священное предание ислама, человечество лишится знания (илм), а место ученых займут невежественные глупцы.

Издавна в человеческом сознании существует противопоставление Запада и Востока. Эта дихотомия используется в социологии и культурологии для описания различий между западной и восточной цивилизациями. Данная дихотомия является не географической, а культурной: границы Запада и Востока не являются четкими и складываются в представлении каждого народа индивидуально. Исторически мусульманские и азиатские народы относят к Востоку, в то время как Западную Европу, США, Австралию, Новую Зеландию и некоторые другие регионы – к Западу. В то же время границу культур трудно провести в регионах культурного разнообразия, например таких, как Босния и Герцеговина, чьи граждане могут осознавать себя частью как восточного мира, так и западного, в зависимости от этнической и религиозной принадлежности. Кроме того, жители разных частей мира воспринимают границы по-разному, например, в странах Западной Европы Россия традиционно определяется как Восток, в то время как исламские народы воспринимают все христианские народы и государства как часть западного мира.

В силу социально-исторических, природно-географических, религиозно-этнических и некоторых иных предпосылок образ Востока издавна олицетворял для европейцев иной тип мироустройства, чем тот, к которому принадлежали они сами. Процесс осмысления западноевропейской культурой сложного и многослойного социально-культурного комплекса, традиционно определяемого как Восток (в отличие от Запада), насчитывает уже двухтысячелетнюю историю. На протяжении тысячелетий европейцы по-разному видели далекие континенты. Неодинаковыми были и побудительные мотивы, порождающие желание взглянуть в очертания иных миров. Различной была и степень погруженности в неведомые культуры. Отсюда – известная размытость границ самого понятия «Восток», которое претерпевало многочисленные, нередко радикальные трансформации.

В XX в. наблюдается перемещение в страны Запада многих восточных народов, которые приносят с собой свою культуру и религию. Это особенно заметно на примере мусульманских народов. Можно уверенно утверждать, что ни одна религия в наши дни не вызывает столько споров, как ислам. Ее можно назвать самой сильной и жизнеспособной религией современности. Видимо, по-

этому ислам воспринимается многими людьми Запада как злое-щая и угрожающая сила, которая уже проникла в их среду обита-ния. Следует отметить тот неоспоримый факт, что ни в какой дру-гой религии нет такого количества верующих, страстно и самозабвенно преданных своей вере. Ислам ощущается ими как основа жизни и мерило всех вещей. Он привлекает все больше сторонников, многочисленные случаи перехода в ислам контра-стируют с практически ничтожным числом перехода из него в другие конфессии. В США ислам вскоре станет второй религией после христианства, оттеснив иудаизм. Простота и непротиворе-чивость устоев этой религии, ее способность дать верующим цело-стную и понятную картину мира и общества – все это делает ислам притягательным для новых приверженцев.

Ничто, кроме религии, не связывает столь разные во всех отношениях народы, как, например, курды и индонезийцы, марок-канцы и пакистанцы. Весь образ жизни мусульман основан на ре-лигии до такой степени, что сами термины «ислам» и «исламская цивилизация» могут восприниматься почти как синонимы. Но по-скольку ислам больше, чем религия, мусульманская цивилизация объединяет людей, которые при всем различии менталитета и обычаев сознают свою принадлежность к некоей не только рели-гиозной общности. Это сознание связано с духовной и культурной традицией. Принадлежность к мусульманскому сообществу поро-ждает особую солидарность, которая опирается не только на еди-ное вероисповедание, но и на вытекающее из самих устоев ислама мироощущение, отношение как к отдельным людям, так и к обще-ству в целом, к идеям, вещам и природе. Именно это позволяет говорить о существовании особой исламской цивилизации.

И эта цивилизационная солидарность является сегодня неос-поримым фактом. Бесчисленные конфликты и войны между му-сульманами ничего в этом смысле не меняют. Цивилизации не бы-вают монолитными и бесконфликтными: как известно, в двух мировых войнах прошлого столетия большинство жертв составля-ли люди одной и той же цивилизации, называемой иудео-христианской.

В настоящее время в Западной Европе проживает примерно 12 млн. мусульман. Из них во Франции – 4 млн., в Германии – 2,5 млн., в Великобритании – 1,75 млн., в Нидерландах – 500 тыс., в Бельгии – 300 тыс., в Испании – 200 тыс. и т.д. Происхождение мусульманских общин в Европе следующее. Во Франции преобладают выходцы из Северной Африки (алжирцы и марокканцы).

В Германии – турки, но кроме них есть также выходцы из Ирана и Ирака. Большая часть мусульман в Британии приходится на выходцев из Индии и Пакистана, а в Лондоне также очень много арабов. Нидерланды унаследовали от своих бывших колоний мусульман из Суринама, к ним присоединяются турки и североафриканцы. Марокканцы и турки представляют собой основу мусульманского населения Бельгии, которая является лидером в Европе по числу иммигрантов в процентном отношении. Мусульмане Италии представлены различными регионами мира – Тунис, Египет, Сомали, Марокко, Эритрея, Албания.

Присутствие мусульман в Западной Европе – результат миграционных потоков из имперских колоний в Азии, Африке и стран Карибского бассейна, начавшихся в 1960-х годах. Современное существование мусульманских меньшинств в европейских странах является по большей части следствием неожиданных решительных изменений в европейской иммиграционной политике в течение 1972–1974 гг., когда правительства европейских стран прекратили приток рабочей силы из-за рубежа, но способствовали дальнейшему распространению мусульман по Европе, одобрив проект воссоединения семей тех рабочих, которые уже осели в каждой данной стране. После этого начался процесс оседания, укоренения мусульманских семей в европейских государствах. По мере того как мусульмане вступали во все более тесный контакт с европейцами, набирал остроту вопрос культурных и религиозных различий.

Вскоре возникает образ мусульманина как исключительно иммигранта, чужака. Такое видение ислама формирует в сознании принимающего общества неясности и противоречия, которые провоцируют в дальнейшем столкновения коренного населения с «чужестранцами», порой с применением насилия. Почвой для подобной конфронтации послужило то, что ислам явился стойкой религией с непоколебимым желанием быть признанным в новой обстановке. Со временем мусульмане становились все более активны политически, и эта активность получила дополнительную подпитку с появлением «второго поколения». Проблема быстро вышла за экономические и религиозные рамки, и сегодня это прежде всего предмет политических и культурных дискуссий.

В первые годы миграции религия не стояла на первом месте среди проблем, возникших перед первым поколением иммигрантов. Как рабочую силу, их прежде всего интересовала трудовая занятость. К тому же им надо было выучить язык страны пребывания.

ния, еще одной проблемой было жилье. Таким образом, первоначально на первом месте стояли чисто материальные задачи. И только когда этим рабочим позволили соединиться со своими семьями, обнаружились религиозные нужды. Начали выдвигаться требования не только о предоставлении временных мест для отправления молитв, но и о постройке мечетей, которые выступали бы в качестве социальных центров, где возможно получение религиозного образования.

В этом своем стремлении мусульмане столкнулись со многими трудностями. И хотя, например, в Голландии в период между 1976 и 1984 гг. мусульмане получали субсидии от правительства, получить разрешение на постройку мечети было довольно трудно. Бюрократические барьеры и препоны были поддержаны местным населением, ставшим в оппозицию к мусульманам. Между мусульманскими общинами и гражданскими властями возникали конфликты, причиной которых часто служило то, что мусульмане использовали частные дома или другие помещения как мечети или места для проведения молитв без надлежащего разрешения. Все это вызывало подозрения и рождало недоверие среди местного населения.

Когда европейские мусульмане получили частичное удовлетворение своих требований и обрели уверенность в своих силах, они продолжили выставлять требования, связанные с ритуальными нуждами. Это касалось и отправления намаза в рабочее время, и пересмотра рабочего дня в течение месяца поста. Кроме этого, на время религиозных праздников мусульмане требовали предоставления им отпуска. Существует также требование, связанное с несовпадением способов убоя скота, что привело к серьезным конфликтам с гражданскими властями Швеции, так как мусульманский метод убоя скота там строго запрещен как варварский.

Мусульманские общины выразили также желание иметь свои собственные кладбища. Но более всего требования мусульман затрагивали сферу образования. Многие родители хотели, чтобы их дети получали образование, пронизанное уважением к религии и духовным ценностям ислама. Государственные школы для этого были малопригодны, что привело к требованиям об учреждении мусульманских школ. Проблемы также возникали в отношении девочек, так как некоторые родители отказывались отдавать своих детей в смешанные школы или запрещали своим дочерям заниматься гимнастикой и ходить в бассейн.

Требования, связанные с одеждой, образуют отдельную группу проблем. Известно множество конфликтов, возникших между мусульманской молодежью и преподавателями школ из-за желания носить бороды в соответствии с традицией Сунны.

Власти европейских стран реагируют на эти требования по-разному. Если религия как предмет внесена в школьное расписание, то чаще всего бывает договоренность о преподавании именно ислама. Наиболее обстоятельно к этому отнеслись в Дании. Там обеспечивается и религиозное преподавание, и обучение родному языку. В Австрии, Германии и Бельгии также существуют условия для преподавания ислама, однако эти страны часто испытывают недостаток соответствующих преподавателей.

В Британии последняя реформа в области образования определила, что школьные объединения, так же как и религиозное преподавание, должны отражать доминирующую культуру и поэтому должны быть в своей основе христианскими. Это вызвало негативную реакцию среди британских мусульман. Различные мусульманские организации стали наставлять родителей, чтобы они забирали своих детей из английских школ или не давали им посещать уроки религии. В настоящее время требования об учреждении в Британии мусульманских школ усиливаются. Однако местные власти не идут на уступки, возможно, из страха, что открытие конфессиональных школ может помешать интеграции мусульман с британским обществом. Правительственная комиссия до сих пор не дает разрешения на выделение субсидий для постройки мусульманских школ. По этому поводу очень велико недовольство со стороны мусульман, они считают такую политику несправедливой по отношению к ним.

Мусульманские общины в Европе все больше финансируются правительствами исламских государств. Благодаря этому финансированию мусульманские страны пытаются оказывать влияние на религиозные и политические взгляды европейцев. Например, Саудовская Аравия стремится занять свое место в Европе посредством открытия мечетей и представительств Всемирной исламской лиги. Тунис и Алжир финансируют во Франции строительство мест отправления культа, имамы регулярно получают зарплату; учреждаются различные центры, позволяющие осуществлять контроль за организацией европейского ислама. Вопрос финансирования больших мечетей в Риме, Мадриде, Париже, Лионе, Женеве, Лондоне и других европейских центрах является, по сути, вопросом о возможном политическом влиянии.

Официальная позиция большинства европейских государств заключается в признании ислама на конституционном уровне и обеспечении политической и финансовой независимости. Однако в действительности ислам по-прежнему воспринимается в Западной Европе как явление опасное и не всегда понятное или, по крайней мере, как фактор нестабильности. И пока европейские власти теряются в догадках по поводу определения курса политики в отношении ислама, «новые» мусульмане, вышедшие из общественных организаций, коими изобилует Европа, будучи политически образованными и финансово самостоятельными, начинают сами учреждать свои собственные организации и религиозные представительства, таким образом участвуя в социальной и политической жизни Европы.

Несомненно, что проблемы, связанные с восприятием ислама, касаются статуса религии в обществе. Впервые мусульманам приходится жить в секуляризованном обществе, где религиозные ценности не находятся в центре социальной и политической жизни, а оказываются все чаще ограниченными частными рамками.

*«Евразийское Ожерелье»,
Оренбург, 2010 г., вып. 10, с. 238–245.*

**РОССИЯ
И
МУСУЛЬМАНСКИЙ МИР
2011 – 10 (232)**

Научно-информационный бюллетень

Содержит материалы по текущим политическим,
социальным и религиозным вопросам

Художественный редактор Т.П. Солдатова
Технический редактор Н.И. Романова
Корректор О.В. Шамова

Гигиеническое заключение
№ 77.99.6.953.П.5008.8.99 от 23.08.1999 г.
Подписано к печати 22/VIII-2011 г. Формат 60x84/16
Бум. офсетная № 1. Печать офсетная. Свободная цена
Усл. печ. л. 10,5 Уч.-изд. л. 9,9
Тираж 500 экз. Заказ № 142

**Институт научной информации
по общественным наукам РАН,
Нахимовский проспект, д. 51/21,
Москва, В-418, ГСП-7, 117997**

**Отдел маркетинга и распространения
информационных изданий
Тел. Факс (499) 120-4514
E-mail: market @INION.ru**

**E-mail: ani-2000@list.ru
(по вопросам распространения изданий)**

Отпечатано в типографии ИНИОН РАН
Нахимовский пр-кт, д. 51/21
Москва В-418, ГСП-7, 117997
042(02)